

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

АБДАЛКАРЕМ НАБЕЛЬ ДЖАМЕЛЬ

**К ИСТОРИИ ОРИЕНТАЛЬНОГО ВЛИЯНИЯ
НА ЯЗЫК РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ
(на примере «Путешествия в Арзрум» А.С.Пушкина)**

Специальность 10.02.01 – русский язык,

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор филологических наук, профессор
Г.Ф. Ковалёв

Воронеж 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Пушкин и Восток	9
§ 1. Кавказ в русской литературе и критике	9
§ 2. «Восток» в творчестве А.С. Пушкина	15
§ 3. Кавказ в творчестве и жизни А.С. Пушкина	21
§ 4. Творческая история «Путешествия в Арзрум»	32
§ 5. Художественные особенности «Путешествия в Арзрум»	36
Глава II. Нарисательные ориентализмы в «Путешествии в Арзрум»	55
Военная лексика	57
Номинация одежды	67
Религиозная лексика	70
Номинация жилья и помещений	76
Обозначение животных и транспорта	83
Торговля	86
Разное	91
Глава III. Ономастические ориентализмы	96
Антропонимы	98
Топонимия	107
Этнонимия	131
Заключение	136
Литература	139
Словари и справочники	159

ВВЕДЕНИЕ

Интерес к Востоку в русской культуре и, в частности в литературе, обусловлен многими факторами. Прежде всего, географической близостью и геополитическими отношениями с определенными народами в евразийском пространстве. В конце XIX – начале XX вв. мода на все восточное, пришедшая из Европы, обернулась поиском на Востоке духовных корней. Для русского сознания оказалось характерным стремление сродниться с Востоком, понять его. Международные отношения сформировали интерес в России к культуре восточных народов, заимствование и восприятие отдельных ее проявлений. В литературном процессе России также проявились восточные реалии и заимствования. Так, на протяжении всего исторического развития русской литературы, начиная с древнейших времен, можно проследить восточные темы и мотивы.

Если говорить непосредственно о русской культуре, то можно отметить, что ориентализм, византийский, татарский, арабский, сопровождал ее постоянно. Восточный колорит, восточную тематику, условные черты ориентализма, в известной степени предвосхищающие ориентализм западноевропейских литератур, можно увидеть и в памятнике древнерусской культуры «Слово о полку Игореве». Примером ориентализма в древнерусской литературе можно также назвать «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

Русский ориентализм как художественная система сложился примерно к 20-м годам XIX века и наиболее ярко проявился в лирической поэзии и романтической поэме. Характерными чертами романтического ориентализма явились характерные приметы восточного стиля: наличие восточного образа, красочные картины восточного быта, нравов, природы и т.д. Такой ориентализм стал составной частью идейных и эстетических поисков таких поэтов, как В.К. Кюхельбекер, Ф.Н. Глинка, А.А. Бестужев-Марлинский, В.А. Жуковский,

В.Ф. Одоевский, М.Ю. Лермонтов и, конечно же, А.С. Пушкин. Все они понимали романтизм по-своему, и ориентализм каждого из них получал свою специфику.

Данное диссертационное исследование посвящено изучению заимствований из восточных языков, которые занимают особое место среди других заимствований по причине малой изученности, но приобретают все большую актуальность в связи с процессами глобализации и геополитической ситуацией в мире.

Известно, что произведения А.С. Пушкина оказали большое влияние на формирование русского разговорного языка того времени. Среди многих языковых единиц, вошедших в языковой узус из произведений Пушкина, есть немалое число заимствований, а среди них – ориентализмов. Закрепившись в разговорном литературном языке, некоторые ориентализмы (зачастую изменяясь семантически или адаптируясь фонетически) продолжают функционировать в нем и по сей день. В связи с этим, понятен интерес исследователей к проблеме ориентализмов в художественных произведениях А.С. Пушкина. «Ориентализм» Пушкина не был поверхностной данью романтической моде, а основывался на обращении к доступному ему кругу первоисточников. Фольклор самых различных народов (сербо-хорватский, молдавский, цыганский, кавказский, да и в целом, что называется – восточный) всегда привлекал его пристальное внимание.

Вместе с тем следует отметить и то, что ориентализмы в текстах А.С.Пушкина хорошо изучены только в некоторых произведениях, например, в поэме «Евгений Онегин», а другие произведения еще нуждаются в более тщательном исследовании. Именно поэтому наше исследование основано на изучении ориентализмов в очерках «Путешествие в Арзрум», изобилующем как ономастическими лексическими единицами (в большом количестве находим там топонимы и антропонимы), так и нарицательными ориентализмами. Вместе

с тем «Путешествие в Арзрум» – целиком автобиографичное произведение, во многом имеющее историко-этнографическую познавательную направленность.

Все вышесказанное определяет **актуальность** настоящего исследования.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые подробно рассматривается практически вся ориентальная лексика в произведении А.С.Пушкина «Путешествие в Арзрум».

Объектом исследования является массив ориентализмов текста в произведении А.С.Пушкина.

Предметом исследования являются ориентализмы текста Пушкина как система, создающая содержание и оригинальную образность произведения А.С.Пушкина.

Материалом исследования послужила полная выборка из «Путешествия в Арзрум» (более 300 примеров ориентализмов, выбранных с вариантами и контекстами). Кроме того, вся лексика, взятая для исследования, была тщательно сверена с данными «Словаря языка А.С.Пушкина» на предмет точности определений ориентальных единиц. Правда, этот словарь практически не содержит ономастической лексики, поэтому попытку создания отдельного Словаря ономастики А.С. Пушкина сделала представитель воронежской ономастической школы Е.А. Обухова. Думается, что и наша работа чем-то поможет в разработке этого направления современной пушкинистики.

Целью нашей диссертационной работы является выделение заимствованной ориентальной лексики в очерках «Путешествие в Арзрум» и выяснение роли этой лексики в содержательной и образной структуре текста Пушкина.

Поставленная цель предполагает последовательное решение следующих **задач**:

1. Выявление массива ориентализмов в тексте очерков А.С.Пушкина «Путешествие в Арзрум»;

2. Выяснение языковой принадлежности этих ориентализмов;
3. Классификация найденных ориентализмов по семантическим группам имён нарицательных и имён собственных по разрядам;
4. Выяснение роли и необходимости включения данных элементов в художественном тексте Пушкина.

Метод исследования, подсказанный спецификой исследуемого вопроса, имеет комплексный характер. В его рамках применяются такие методы исследования литературного материала, как лингвистический анализ фрагментов художественного текста, лингвостилистический анализ ориентализмов и сопоставительный анализ синонимичных единиц разных языков.

Методологическую базу исследования составляют основные идеи отечественных лингвистов в области изучения заимствованной ориентальной лексики, в том числе ученых Казанской лингвистической школы: В.А. Богородицкого, А.К. Казем-Бека, О.М. Ковалевского, В.В. Радлова, а также таких современных ученых, как Н.А. Баскаков, Н.К. Дмитриев, И.Г. Добродомов, продолженные в работах Э.М. Ахунзянова, К.Р. Галиуллина, Ф.И. Джаубаевой, Р.А. Юнаниевой, Е.Н. Шиповой и др.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что оно вносит определенный вклад в развитие теории художественного текста, этимологии и сравнительно-сопоставительного изучения языков различных семей.

Практическая ценность работы состоит в том, что ее результаты можно использовать в курсах преподавания русского языка как иностранного, в курсе лингвистического комментария русской литературы XIX в., при составлении этимологических словарей, а, главное, для создания Ономастического словаря А.С.Пушкина.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) В «Путешествии в Арзрум» А.С. Пушкин активно использовал как нарицательные имена-ориентализмы, так и ориентальные имена собственные (в тексте обнаружено около 100 нарицательных ориентализмов и около 200 ориентализмов – имен собственных).

2) Часть выявленных ориентализмов заимствовано из таких языков, как арабский, персидский, турецкий и довольно много из тюркских и других языков Кавказа. Эти ориентализмы имеют следы воздействия языка-посредника (чаще всего – тюркские), как правило, выражающемся в семантическом сдвиге.

3) Ассимиляция (фонетическая и морфологическая) в принимающем языке нарицательных и собственных ориентализмов имеют некоторые отличия; из них большему влиянию принимающего языка подверглись имена нарицательные.

4) Ориентализмы в художественном тексте изучаемого произведения используются с целью заполнения языковых лакун а также с целью повышения экспрессивности и эстетического воздействия текста.

5) Ориентализмы А.С.Пушкина в тексте выполняют, кроме прочего и роль хронотопических единиц, образно отражающих время и место событий, описываемых А.С.Пушкиным.

6) В цикле очерков А.С.Пушкина сочетание документализма и художественности достигается во многом за счет употребления колоритных ориентализмов, что позволило автору утвердить свое путешествие как литературный жанр. Тем самым Пушкин подвел итоги исканиям русских писателей в стремлении сделать очерк-путешествие по-настоящему художественным, истинным достижением литературы.

Апробация работы. Материалы диссертация обсуждалась на научных сессиях филологического факультета Воронежского государственного университета (2013-2015 гг.), а также на международной конференции

«Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: 3-я международная научно-методическая конференция. – Воронеж, 2013. Содержание работы отражено в пяти публикациях, трех из них – в изданиях, рецензируемых ВАК РФ.

ГЛАВА I. ПУШКИН И ВОСТОК

§1. КАВКАЗ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КРИТИКЕ.

Эпоха, когда творил А.С. Пушкин, была непростой, она содержала события не только российской исторической значимости, но и события общеевропейского и мирового уровня. В Европе Россия участвовала в войнах против Франции. Важнейшая из них – Отечественная война 1812 года – на много лет определила весь ход русской жизни. Помимо этого, России была втянута в круговорот военных действий на Востоке, поскольку одной из основных сфер политических интересов для России всегда оставался Кавказ. В 1801 г. к России была присоединена Восточная Грузия, а через четыре года и все остальные ее части, что послужило причиной столкновения интересов России с Персией (1804 г.) и Османской империей (война 1806 г.). Включение Грузинского царства в состав Российской империи послужило исторической предпосылкой начала Кавказской войны, в результате чего северокавказские народы, жившие между Россией и государствами Закавказья, оказались в составе Российской империи. Большая война и включение Северного Кавказа в состав Российской империи стала необратимой с назначением в 1816 г. генерал-губернатором А.П. Ермолова. Поэтому с конца 1810-х гг. в связи с началом Большой Кавказской войны Кавказ, его население и шире – Восток – начинают серьезно интересовать русское общество.

Определяя интерес российской общественности к истории как одну из важнейших особенностей умственного движения своего времени, В.Г. Белинский писал: «Век наш – по преимуществу исторический век. Историческое созерцание могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания. История сделалась теперь как бы общим

основанием и единственным условием всякого живого знания: без нее стало невозможно постижение ни искусства, ни философии» [Белинский 1969: 332].

Литературные отношения России и Востока включали восточные темы, образы, использование русскими писателями восточного фольклора, различных восточных аналогий и реминисценций, переводы литературных памятников народов Востока как с оригинальных языков, так и с языков-посредников, личные контакты русских писателей с представителями восточных народов, типологические связи и т.д. Восток представлял для романтиков огромный интерес как в качестве экзотического, так и в качестве этнографически верного реалистического материала. Наиболее значительные процессы в осмыслении Востока происходили в русской литературе романтического периода и периода перехода от романтизма к реализму.

Темы и мотивы «Востока», «Азии», «Севера», «дальних стран» изучались в России издавна, причем в разных контекстах и масштабах. В начале XX века сформировалось такое направление в изучении заимствований в языке, как анализ ориентализмов определенного исторического периода на материале письменных источников, например, художественного текста. При этом описание русского языка в период формирования национального русского литературного языка вызывало наибольший интерес. Это связано с тем, что художественные и публицистические тексты XIX вв. содержат ценные сведения об особенностях употребления заимствованных слов. Произведения русских писателей (особенно крупных художников слова – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого и других авторов) играют заметную роль в расширении области функционирования многих иноязычных, в том числе восточных элементов и являются важным источником изучения этого лексического пласта. Материалы произведений русских писателей нередко позволяют уточнить или дополнить содержащиеся в этимологических и историко-лексикологических исследованиях данные о времени появления слова

в русском языке или о времени фиксации в русских источниках. Тексты произведений предоставляют интересные данные о различных типах восточных слов: освоенных литературным языком – этимологических ориентализмах и употребительных ориентализмах-экзотизмах, а также не освоенных литературным языком региональных, окказиональных элементах. Последние типы отмечаются главным образом в сочинениях, связанных в той или иной мере с Востоком. Довольно обширный круг произведений содержит в себе различные виды восточных лексических элементов: например, у А.С. Пушкина, в текстах которого обнаружено более четырехсот ориентализмов и производных от них.

В 2006-2008 гг. филологи Воронежского государственного университета приняли участие в разработке совместного с Лозаннским университетом проекта, посвященного феномену экзотического в русской литературе и культуре (кураторы проекта – профессора Л.Геллер и А.Фаустов). В рамках проекта 20-21 июня 2008 года во Франко-русском культурном центре в Москве состоялась конференция «Экзотизмы в российской культуре», в которой приняли участие ученые из Лозанны, Воронежа, Парижа и Москвы. Часть материалов конференции была опубликована в двух номерах (выпуски № 27 и № 28) воронежских «Филологических записок». Участники проекта попытались дать формулировку таким понятиям, как «экзотика», «экзотическое», «экзотизм». Также ими были рассмотрены «спутники» и «конкуренты» экзотизма, в частности, ориентализм, эдемизм, примитивизм, регионализм. Среди названных понятий два обозначают ось географии и культурных ареалов – это *ориентализм* и регионализм.

Проблема этно-культурных контактов Востока и Запада, взаимодействия двух культур – проблема давняя и трудно разрешимая. С Востоком всегда подсознательно связывалось нечто непонятное и тайное, рождавшее желание это необъяснимое постичь. Из всего этого и зарождался в Европе и в России

ориентализм – одна из основных мифологем европейского сознания. И действительно уникальным явлением предстаёт ориентализм в России, географически, исторически и этнографически сочетающей многие культурные традиции в своём общем, едином развитии, что выражается в тех или иных их проявлениях: от лингвистики, этнографии, религии – до архитектуры. Ведь Россия объединяет народы разных этносов и конфессий, в том числе и народы, связанные с исламской культурой, которых по традиции называют «восточными». По справедливому утверждению Вяч. Вс. Иванова, русская литература, «русская поэзия включает в себя и Восток как часть нашей живой истории, длящейся в опыте современности» [Иванов 1985: 424].

Тема Кавказской войны появляется в русской художественной литературе и журналистике еще в 1800-1810-е годы. Однако именно в 1820-1830-х годах эта тема становится в русской литературе одной из самых значительных. Это связано, прежде всего, с историческими обстоятельствами, которые повлияли на то, что эта тема становится актуальной для русского общества. Особенности российской цивилизации, соединяющей в себе Запад и Восток, христианство и ислам, Библию и Коран, нашли отражение в произведениях выдающихся русских писателей и поэтов, в истории русской литературы и культуры. Интерес к Востоку – давняя благородная традиция русской классической литературы. Знакомство русских писателей и поэтов с миром Востока произошло еще в XVIII веке, а в пушкинскую эпоху «восточные» мотивы заняли особенное место в произведениях романтиков, столь ценивших «местный колорит». Увлечение Востоком играло самую значительную роль в открытии новых экзотических культур. И совсем не зря писал Г.А. Гуковский: «Восточный стиль, выражающий восточное мировоззрение, "душу Востока", по многим причинам стал играть в литературе чрезвычайно важную роль. Открывается для Европы поэзия Ирана, Коран становится модной книгой. Гете пишет свой "Западно-

восточный диван", Радищев говорит о "Гюлистане" Саади, а затем – Байрон открывает новую поэзию Востока» [Гуковский 1946: 198].

Исторически сложилось, что отношения России с горскими кавказскими народами складывались совсем непросто, поэтому кавказская проблема волновала самые широкие круги российской общественности. Впервые появившись в произведениях декабристов, тема Кавказа нашла свое художественное отражение у А.С.Грибоедова, А.П.Бестужева-Марлинского, М.Ю.Лермонтова, А.И.Полежаева, Л.Н.Толстого, и, конечно же, А.С.Пушкина. В конце XIX века русские писатели впервые показали неувядаемую прелесть Кавказа, семейный и общественный дух горцев, суровые патриархальные обычаи, любовь к свободе, мощь духа. К этому стоит добавить, что в творчестве этих и многих других писателей Кавказская война связывалась с текущими политическими процессами, происходившими в России. Нельзя не учитывать, что тема Кавказской войны в русской литературе всегда была идеологизированной.

Однако не меньше, чем причинами историческими, интерес к Кавказу мотивирован причинами эстетическими. В 1820-х гг. в русской литературе активно формируется романтизм. Именно благодаря русскому романтизму Кавказ, воспринимавшийся как край дикой и воинственной свободы, попадает в русскую художественную литературу, и уже через нее становится доступным армии читателей-современников. Кавказская война появляется в русском общественном сознании во многом благодаря творчеству русских романтиков, и прежде всего молодого А.С. Пушкина. Романтизм оказался тем литературным направлением, который позволил по-настоящему познать Кавказскую войну (и ее романтику, и ее ужасы). Смена стиля изображения Кавказа и Кавказской войны становится особенно заметной по сравнению со способом изображения войны в 1800-1810-х гг., когда вначале для ее описания применялась традиционная античная образность. В романтизме формируется тема

Кавказской войны, новый герой русской «кавказской» литературы и уникальная система жанров.

Кавказ как экзотический край противопоставлялся в творчестве русских писателей пространству обыденному. Так могли смотреть на Кавказ именно романтики, для которых двоемирие было как характерной особенностью мышления, так и необходимой эстетической категорией. В романтической системе ценностей Кавказ получает совершенно определенные характеристики, и прежде всего, это прекрасный край. Такая художественная характеристика (свойственная ряду произведений А.С. Пушкина, В.Г. Теплякова, А.А. Бестужева-Марлинского) объясняется прежде всего необычностью пространства вертикального (горы и глубоко внизу – реки), противопоставлявшегося пространству привычному для русского человека, горизонтальному (равнина и река как на ладони). Эстетическая оценка была также и первоначальной необходимой оценкой *горцев*, или, как собирательно называли горские народы в 1820-1830-х годах, *черкесов*, а позднее – *татар*.

Вторым важным показателем Кавказа становилась само понятие свободы, собственно различие между «нашей» и «их» горской свободой. Безусловное восхищение вызывали нравы горцев, ведущих постоянную войну за свою независимость. Кавказская война, таким образом, отражалась в творчестве русских писателей как явление, возможное только в подобном экзотическом пространстве, как своего рода характеристика Кавказа. Война оказывалась романтизированным событием, поскольку именно она обеспечивала состояние свободы как наивысшей ценности. И именно этим мотивируется глубокая симпатия русских романтиков к горцам: люди, готовые идти на смерть за свою свободу, вызывают уважение безотносительно к тому, с кем они воюют. Однако в произведениях А.С. Грибоедова, А.А. Бестужева-Марлинского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова могли содержаться и вполне объективные характеристики общественного и культурного развития горцев (в том числе и негативные), что

не мешало в тех же самых произведениях продолжать восхищаться их свободолобием.

§2. «ВОСТОК» В ТВОРЧЕСТЕ А.С.ПУШКИНА

Для А.С. Пушкина, как представителя мировой литературы, был характерен глубокий интерес к проблемам арабо-мусульманской культуры и ее роли в развитии европейской цивилизации. Творчество великого русского поэта было тесно связано с мусульманским Востоком. С Кораном (основной книгой исламской религии) Пушкин познакомился еще в Лицее. Из лекций профессора истории И.К.Кайданова лицеисты получали первое представление о древнейших религиях, Исламе, об арабской и персидской литературе. Подлинный демократизм Лицея, отсутствие официального религиозного фанатизма исключили возможность возникновения каких-либо конфликтов и разногласий между лицеистами разных вероисповеданий. Пушкин дружил с выдающимся востоковедом Н.Я. Бичуриным, в личной библиотеке поэта сохранились многие книги по литературе и философии Востока. Восток привлекал русского поэта на протяжении всего его творчества: «Южные поэмы», «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан» переполнены восточными мотивами: райские сады Черномора, где Людмила представлена в виде гурии в исламском раю-гареме; Ратмир – восточный хан и т.д.

Пребывание Пушкина на юге России и близкое соприкосновение с культурой и религией мусульманства тоже имело определенное значение в усилении интереса поэта к востоку. Такое же значение имело для поэта чтение Корана и «Тысячи и одной ночи», а также сочинения различных европейских и русских писателей на восточные темы, научные статьи о Востоке, беседы с друзьями – все это составляло атмосферу, в которой складывалось

первоначальное представление Пушкина о Востоке, его природе, людях, их жизни и мировоззрении, нравах и характерах.

Пушкина волнуют и увлекают не только переживания романтического героя, воплощающего в себе субъективный мир поэта, но и объективные картины действительности жизни реальных людей, и их характеры, нравы и обычаи, судьба народа и его национальный характер.

В 1824 году в Михайловском А.С. Пушкин смог прочитать Коран в переводе М.И. Веревкина. К.С. Кашталева в статье «Подражания Корану и их первоисточник» доказала, что, создавая осенью 1824 г. свой знаменитый цикл из 9 стихотворений, Пушкин опирался на перевод Корана (с французского языка на русский), выполненный именно М.И.Веревкиным и изданный в 1790 г. Этот перевод Корана выгодно отличался от других переводов (Д.Кантемира, А.Колмакова) тем, что, написанный простым и сильным языком, он был самым поэтичным из всех переводов своего времени [Кашталева 1930: 245].

Коран открыл А. С. Пушкину новый, интересный и необычный для русского человека мир:

В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран.
Внезапно ангел утешенья,
Влетев, принес мне талисман

Этот мир раскрывается А.С. Пушкиным в цикле стихотворений «Подражания Корану», в котором он не просто фиксировал содержание и структуру священной книги мусульман, но и нашел новые идеи, образы, чувства, которые стали составной частью его мировоззрения и творчества. Так, Н.И. Черняев пришел к выводу, что Коран привел Пушкина к Библии и дал первый толчок к его религиозному возрождению и поэтому имел огромное значение в его внутренней жизни [Черняев 1898: 397]. «Подражания Корану» оказались мощным событием в творчестве Пушкина, важной вехой в его

творческих отношениях с Востоком; и позже внимание Пушкина к Востоку скорее росло, чем иссякало.

В последующие десятилетия источники «Подражаний Корану» и условия, в которых последние писались, исследовались в работах Б.Томашевского, И.С. Брагинского, Н.М. Нольмана и, наиболее целенаправленно, Д.И. Белкина [Белкин 1965, 1989] и Н.М. Лобиковой [Лобикова 1974]. В них воссоздан тот достаточно высокий интерес к Востоку, которым характеризовалась атмосфера интеллектуальной и художественной жизни первой трети XIX века и в которой происходило становление творчества Пушкина, обозначены личности (И.Кайданов, А.Болдырев, Х.Френ, С.Уваров, О.Сенковский и др.), прямо или косвенно повлиявшие своим ориентализмом на поэта, отмечены и мотивы биографического характера, обращавшие внимание Пушкина к Востоку.

Работа Н.М. Лобиковой «Пушкин и Восток» была посвящена исследованию «непреходящего интереса поэта к Востоку, его народам и культуре». На сегодняшний день это одна из немногочисленных брошюр, в которых исследуется тема «ориентализма» в творчестве А.С. Пушкина. Она написана в виде очерка и посвящена анализу нескольких поэтических произведений А.С. Пушкина, связанных восточной тематикой: поэмы «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан», а также «Подражания Корану». На примере сопоставления поэмы «Руслан и Людмила» и сказок из «1001 ночи», Н.М. Лобикова наглядно демонстрирует влияние арабских сказок на поэму Пушкина.

Н.М. Лобикова отмечала, что Коран интересовал поэта не с религиозно-культурной, а с общефилософской, нравственной и, главное, с поэтической стороны, привлекая внимание как исторический памятник своеобразной художественной культуры. При анализе пушкинского цикла «Подражания Корану», по мнению исследовательницы, «следует выявить как субъективную, так и объективную стороны его поэтического содержания, которые органически

слились в “Подражаниях Корану”» [Лобикова 1974: 64] Н.Я. Соловей также считала, что в цикле получили отражения оба начала: «Пушкин реалистически воссоздает некоторые особенности арабской культуры, стремится дать объективное представление о Коране и его творце Мухаммеде. Одновременно Пушкин развивает в этом цикле мысли о поэте-пророке и о его важном общественном назначении» [Соловей 1979: 127]. Н.Я. Соловей считала, что, когда мы говорим об автобиографичности и лиричности «Подражаний Корану», то имеем в виду, что в них сквозь объективное изображение отдельных особенностей Корана и его творца Мухаммеда проступает вторым планом комплекс переживаний Пушкина, связанных с пребыванием в Михайловском в 1824 г. Пушкин находил в биографии Мухаммеда созвучие своим жизненным обстоятельствам, в частности, относительно изгнания и бегства пророка из Мекки в Медину.

В.Э. Вацуро также видел причины обращения Пушкина к Корану в самой фигуре пророка Магомета, возвещающего через Коран народу волю Аллаха. Это, по мнению Вацуро, для Пушкина было преисполнено как исторического, так и чисто поэтического смысла [Вацуро 1980: 123-124].

С. Рассадин говорил о том, что Коран позволил Пушкину высказать свои представления о назначении поэта, и не исключал, что Коран очаровал Пушкина своим поэтическим достоинством, поскольку в нем запечатлено национальное лицо народа, не знакомого Пушкину [Рассадин 1969: 225-227].

В.В. Виноградов отмечал, что создавая многообразие индивидуальных средств художественного выражения и художественной композиции, Пушкин нередко строил новые литературные формы на фундаменте самых разнообразных форм русской и мировой литературы, в частности, что поэт творчески использовал стили русской народной поэзии, стиль летописи, а также стили Библии и Корана [Виноградов 1941: 482]. Д.Благой утверждал, что

Пушкина привлекал страстно-пропагандистский, пророческий тон Корана, воинственно-героический его дух [Благой 1967: 580].

Называя «Подражания Корану» одной из вершин западно-восточного синтеза в творчестве Пушкина и по объему, и по глубине замысла, и по художественному совершенству исполнения, исследователь Н.М. Нольман обратил внимание на то, что пушкинское «Подражание Корану» основывается на конфликте безличного и всеильного Аллаха и кичливого смертного – такова система полярных образов цикла, в которой осуществлен идейно-художественный синтез восточного мировоззрения с собственно пушкинским взглядом на жизнь [Нольман 1967: 120-121].

Из работ, посвященных теме «Пушкин и Восток», важна работа Д.И. Белкина «Тема зарубежного Востока в творчестве А.С. Пушкина» [Белкин 1965: 104-116]. В этой статье автор ставил перед собой две задачи: установить источники, из которых А.С. Пушкин почерпнул сведения об арабском Востоке, и проследить проявления ориентализма в творчестве поэта. Д.И. Белкиным были изучены и исследованы работы по интересующим его вопросам и проанализированы соответствующие произведения Пушкина. На основе скрупулезного ознакомления с работами авторов дореволюционного и послереволюционного периодов исследователь по первой поставленной задаче приходит к выводу о том, что «восточная тематика переплетается у Пушкина с фактами его собственной биографии и истории его рода», т.е. автор считает, что в формировании ориентализма в творчестве А.С. Пушкина определяющим явилось его генетическое родство с Востоком. Но чуть дальше, как бы возражая сам себе, заявляет, что «в творчестве А.С. Пушкина восточная тематика неразрывна с его поисками и апробацией стилевых и идейных возможностей романтизма. “Восточный стиль”, разработанный в Европе писателями-романтиками, был удачно воплощен русским поэтом в его южных поэмах» [Белкин 1965: 104-116].

Как правило, «восточный стиль», разработанный западноевропейскими писателями-романтиками, был лишь формой, к которой они прибегали для изображения героев, созданных их воображением. Поэтому довольно часто эти образы страдают схематичностью, недостаточно правдиво передают душевные порывы людей. У Пушкина же образы всегда жизненны, т.к. взяты из реальной жизни, а изображаемые события пережиты им самим. Поэтому восточные образы Пушкина близки и понятны каждому человеку, восточному в особенности. Таковы, например, образ Черкешенки из поэмы «Кавказский пленник», персонажи поэмы «Бахчисарайский фонтан» .

Интересные сведения об ориентальной осведомленности А.С. Пушкина приводятся в диссертации Д.И. Белкина «Концепция Востока в творчестве Пушкина». В ней, по отзыву Н.М. Лобиковой, дана справедливая оценка основным критическим суждениям о восточных мотивах в творчестве А.С. Пушкина, подробно рассматривается образ прадеда Пушкина – Абрама Ганнибала и анализируется много новых материалов по исследуемой проблеме, что дает нам новое представление о широте знаний Пушкина, о глубине его интереса к культуре Востока. Однако, как справедливо замечает Н.М. Лобикова, тема русского Востока в творчестве А.С. Пушкина еще не исчерпана и она требует специального, более глубокого исследования, особенно в свете сегодняшнего дня.

В «Заметках о пушкинском западно-восточном синтезе» И.С. Брагинского анализируются ориентальные моменты в лирике А.С. Пушкина. Поднятая И.С. Брагинским проблема западно-восточного синтеза в лирике А.С. Пушкина, по сути, является новым направлением в изучении все еще недостаточно разработанной темы «Пушкин и Восток». Ученый отмечает наличие ряда сложностей в разработке этой проблемы, главными из которых, по мнению автора, являются недостаточная изученность и отсутствие систематизации

самого материала. В целях успешного решения проблемы автор предлагает ряд практических мер [Брагинский 1965: 117-126].

Согласно И.С. Брагинскому, А.С. Пушкин не сразу заинтересовался Востоком. Первые попытки Пушкина использовать восточные мотивы в своих произведениях проявляются в неких «ориентальных моментах». Развитие восточных мотивов в творчестве А.С. Пушкина ученый делит на периоды: Лицейский (1813-1817), Петербургский (1817-1820), Кавказский (1820-1824) и Михайловский (1824-1830). По мнению И.С. Брагинского, в стихах Лицейского и Петербургского периодов Пушкина, «сильны отзвуки анакреонтических и эпикурейских мотивов Батюшкова, романтической музыки Жуковского, увлечения языческой греко-римской античной образностью», интерес к восточной теме еще «не большой». Восточные мотивы, как отмечает И.С. Брагинский, возникают только с начала его ссылки на Юг (1820) под воздействием встречи с живым Востоком. Но и в этот период отзвуки ориентализма в большей мере носят внешний характер («Бахчисарайский фонтан»). В стихотворениях последующего периода отмечает ученый, отношение Пушкина к культурному наследию в корне меняется. Поэт от внешних восприятий переходит к показу глубинных элементов его культуры.

В то же время выясняется и то, что до настоящего времени разработка проблемы «Пушкин и Восток» или, по выражению И.С. Брагинского, «западно-восточного синтеза» в творчестве А.С. Пушкина еще не завершена и ждет все новых исследователей. Это в определенной степени и помогло нам в выборе данной темы.

§3. КАВКАЗ В ТВОРЧЕСТВЕ И ЖИЗНИ А.С.ПУШКИНА

Вся жизнь А.С. Пушкина была наполнена вольными и невольными путешествиями (правда, не за пределами России!). Справедливо замечено

исследователем его путешествий П.П. Померанцевым: «Значение путешествий Пушкина для развития его творчества чрезвычайно велико, хотя, может быть, оно ещё не всеми достаточно оценено. А ведь именно благодаря путешествиям было создано большое число творений великого поэта, благодаря им Пушкин нашёл много новых сюжетов и образов... Сколько же наездил наш великий поэт?.. 34750 км! (это включая 20 поездок в Москву, в Болдино, в Боровичи, в Торжок, в Старицу, в Ярополец, на Полотняный Завод под Калугой и прочие места, входящие в обычные его поездки). Пусть даже 34000 км – цифра даже для профессионала–путешественника значительная, почти окружность земного шара... Пржевальский за свои центрально-азиатские странствия совершил около 30000 км. Разве после этого мы не назовем нашего гениального поэта путешественником? Он был действительно настоящим и замечательным путешественником» [Померанцев 1949: 453-459]

В повести «Станционный смотритель» Пушкин писал: «...В течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые трактиры мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела; любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непреложном времени» [Пушкин-VIII: 97]. В полном объеме этому обещанию не суждено было осуществиться. Но все творчество Пушкина пронизано дорожными его впечатлениями. Всю жизнь он поистине торил творческий путь. Молдавия, Кавказ, Крым, Украина, Псковщина, Тверской край, Поволжье, Приуралье – это в равной степени страницы и его биографии, и его произведений. А сколько на карте России мет, которые воспринимаются теперь как столицы его поэзии: Царское село, Гурзуф, Пушкино, Михайловское, Болдино... Не будь этих мест – пушкинская муза была бы иной.

Ощущением простора и свободы неизменно одаряла его дорога. Она же давала ему подлинное значение своей страны, ее преданий, обычаев, чаяний.

«Подсчитано, что только по почтовым трактам Пушкин проехал свыше 30 тысяч верст. Это немало и по нашим меркам. Для начала же XIX в. это необычайно много» [Пушкинские места 1988: 6].

В «Путешествии в Арзрум» А.С. Пушкин сообщал: «Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимую мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России» [Пушкин-VIII: 463]. А поэту так хотелось совершить далекое путешествие! Но этим желаниям А.С. Пушкина не суждено было сбыться: выезд из России ему был запрещен, хотя для поэта было важно заграничное путешествие. Все же однажды во время путешествия в Арзрум А.С. Пушкин государственную границу пересек.

Как известно, Пушкин был на Кавказе два раза. Первый раз в июле-августе 1820 года в Пятигорске, Кисловодске и других поселениях Кавказских Минеральных вод. Поводом вынужденной поездки явилось следующее. Общественный резонанс, который получили политические и антирелигиозные стихи и эпиграммы Пушкина, расходившиеся в списках, вызвали ярость Александра I, который решил сослать поэта в Сибирь или в Соловецкий монастырь. Лишь благодаря хлопотам влиятельных друзей удалось заменить эту кару высылкой поэта на юг России, замаскированной служебным переводом в Екатеринослав (в канцелярию генерала И.Н. Инзова). По приезде (в мае 1820) Пушкин тяжело заболел малярией. Сочувственно относившийся к ссыльному поэту Инзов разрешил ему поехать для лечения на Кавказские Минеральные Воды вместе с ген. Н.Н. Раевским и его семьёй. Оттуда поэт поехал с Раевскими на Южный берег Крыма, в Гурзуф. 21 сентября 1820 года он прибыл в Кишинёв (куда была переведена канцелярия Инзова, назначенного исполняющим обязанности наместника Бессарабской области). Впечатления от этих поездок нашли глубокое отражение в творчестве Пушкина:

Забытый светом и молвою,
 Далече от берегов Невы,
 Теперь я вижу пред собою
 Кавказа гордые главы.
 Над их вершинами крутыми,
 На скате каменных стремнин,
 Питаюсь чувствами немymi
 И чудной прелестью картин
 Природы дикой и угрюмой

(«Руслан и Людмила». Эпилог. 1820 г.)

Произведения А.С.Пушкина содержат довольно много географических понятий и описаний, пестрят географическими названиями, а некоторые произведения имеют непосредственно географический характер. Период южной ссылки был для него временем стремительного духовного роста, упорного труда, глубоких раздумий и связанного со всем этим замечательного расцвета поэтического творчества.

В поэмах Пушкина с большой поэтической силой выражены свободолюбивые настроения передовых кругов русского общества. Этим объясняется их исключительный успех у читателей. «...Поэт был явно увлечен двумя предметами – поэтической жизнью диких и вольных горцев, и потом – элегическим идеалом души, разочарованной жизнью. Изображение того и другого слилось у него в одну роскошно-поэтическую картину. Грандиозный образ Кавказа с его воинственными жителями в первый раз был воспроизведен русской поэзией» – писал В.Г.Белинский о «Кавказском пленнике» А.С. Пушкина [Белинский 1969: 334].

К теме Кавказа поэт постоянно обращается и в многочисленных письмах. Читая письма А.С.Пушкина, Ф.М. Достоевский заметил «гениальнейшую способность Пушкина перевоплощаться в гении чужих наций», т.е. понимать

другую нацию [Достоевский 1999: 171]. В качестве примера можно привести письмо поэта брату Лёвушке из Кишинева от 24 сентября 1820 г.: «Два месяца жил я на Кавказе; воды мне были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно серные горячие... Все эти целебные ключи находятся не в дальнем расстоянии друг от друга, в последних отраслях Кавказских гор. Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видал великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажется странными облаками, разноцветными и недвижными; жалею, что не всходил со мною на острый верх пятихолмного Бешту, Машука, Железной Горы, Каменной и Змеиной. Кавказский край, знойная граница Азии, любопытен во всех отношениях». Когда речь идет о знакомстве Пушкина с природой и жизнью кавказских народов, выявляется огромный интерес поэта к восточным традициям и обычаям: «Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести...», – писал Пушкин о «Кавказском пленнике» в письме В.П. Горчакову в 1822 году.

Н.В. Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине» отмечал следующее: «Он один только певец Кавказа; он влюблен в него всею душою и чувствами; он проникнут и напитан его чудными окрестностями...великолепными крымскими ночами и садами... На них он невольно означил всю силу свою и оттого произведения его, напитанные Кавказом, волею черкесской жизни и ночами Крыма, имели чудную магическую силу...» [Гоголь-VIII: 96].

Второе путешествие Пушкина на Кавказ, в действующую армию, состоялось в 1829 г. В пушкиноведении установилась традиция считать, что путешествие на Кавказ было предпринято Пушкиным исключительно в силу тяжелых обстоятельств личной жизни: в марте 1828 года началось следствие по распространению стихотворения «Андрей Шенье», затем в июне-июле – расследование «по высочайшему повелению» о «Гавриилиаде», закончившееся установлением секретного надзора за поэтом, допросами и взятием подписки

ничего не издавать без цензуры царя и III Отделения, лишением свободы передвижения. Ко всему этому и неудачное сватовство Пушкина к Н.Н. Гончаровой.

Ю.Н. Тынянов в своей работе «О «Путешествии в Арзрум»», перечисляя указанные выше причины, утверждал, что Пушкину было безразлично, куда ехать – в Париж или на Кавказ, лишь бы вырваться из России [Тынянов 1936: 57-73]. Объяснение, данное Ю.Н. Тыняновым (как и Л. Гроссманом, А. Цейтлиным и другими) целям поездки Пушкина на Кавказ, совершенно неприемлемо с точки зрения других исследователей, например, К.В. Айвазяна [Айвазян 1952: 158-191]. Пушкину приписывается сожаление, что ему не удалось вырваться за пределы России, выйти «на вольный простор иных стран, иных политических порядков», то есть желание покинуть родину. Ю.Н. Тынянов в упомянутой статье прямо говорит о том, что «недозволенная поездка Пушкина входит в ряд его неосуществленных мыслей о побеге».

Но имеется и иная точка зрения на цели и характер поездки Пушкина на Кавказ, несколько дополняющая первую: объясняют поездку желанием увидеться с младшим братом Левушкой (Львом Сергеевичем), служившим тогда в Нижегородском драгунском полку в Кахетии.

В 1828 году началась война с Турцией. Пушкин просил Николая I зачислить его в действующую армию, но получил отказ, скорее всего из-за того, что в её рядах было немало сосланных на Кавказ декабристов. Тогда поэт без разрешения 1 мая 1829 года отправился на театр военных действий в Закавказье. Официально он объяснял причину своей поездки как желание повидать брата, позднее, в проекте предисловия к «Путешествию в Арзрум», именно как желание «свидания с некоторыми из приятелей». Если принять во внимание, что большинство приятелей Пушкина, участвовавших в кампании, были декабристы, – поездка его, запрещенная правительством, является открытым вызовом. Этим объясняется и крайнее недовольство его поездкой со

стороны Николая и Бенкендорфа, и ревностная слежка, установленная за Пушкиным сразу же после его отъезда, и, быть может, инспирированные «нажимы» «Северной Пчелы» с требованием от поэта немедленных поэтических откликов на военные события. Из предписания Николая I А.Х.Бенкендорфу от 20 мая 1829 г.: «Потребовать объяснений, кто ему разрешил отправиться в Арзрум... он забыл, что обязан предупреждать меня обо всем, что он делает, по крайней мере, касательно своих путешествий. Дойдет до того, что после первого же случая, ему будет определено место жительства» [Благой 1954: 201]. «...Одною из главных причин неудовольствия главнокомандующего было нередкое свидание Пушкина с некоторыми из декабристов, находившимися в армии рядовыми. Говорили потом, что некоторые личности шпионили за поведением Пушкина и передавали свои наблюдения Паскевичу, разумеется, с прибавлением, желая тем выслужиться», – писал Н.Б.Потоцкий («Встреча с А.С.Пушкиным в 1829 г.») [Благой 1954: 97].

«Путешествие в Арзрум» было написано на основе путевого дневника А.С.Пушкина, который он вел во время своей самовольной поездки на Кавказ в действующую армию в 1829 году: первая из путевых заметок поэта (о посещении Ермолова) помечена 15 мая (Георгиевск), вторая – 22 мая (Владикавказ). Пушкин рассказывает в них о встрече и разговорах с Ермоловым, описывает маршрут следования, сравнивая знакомые ему места по первой поездке с их нынешним состоянием. Эти путевые записки дошли до нас в объеме, соответствующем первой главе «Путешествия в Арзрум», да еще описание дворца сераскира в Арзруме, с пометой 12 июля 1829 г., соответствующее отрывку 5-й главы «Путешествия». Эти путевые записки подверглись позднее, при редактировании «Путешествия в Арзрум», значительной переработке, а частью и вовсе не были использованы. Отрывок из них был напечатан Пушкиным в 1830 г. в «Литературной газете» (№ 8) под

заглавием «Военная Грузинская дорога», с подзаголовком: «Извлечено из путевых записок».

Опубликованию, а в значительной мере и написанию «Путешествия», дало толчок появление книги французского дипломатического агента, Виктора Фонтанье «Путешествия на Восток, предпринятые по поручению французского правительства», в которой Пушкин, с одной стороны, назывался «бардом в свите Паскевича», а с другой – ясно намекалось на то, что Пушкин написал сатиру на Арзрумский поход. В. Фонтанье не только резко критиковал восточную политику Николая I, но и иронически писал о Пушкине, «покинувшем столицу, чтобы воспеть подвиги своих соотечественников». При этом автор подчеркивал, что Пушкин в наблюдавшихся им событиях «нашел сюжет не для поэмы, а для сатиры». Ю.Н.Тынянов, исследовавший «Путешествия на Восток» Фонтанье, пришел к заключению, что негодование Пушкина было полностью оправданным, а обвинение Фонтанье настолько веским, что Пушкин был вынужден оправдываться.

Авторитет Ю.Н. Тынянова был столь высок, что после него непосредственно к книге В. Фонтанье никто не обращался. Все без исключения исследователи цитируют не сами «Путешествия на Восток», а пушкинские и тыняновские выдержки из них, не сомневаясь в том, что В. Фонтанье действительно поставил Пушкина в крайне невыгодное положение. «Замечания Фонтанье, – пишет, например, В.Э. Вацуру, – были оскорбительны там, где автор говорил о намерении Пушкина стать чьим-то бардом; в остальном они выглядели для Пушкина прямой провокацией, тем более что содержали зерно истины» [Вацуру 19861: 91] Примерно так же трактует пушкинскую реакцию и Я.Л. Левкович, назвавшая выводы Тынянова безусловными. По ее утверждению, «Пушкин был задет ироническим упоминанием Фонтанье о "бардах, находящихся в свите" Паскевича, и счел необходимым парировать

высказывание Фонтанье, что поэт нашел в Арзрумском походе "сюжет не поэмы, а сатиры"» [Левкович 1988: 218].

Однако другой исследователь А.А. Долинин считает, что пушкинская интерпретация двух замечаний Фонтанье более проблематична, чем принято считать. По мнению А.А. Долинина, Пушкин сознательно цитирует эти замечания в обратном порядке и искажает их текст, из которого отнюдь не очевидно то, что Фонтанье говорил именно о Пушкине. Так же полагает и Н.И.Черняев, считавший, что предисловием к «Путешествию в Арзрум» Пушкин «хотел обеспечить себя от инсинуаций и выходок своих недоброжелателей, которые готовы были очернить его в глазах Императора Николая Павловича и восстановить против него графа Паскевича и других сановников государства» [Черняев 1898: 353-354.]. Обращение к книге Фонтанье, по мнению Долинина, позволила Пушкину решить несколько важных задач: «Во-первых, он дискредитировал патриотические претензии своих реальных противников, обнаруживая их сходство со взглядами невежественного француза, известного своим русофобством; во-вторых, конструировал контекст, в котором появление ПВА («Путешествие в Арзрум») выглядело бы актуальным и необходимым актом; в-третьих, маскировал истинную творческую историю ПВА, выдавая (обратим внимание на использование многозначного глагола «выдать» в последнем предложении предисловия) только что написанную книгу за аутентичные “путевые записки” 1829 года, не предназначавшиеся для печати и вынужденно преданные гласности в ответ на измышления Фонтанье. Элементы мистификации в предисловии заставляют подозревать, что книга Фонтанье на самом деле явилась не столько поводом для публикации ПВА, как представляет дело Пушкин, сколько одной из побудительных причин его написания в форме полуфиктивных “путевых записок”. Скорее всего, Пушкина возмутили отнюдь не процитированные им пассажи Фонтанье, а то, как “по-своему” описывает

автор арзрумский поход» [Долинин 2010: 115]. Действительно, в мемуарах французского дипломата само столкновение России и Турции представлено как конфликт двух отсталых варварских империй, двух восточных деспотий, одинаково враждебных современной европейской цивилизации и равнодушных к судьбам христианских меньшинств на пограничных территориях. Такая точка зрения, исключая Россию из европейского культурного пространства, была для Пушкина категорически неприемлемой. Таким образом, можно отметить, что вопрос о том, в какой степени сочинение Виктора Фонтанье повлияло на решение Пушкина опубликовать свои путевые записки, до сих пор остается спорным, исследователи не сошлись в однозначном выводе. Нам остается полагаться только на собственно пушкинские замечания, сделанные им в предисловии.

В «Предисловии» Пушкин, отвечая Фонтанье, заявлял, что ездил он в действующую армию не для поиска вдохновения («Искать вдохновения всегда казалось мне смешной и нелепой причудой: вдохновения не сыщешь; оно само должно найти поэта...»), и не для бесстыдного дела – писать сатиры («я устыдился бы писать сатиры на прославленного полководца, ласково принявшего меня под сень своего шатра и находившего время посреди своих великих забот оказывать мне лестное внимание. Человек, не имеющий нужды в покровительстве сильных, дорожит их радушием и гостеприимством, ибо иного от них не может и требовать») [Пушкин-VIII: 371]. После такой сдержанной, но исполненной высокого чувства достоинства отповеди Пушкин завершил свое «Предисловие» следующими словами: «Обвинение в неблагодарности не должно быть оставлено без возражения, как ничтожная критика или литературная брань. Вот почему решился я напечатать это предисловие и выдать свои путевые записки, как всё, что мною было написано о походе 1829 года» [Там же.]

При этом Пушкин, несомненно, предполагал издать «Путешествия» отдельной книгой. Об этом свидетельствует как внешний вид белой рукописи «Путешествия», так и ее состав: «Предисловие» с особым титульным листом и два приложения: первое – французская статья «Notice sur la secte der Yézidis» (на 13 стр.), а второе – «Маршрут от Тифлиса до Арзрума». Предназначенный для издания в отдельном виде текст отличается от того, который был напечатан Пушкиным в «Современнике» (1836, кн. 1), и своей композицией: отсутствует деление на главы.

Соответствующие места путевых записок, вошедшие и в текст «Путешествия», связаны по темам со стихами Пушкина: таково стихотворение «Калмычке», первоначально предназначавшееся к включению в текст записок; таковы далее стихотворения «Делибаш», «Монастырь на Казбеке»; «Кавказ»; «Обвал»; стихотворение «Был и я среди донцов» связано с отрывком записок, не вошедшим в текст «Путешествия» («Мы ехали из Арзрума в Тифлис»).

В «Путешествии в Арзрум» поэт подробно описывает свой путь от Георгиевска до Владикавказа и Ларса и дорожные впечатления от посещения этих мест. Он знакомится с древними памятниками горских народов, их бытом и нравами. Привлекают его внимание воинственные черкесы, осетины – «самое бедное племя из народов, обитающих на Кавказе», «спокойные и смелые женщины», обряд похорон и многое другое. Отношение к ним у поэта сочувственное, без тени пренебрежения.

Впечатления от этой поездки, описанные в «Путешествии в Арзрум» (могучая природа Кавказа, боевая обстановка, подвиги простых русских солдат, встречи с друзьями и знакомыми), оказали благотворное действие на Пушкина и способствовали преодолению владевших им тягостных чувств и мыслей.

Опираясь на исследования классиков русской литературы В.Г.Белинского, Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского, а также на исследования современных критиков Д.Д.Благого, В.Д.Виноградова и др., мы считаем, что впечатления, полученные

на Кавказе, оказали значительное влияние на мировоззрение поэта. Мы также предполагаем, что «кавказское» творчество Пушкина отражает сложный духовный путь поэта от романтизма в период первого путешествия поэта к реализму после второго посещения Кавказа в 1829 году и определяет дальнейшие этапы художественного развития Пушкина.

§ 4. ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ «ПУТЕШЕСТВИЯ В АРЗРУМ»

«Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» – замечательное произведение А.С. Пушкина, занимающее в его творческом наследии совершенно особое место из-за оригинальной структуры произведения. Но, к сожалению, в исследовательской литературе ему практически не уделяется внимания. В отличие от «Евгения Онегина», «Капитанской дочки», произведения исторического характера, как «Путешествие в Арзрум» являются гораздо менее исследованными. В то же время, это произведение является значительной вехой в истории русской прозы. Мы считаем, что «Путешествие в Арзрум» заслуживает большего внимания.

Ю.Н.Тынянов оценивал отношение к русско-турецкой войне у Пушкина как отрицательное. Изучая текст «Путешествия», ученый пришел к выводу, что Пушкин иронически относился к Паскевичу и его полководческому искусству, потому и изобразил его в «Путешествии» сатирически. Ю.Н. Тынянов писал: «Ироническое изображение “героя” войны – Паскевича, со сделанными в осторожной форме, но серьезными возражениями чисто военного характера, обнаруживающими тонкую военную осведомленность “штатского” автора» [Тынянов 1936: 200].

Г.П. Макогоненко указывал на то, что «это и многие другие решения определили надолго характер понимания «Путешествия в Арзрум». Мысль Ю.Н. Тынянова о сатирическом намерении Пушкина особенно полюбилась и

получила гипертрофированное развитие у последующих исследователей» [Макогоненко 1982: 301]. К сожалению, после Ю.Н. Тынянова и другие исследователи стали толковать «Путешествие» как сатиру на Паскевича. Г.П. Макогоненко убедительно показал, что Пушкин отнюдь не высмеивает Паскевича, но, наоборот, представляет его в самом положительном свете, как пример благожелательного отношения к декабристам.

Н.Л. Степанов определял главную тональность повествования в «Путешествии» как иронию, «выражающую оппозиционное отношение Пушкина к самодержавно-полицейскому режиму Николая I» [Степанов 1962: 185]. Так, Пушкин оказался сатириком, который, якобы, без ведома императора-цензора напечатал острую в политическом отношении сатиру на его самодержавно-полицейский режим.

Утвердившаяся традиция абсолютно противоречит тексту, созданному Пушкиным. Поэтому, чтобы понять главное содержание путевых записок и цель их написания и публикации, необходимо внимательно и с полным доверием отнестись к тому, что в них написано.

Подробному разбору интерпретация Ю.Н. Тынянова «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» подвергается в статье А.А. Долинина ««Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» в редакции и интерпретации Ю.Н.Тынянова». А.А. Долинин отмечает, с одной стороны, большую заслугу Ю.Н. Тынянова в установлении самого текста произведения, а с другой стороны, А.А. Долинин отмечает, что Ю.Н. Тынянов использовал как основу белой автограф автора, а не первопечатный текст в «Современнике», что вызывает некоторые сомнения и нарекания. Например, Тынянов помещает в текст «Путешествия» вслед за предисловием фрагмент о встрече Пушкина с Ермоловым, хотя в авторском содержании первой главы этот эпизод отсутствует, более того, Пушкин никаких попыток ввести его в рукопись не предпринимал и Николаю I не показывал. По мнению Долинина, Тынянов в

данном случае погрешил против научной корректности, он создавал «литературный факт» для подкрепления своей художественной концепции, согласно которой Пушкин осуждал военную стратегию Паскевича в арзрумской компании, которая лишь чудом не закончилась поражением русской армии (о чем наиболее непрозрачно говорится именно во фрагменте встречи с Ермоловым) [Долинин 2009: 32]. Долинин считает, что введение «ермоловского фрагмента» в текст и его интерпретация представляются ошибочными не только с текстологической, но и с историко-биографической точки зрения. Свою позицию Долинин объясняет так. В мае 1829 г. легендарный Ермолов и его суждения о положении на Кавказе и о литературе, безусловно, произвели на Пушкина сильнейшее впечатление, и недаром он сразу же кратко, но тщательно записал свои разговоры с опальным полководцем. Однако следует учитывать, что встреча состоялась до знакомства Пушкина с Паскевичем и, главное, до начала арзрумского наступления, «увенчанного полным успехом». Оказавшись свидетелем победоносной кампании и убедившись, что Паскевич не столь глуп и бездарен, как о нем привыкли говорить, Пушкин едва ли стал бы некритически повторять суждения и прогнозы Ермолова, опровергнутые ходом событий. Еще менее вероятно, чтобы шесть лет спустя, в изменившемся историческом контексте, он захотел бы обнародовать свою старую запись, в которой ощутимы восхищение Ермоловым и пренебрежительное отношение к Паскевичу.

Неуместность «ермоловского фрагмента» почувствовал Н.Я.Эйдельман, который с некоторыми оговорками принял тыняновскую интерпретацию «Путешествия в Арзрум», но все-таки заметил: «Впрочем, никто не может поручиться, что рукопись, в основном создававшаяся в 1835 г., если бы не маскировалась от цензуры, то обязательно включила бы ермоловский эпизод: в окончательном тексте он лишь намечен, но формально отсутствует, и, как знать, не переменял ли бы Пушкин кое-что или даже многое в нем под влиянием

опыта прошедших шести лет?» [Эйдельман 1990: 193]. Н.Я.Эйдельман защищал тыняновскую концепцию «Путешествия в Арзрум» от резких нападок Г.П. Макогоненко, который доказывал, что «она основана на тенденциозном истолковании фактов» [Макогоненко 1982: 300-323].

М.О. Гершензон в статье «Путешествие в Арзрум (1829-1830)» [Гершензон 1919: 122] основное внимание уделил вопросу о хронологии написания Пушкиным цикла очерков. По мнению М.О. Гершензона, данный вопрос до сих пор недостаточно исследован. Редакторы сообщают обыкновенно, что первая глава, и то не вся, писана начерно во время самой поездки, в виде дневника, двумя кусками, датированными: «15 мая, Георгиевск», «22 мая, Владикавказ», целиком же произведение было написано в 1835 году, которым помечено и предисловие, напечатано же оно было в 1836 году. Но М.О. Гершензон полагает, что относить написание «Путешествия» к 1835 году нет никаких оснований, в этом году Пушкин только написал предисловие и переправил написанное ранее.

Истинным патриотом, а не «нейтральным наблюдателем» выступил Пушкин в своем «Путешествии». Он нарисовал исторически верную картину войны, показал ее подлинных героев, отдал дань восхищения героическим действиям не только русской армии, но и местных жителей – армян, грузин, азербайджанцев. Пушкин сумел понять отношение закавказских народов к России, дать объективно верную оценку такого важного исторического события, как присоединение Армении к России в 1828 году.

Сама поездка на Кавказ, в Армению, где уже много лет доблестно сражалась русская армия, отнюдь не носила случайного характера, она стояла в общем плане творческих интересов Пушкина. Будучи патриотом, гениальный поэт был подлинным другом народов своей страны и всего мира, ибо в Пушкине и в его творчестве нашли свое выражение лучшие черты великого русского народа.

§5. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ «ПУТЕШЕСТВИЯ В АРЗРУМ»

В «Путешествии в Арзрум» подлинность описания доказана самим жанром (путевые записки) и тем фактом, что Пушкин, их автор, действительно совершил данное путешествие. Художественность же достигается отбором фактов, наблюдений и событий, нужных автору, их интерпретацией, выражением авторской позиции по отношению к описываемому, созданием образов – событий, природы Кавказа и прежде всего встречаемых на пути людей.

Путевые записки, жанр не столь строго регламентированный, предполагает размышления автора по поводу увиденного, услышанного, допускает пространные отступления, описания. Между тем, за этой простой формой скрывается глубокий смысл. В работах некоторых исследователей (К.В.Айвазян, В.С.Шадури, Г.П.Макогоненко и др.) были предприняты попытки обозначить и проанализировать главные темы, поднятые в произведении.

Память о декабристах глубоко хранилась в душе Пушкина. Ему хотелось увидеть хотя бы одного из прежних друзей, но ехать в Сибирь было нельзя. Именно тогда Пушкин и задумывает поездку на Кавказ в Грузию. 8 мая 1827 года Пушкин из Москвы пишет брату Льву, что завтра едет в Петербург повидаться с родителями, а оттуда поедет либо в Европу, либо назад в Михайловское, «но вероятнее в Грузию – не для твоих прекрасных глаз, а для Раевского».

В кавказской армии сосланных декабристов насчитывалось до шестидесяти человек. Для сосланных был создан исключительно суровый режим. Рассказ А.С.Пушкина о встрече с ними наполнен радостью: «Здесь увидел я нашего Вольховского, запыленного с ног до головы, обросшего бородой, изнуренного заботами. Он нашел однако время побеседовать со мною как старый товарищ.

Здесь увидел я и Михаила Пущина, раненного в прошлом году. Он любим и уважаем как славный товарищ и храбрый солдат. Многие из моих старых приятелей окружили меня. Как они переменялись! Как быстро уходит время!» [Пушкин: 394].

Кстати, Ф.И. Джаубаева в автореферате своей докторской диссертации допустила ошибку в отношении А.С.Пушкина: согласно ее тексту, она посчитала, что и Пушкин был сослан царским правительством на Кавказ, что в корне не соответствует истине: «Русские писатели появились на Кавказе вынужденно, как правило, они были сосланы властями в «теплую Сибирь», где отбывали наказание во время Кавказской войны: А.С. Пушкин (1820), А.А. Бестужев-Марлинский (1829-1837), М.Ю. Лермонтов (1837, 1840-1841)» [Джаубаева 2010, с. 22].

Написание «Путешествия в Арзрум» именно в 1835 году объясняется, с точки зрения некоторых исследователей, любимой мыслью Пушкина: мыслью о декабристах. Об изображении декабристов в «Путешествии» писал К.В.Айвазян: «Безусловно, о делах разжалованных декабристов, об их роли в войне Пушкин знал, еще находясь в Петербурге, из писем брата, Раевского, друзей, из рассказов лиц, побывавших на фронте, а на театре военных действий Пушкин воочию увидел, кому была обязана Россия славой побед в эту войну. Восстанавливая истину, Пушкин вновь выразил свою преданность освободительным идеям. “Путешествие в Арзрум” имеет важное значение для изучения идейной биографии Пушкина» [Айвазян 1990: 360].

Своим произведением Пушкин публично выступил в защиту осужденных. В «Стансах» 1826 года поэт уже обращался к царю с просьбой помиловать тех, кого тот осудил:

Семейным сходством будь же горд;
 Во всем будь пращуру подобен:
 Как он, неутомим и тверд,

И памятью, как он, незлобен.

Декабристская тема «Путешествия» помогает понять, почему была прервана работа над ним в 1830 году и, главное, почему Пушкин вернулся к ней именно в 1835 году. Промелькнувшие годы несколько изменили убеждения А.С. Пушкина. Прошедшие шесть лет давали возможность спокойно рассказывать и спокойно реагировать на теперь уже давние события, актуальность которых для Пушкина не только не прошла, но еще более возросла. Как писал Г.П. Макогоненко, «те, кто был разжалован и сослан на Кавказ в действующую армию, своими ратными подвигами своею кровью не только искупили так называемую “вину”, но делами, нужными отечеству, показали, каковы истинные сыны отечества, патриоты» [Макогоненко 1982: 323]. Пушкин показал в «Путешествии в Арзрум» своих друзей в деле: «Я видел генерала Муравьева, расставлявшего пушки. <...> Я увидел графа Паскевича, окруженного своим штабом. <...> Граф послал *Пущина* осмотреть овраг. *Пущин* поскакал» [Пушкин-VIII: 397].

Замысел произведения и его цель во многом определялись той концепцией милости, которую создал в 1835 году Пушкин, изучая историю Петра I. Эта концепция была положена в основание тогда же написанного стихотворения «Пир Петра Первого». Как утверждает Г.П. Макогоненко, «по Пушкину, величие милости Петра в том и проявилось, что – он, государь-император помирился с наказанными преступниками» [Макогоненко 1982: 326].

В освещении темы милости к декабристам Пушкину пришлось столкнуться с немалыми трудностями, и главная из них – запрет упоминать о декабристах. Но основной целью автора было то, чтобы предать гласности свое «Путешествие в Арзрум». И здесь Пушкин пошел на хитрость: в большинстве случаев имена декабристов названы не полностью, а помечены первой буквой фамилии (В. – Вольховский, М.П. – Михаил Пущин, С. – Семичев и т. д.). Но Н.Н. Раевский в одних случаях писался полностью, в других только буквой Р.

Фамилию же убитого генерала И.Г. Бурцова уже можно было писать полностью. Теми же причинами объясняется создание образа Паскевича – командующего армией, где отличились герои декабристы.

В.С. Шадури об этом писал так: «“Путешествие в Арзрум” – единственное печатное произведение этого периода, в котором поэту удалось так или иначе высказаться о декабристах» [Шадури 1966: 230]. Несмотря на запрещение упоминать в печати декабристов, «Пушкину все-таки удалось ввести в свое “Путешествие” тему героизма декабристов, рассказать о них в замаскированной, но для сведущих людей в довольно прозрачной форме. В последних главах «Путешествия», посвященных описанию военных событий, почти на каждой странице встречаем декабристов, игравших решающую роль в кампании 1829 года». В книге В.С. Шадури не только отмечены все встречи Пушкина с декабристами, они и прокомментированы с привлечением других материалов, например, воспоминаний декабристов о свидании с Пушкиным на Кавказе. Фактическая сторона декабристской темы в «Путешествии» выяснена довольно подробно и полно.

Пушкин считал нужным не только прямо заявить, что Путешественником, написавшим путевые записки, что героем «Путешествия в Арзрум» был именно он – Пушкин, известный русский поэт, но и многократно, при всяком удобном случае, подчеркивать это: «У Пущина на столе нашел я русские журналы. Первая статья, мне попавшаяся, была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи» [Там же: 410]. Самоирония проявляется уже на самых первых страницах, при встрече с азербайджанским поэтом Фазил-Ханом: «Он <...> представил меня Фазил-Хану. Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне было совестно, когда Фазил-Хан отвечал на мою неуместную затейливость простой, умной учтивостью порядочного человека! <...> Вот урок нашей русской насмешливости» [Там же: 380].

Все эти упоминания о себе не случайны, они носят принципиальный характер – Пушкину важно было, чтобы читатель хорошо знал: автор и повествователь – одно лицо, написал «Путешествие в Арзрум» поэт Пушкин, который со специальной целью ездил на Кавказ в действующую армию. Поэтому тема поэта раскрывается, прежде всего, через путешественника-поэта. Его друзья, а также граф Паскевич принимают, рекомендуют незнакомым людям как известного русского поэта: «Один из пашей, сухощавый старичок. Ужасный хлопотун, с живостию говорил нашим генералам. Увидев меня во фраке, он спросил, кто я таков. Пущин дал мне титул поэта» [Там же: 403].

По мнению большинства современных исследователей (А.А. Долинин, К.В. Айвазян и др.), в центре повествования стоит сам Пушкин; он взят здесь не в бытовых автобиографических чертах, а в своей литературно-политической судьбе. Образ повествователя в очерковой литературе и, в частности, в «Путешествии» играет большую роль. Мы узнаем мир через человека, который переживает столкновения с ним и высказывает свои эмоции. В «Путешествии в Арзрум» повествователь знает о том, что он хорошо известен читателю; самохарактеристика здесь не нужна. Но тем более важна и значительна роль оценок и сопоставлений, которые дает в «Путешествии» поэт – представитель своего времени.

Образная система «Путешествия в Арзрум» организована с особой тщательностью, поскольку связь и логика выделения образов восполняют отсутствие пустых вымыслов. Дается описание, а на втором плане вырисовывается и сам поэт – спокойный, ироничный, понимающий двусмысленность своего положения, положения пленника. Например, в Арзруме турки говорят Пушкину: «Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных; и между тем как мы бедные, заботимся о славе, о власти, о сокровищах, он стоит наравне с властелинами земли и ему поклоняются» [Пушкин-VIII: 403]. Потом Пушкин видит «...молодого человека,

полунагого, в бараньей шапке... Мне сказали, что это был брат мой, дервиш, пришедший приветствовать победителей». Слова эти программные для понимания не только «Путешествия в Арзрум», но и поэзии Пушкина-поэта в последние годы.

По мнению А.А. Долинина, задачей Пушкина в «Путешествии в Арзрум» было подчеркнуть, что, вопреки едким замечаниям француза Виктора Фонтанье, России далеко обогнала отсталую Османскую империю, что она является носителем европейского христианского просвещения. Поэтому в повествовании обращают на себя внимание иноязычные вкрапления, которые должны свидетельствовать о широкой европейской образованности автора. «Позиция Пушкина – европоцентристская: он приезжает на Кавказ как представитель европейской цивилизации. Более того: он ощущает себя представителем великой европейской державы, занимающей ведущее положение в мире», – отмечал Б.А. Успенский [Успенский 2004: 28].

По точному наблюдению В.А. Кошелева, в «Путешествии в Арзрум» «Пушкин описывает "азиатское свинство" глазами путешествующего европейца – и на европейцев постоянно ссылается» [Кошелев 1999: 167]. Как кажется, поэт стремился к тому, чтобы его «путевые записки» воспринимались в контексте известных западных путешествий по Кавказу и Закавказью, о чем в первую очередь говорит выбор источников для «Путешествия». Были доподлинно установлены четыре книги, откуда Пушкин почерпнул не только географические, краеведческие и этнографические сведения, но и отдельные яркие подробности. Из них лишь одна – опубликованные анонимно записки Н.А. Нефедьева – написана русским путешественником [Шадури 1966: 105]. Остальные три – это упомянутое в самом тексте А.С. Пушкина «Путешествие графа И. Потоцкого», указанная Ю.Н. Тыняновым книга французского консула в Тифлисе Жана Франсуа Гамба, и, наконец, богатые интересными деталями

письма американских миссионеров Эли Смита и Харрисона Дуайта [Мясоедова 1996: 29].

Факт самой встречи с гробом А.С. Грибоедова не является документально подтвержденным. Некоторые исследователи (например, Ю.М. Лотман) с уверенностью подтверждают, что она была. Другая часть биографов (в том числе В.И. Кулешов) предпочитают вообще не упоминать о ней. В любом случае, сама встреча или ее возможность сильно поразили Пушкина. Говоря о Грибоедове, автор дает попутно характеристику творчества писателя и его личности. Г.П. Макогоненко называет это «первой попыткой оценить талант крупного современного Пушкину поэта, принадлежащая, к тому же, перу Пушкина» [Макогоненко 1982: 306]. Жизнь и удивительная судьба Грибоедова описана лаконично и поэтично: «Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неравного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна» [Пушкин-VIII: 389].

К сожалению, до нас не дошли сведения о содержании бесед Грибоедова с Пушкиным весной 1828 года. Но особые обстоятельства их встречи, некая общность судьбы двух поэтов, а также возникшая именно в это время идея отъезда в действующую армию Паскевича позволяют предположить, что Грибоедов рассказывал Пушкину о своих делах, о своей помощи декабристам, о своем разговоре с императором и его реакции. Всё, чем занимался Грибоедов в эти месяцы, что волновало его, было близко Пушкину.

Фрагмент А.С. Пушкина об А.С. Грибоедове пропитан жалостью к погибшему, недоверием к самому факту смерти поэта: «Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году, в Петербурге, перед отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия. <...> Он погиб под кинжалами персиян. Жертвой невежества и вероломства. Обезображенный труп его, бывший три дня игрищем

тегеранской черни, узнан был только по руке, некогда простреленной пулею» [Пушкин-VIII: 389].

Встреча с телом Грибоедова – случайность, но эта случайность, художественно осмысленная, становится центром произведения. Грибоедов, писатель и государственный деятель, погибает в Иране, а рядом в ссылке умирают декабристы. Пушкин соединяет все это в своем повествовании с размышлением о судьбе поэта.

Крайне интересна и военная тема в очерках «Путешествие в Арзрум». Пушкин всегда отличался исключительной храбростью и презрением к смерти, что неоднократно проявлялось в его многочисленных дуэлях. Но при этом он всегда отрицал в себе наличие военных дарований. В самом тексте произведения он не раз подчеркивает нежелание давать какие-либо стратегические оценки плану кампании: «Чуждый военному искусству, я не подозревал, что участь похода решается в эту минуту» [Пушкин-VIII: 394]. Автор не дает никаких характеристик планам или анализа военных действий. Читатель видит все происходящее глазами поэта-наблюдателя, далекого от знания военных стратегий, который познает окружающий мир, для сугубо штатского человека не только не понятный, но и абсурдный: «Я остался один, не зная, в которую сторону ехать и пустил лошадь на волю божию. Я встретил генерала Бурцова, который звал меня на левый фланг. Что такое левый фланг? подумал я, и поехал далее» [Пушкин-VIII: 469].

Непосредственное знакомство со сражениями, с войной, уничтожила элементы поэтической романтизации, которыми она обычно описывалась, в том числе и самим Пушкиным. Война обернулась к поэту своей грязью и кровью, теми страданиями, которые она несет ни в чем неповинным людям.

Автор-персонаж невольно оказывается в самой гуще происходящих событий, увлеченный стремительным бегом конницы, преследующей неприятеля: «Конница наша была впереди; мы стали спускаться в овраг; земля

обрывалась и сыпалась под конскими ногами. Поминутно лошадь моя могла упасть, и тогда Сводный уланский полк переехал бы через меня. Однако бог вынес» [Пушкин-VIII: 396-397].

В тексте очерков неоднократно встречается нежелание Пушкина рассматривать сочинение с точки зрения «военного ученого человека». Н.Е. Мясоедова причину этого видит в том, что в данное время существовало «направление ученой военной литературы, которое публиковало свои работы в “Военном журнале”, существовавшем как печатный орган “Общества военных людей”» [Мясоедова 1996: 29]. Среди постоянных авторов журнала можно назвать В.Д. Вольховского, И.Г. Бурцова, Н.М. Муравьева – все они упоминаются Пушкиным в «Путешествии в Арзрум».

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин не пытается быть предельно точным документалистом, он, прежде всего, художник, который, отступая, в деталях дает верную общую картину происходящего – большое батальное полотно.

Начиная с четвертой главы «Путешествия в Арзрум», военные удачи Паскевича отодвигаются Пушкиным на второй план, на первом плане остаются личные авторские впечатления, а они безрадостны: «Отдохнув, пустились мы далее. По всей дороге валялись тела. Верстах в 15 нашел я Нижегородский полк, остановившийся на берегу речки посреди скал. Преследование продолжалось еще несколько часов. К вечеру пришли мы в долину, окруженную густым лесом, и наконец мог я выспаться вволю, проскакав в эти два дня более осьмидесяти верст» [Пушкин-VIII: 400].

Все сказанное позволяет выявить личностную позицию Пушкина по отношению к войне, которую можно рассматривать как оппозицию официальной точке зрения в политическом смысле и оппозицию военным беллетристам в смысле художественном. Н.Е. Мясоедова считает, что «Пушкин обладал знаниями “ученого военного человека”, но не стремился их афишировать, уже потому автор-персонаж и реальный Пушкин – это два, хотя и

во многом похожих, но, тем не менее, неадекватных друг другу человека» [Мясоедова 1996: 31].

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин открыл для русской литературы принципы правдивого изображения войны. В полном объеме эта заслуга по праву принадлежит Л.Н. Толстому. Но при этом обычно говорят и о его предшественниках, называя М.Ю. Лермонтова и его стихотворение «Валерик». Однако одним из предшественников Толстого был не только Лермонтов, но и Пушкин, и именно в «Путешествии в Арзрум».

Анализ показывает, что мы можем сделать вывод: Пушкиным в «Путешествии в Арзрум» были предложены основы детального изображения войны, поданного читателю через восприятие стороннего наблюдателя. А.С. Пушкин в произведении осваивает совершенно новые для себя темы (например, военная тематика). Одновременно автор разрабатывает в рамках данного произведения новые подходы к тем вопросам, которые уже неоднократно поднимались в его творчестве (тема поэта, мысль о судьбе декабристов). Все названные темы тесно переплетаются в произведении, образуя сложное неразделимое единство. Они вытекают одна из другой и развиваются в строгой соотнесенности друг с другом. Переходы из одной темы в другую либо вообще сглаживаются в тексте, либо подчеркиваются делением произведения на главы.

Исследователи отмечают, что «Путешествие в Арзрум» лишено привычных сюжетно-композиционных линий очеркового жанра. Вряд ли можно сказать, что есть определенная закономерность в именно такой компоновке картин, образов событий. Пушкин не стремится к какой-то напряженности, авантюрной броскости, событийной остроте изображаемого, хотя по материалу он вполне располагает такими возможностями. Л. Тартаковская считает, что сила его в другом: «во внутренней сцепленности мысли, философской глубине идеи,

гуманистическом богатстве идеалов, присущих самой личности автора» [Тартаковская1984: 169].

Характер пейзажа в русской литературе заметно изменился, начиная с творчества А.С. Пушкина. Пейзаж в его произведениях становится индивидуальным, неожиданным, смелым. Образы природы отныне уже не подвластны предначертанным законам жанра и стиля. Описания природы Кавказа и Грузии сопровождают читателя на протяжении всего повествования. И здесь проявляется характерная черта пушкинского пейзажа – крайняя сжатость описания: Пушкину надо всего несколько строк, чтобы описать переход от Кавказа к Грузии, хотя этот момент является узловым в его дорожных заметках: «Мгновенный переход от грозного Кавказа к милостивой Грузии восхитителен. Воздух юга вдруг начинает повевать на путешественника. С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина с ее обитаемыми скалами, с ее садами, с ее светлой Арагвой, извивающейся как серебряная лента, – и все это в уменьшенном виде, на дне трехверстной пропасти, по которой идет опасная дорога» [Пушкин-VIII: 381].

Но особенно яркие пейзажные зарисовки встречаются в те моменты, которые Пушкин хочет подчеркнуть. Это и уже отмеченный переход от Кавказа к Грузии, встреча с телом Грибоедова, приезд в лагерь, победы в сражениях, взятие Арзрума. Война, встречи и расставания свершаются на фоне вечной, грозной и прекрасной природы.

Образ природы в произведении меняется по мере «привыкания» к ней. Если первое впечатление от Терека возвышенно-восторженное, то уже скоро писатель признается: «Скоро притупляются впечатления. Едва прошли сутки, и уже рев Терека, и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего внимания» [Пушкин-VIII: 452].

И не только «привыкание» влияет на принципы изображения пейзажа. Уже с первых страниц внимание автора привлекают горы: «В Ставрополе увидел я

на краю неба облака, поразившие мне взоры ровно за девять лет. Они были все те же, все на том же месте. Это – снежные вершины Кавказской цепи» [Пушкин-VIII: 374-380]. В последних абзацах «Путешествия» Пушкин снова возвращается к этому образу. Вероятно, этим поэт стремился подчеркнуть величие этих природных монументов и показать бессмысленность происходящего на фоне вечности.

Читателю предлагаются описания дороги, замечательной природы Кавказа, воспоминания о прошлых поездках Пушкина в эти места. Единственное, что может указывать о проходящих в этом районе военных действиях – это наличие пушки, сопровождающей обоз, и пустые деревни. Начиная с третьей главы, Пушкин напрямую обращается к изображению военных действий. Именно в третьей главе автор попадает в центр военных действий. Кульминацией произведения становится описание боя, произошедшего 19 июня. Это сражение было важно для русской армии тем, что в нем «разбит сераскир арзрумский, шедший на присоединение к Гаки-паше с 30 000 войска. Сераскир бежал к Арзруму; войско его, переброшенное за Саган-лу, было рассеяно, артиллерия взята, и Гаки-паша один оставался у нас на руках» [Пушкин-VIII: 398-410]. Именно в этой сцене проявляются все основные линии произведения: автор сам принимает участие в сражении; декабристы показывают себя способными действовать во благо Отечества; в битве за Арзрум наступает переломный момент.

После описания этого боя в произведении больше места начинает уделяться описанию увиденного, анализу произошедшего. Поэтому мы можем сделать вывод, что военные сцены постоянно перемежаются описанием мирной жизни. Кроме того, местом действия в начале и конце произведения становится Россия, в то время как большая часть текста описывает происходящее за ее пределами. Все это позволяет говорить о кольцевой композиции произведения А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум», весьма характерной для творчества для

целого ряда произведений А.С. Пушкина, о чем писал Г.Ф.Ковалев в статье «Эффект именного кольцевания (просаподосис) некоторых сюжетов А.С. Пушкина» [Ковалев 2014: 78-86].

Кавказские путевые заметки и основанное на них «Путешествие в Арзрум» стали одним из решающих достижений не только пушкинской, но и всей русской прозы. Одна из причин творческой удачи Пушкина – особенности жанра его произведения.

Жанр путешествия в европейской литературе к этому времени имел свои довольно сложившиеся традиции. В России же расцвет литературы путешествия приходится на конец XVIII – первую половину XIX вв. И здесь в первую очередь следует отметить «Письма русского путешественника» (1791-1795; полн. изд. 1801 г.) Н.М. Карамзина. Это время, по словам В.М. Гуминского, «когда путешествие из периферийной области литературы превращается в полноправный литературный жанр» [Гуминский 2003: 839]. Интерес к этому жанру был вызван общими задачами, стоящими перед молодой русской прозой, в частности, проблемой создания большой повествовательной формы.

Жанр своего произведения Пушкин обозначил точно – путевые записки. Так он назвал первую публикацию в «Литературной газете». То же название сохранил и в «Предисловии». На «Путешествии в Арзрум» лежит печать времени его написания. Это «путевые записки», то есть деловая проза, документ, свидетельство об увиденном в далеком мало знакомом крае России – Кавказе, точное описание жизни быта, обычаев кавказских городов: например, описание жизни в Тифлисе: «Город показался мне многолюден. <...> По узким кривым улицам бежали ослы с перекидными корзинами; арбы запряженные волами, перегорожали дорогу. Армяне, грузины, черкесы, персияне теснились на неправильной площади; между ними молодые русские чиновники разъезжали верхами на карабахских жеребцах». До тщательного этнографизма показан быт грузин: «Грузины пьют – и не по-нашему, и удивительно крепки

<...> Вино держат в марангах, огромных кувшинах, зарытых в землю. Их открывают с торжественными обрядами» [Пушкин: 383-386]. В современной науке эти «путевые записки» как жанр принято называть *очерками*.

В соответствии с жанром путевых записок, Пушкин постарался с особой точностью передать все происходившее на его глазах. Весь путь поэта от Москвы и до Арзрума обозначен по дням и числам. Так, из текста «Путешествия» мы узнаем, что хотя решающая битва за Арзрум состоялась 19 июня («19-го, едва пушка разбудила нас, все в лагере пришло в движение. Генералы поехали к своим постам. Полки строились; офицеры становились у своих взводов»), войска вошли в город только 27 июня («Полки наши пошли в Арзрум, и 27 июня, в годовщину полтавского сражения, в шесть часов вечера русское знамя взвилось над арзрумской цитаделью»). Не случайно биографы Пушкина склонны рассматривать это произведение в качестве дневника поэта. Кроме того, так как к моменту издания этих записок прошло больше пяти лет, то в распоряжении писателя могли оказаться официальные документы, по которым он мог восстановить то, что было им не замечено во время его поездки на Кавказ.

Но пушкинский деловой документ есть в то же время художественная проза. «Путешествие в Арзрум», несмотря на свою мемуарную основу, традиционно относится к художественным текстам. Художественность, опирающаяся на реальные факты, а не на выдумки и домыслы романтического воображения, позволяет утвердить истинную подлинность жизни и событий. Художественная основа в анализируемом произведении связана, прежде всего, с описаниями природы, о которых уже шла речь ранее.

Кроме того, текст представляет собой не сухие доклады о произошедших событиях, а художественно осмысленную интерпретацию исторических событий. «Путешествие» отражает непосредственные впечатления Пушкина от этого похода. Поэтому происходившее в лагере часто вызывает улыбку, а

иногда и иронию писателя: «Посреди ночи разбудили меня ужасные крики: можно было подумать, что неприятель сделал нечаянное нападение. Раевский послал меня узнать причину тревоги: несколько татарских лошадей, сорвавшихся с привязи, бегали по лагерю, и мусульмане (так зовутся татары, служащие в нашей войске) их ловили» [Пушкин-VIII: 394]. Такое сочетание документальности и художественности отличает пушкинский художественный метод второй половины 1830-х годов.

Пушкин всегда больше всего нуждался в литературной и творческой свободе: только в атмосфере поэтической свободы он мог одерживать безусловные победы. И к прозе это относится не менее, чем к его поэзии. «Путешествие» написано в свободном жанре и свободной форме: это и путевые заметки, и род воспоминаний, и размышления на разные темы. Это приводит к тому, что признаки разных стилей переплетаются и образуют совершенно новое жанровое единство. Важнейшим моментом художественного начала «Путешествия в Арзрум» является реализация главного пушкинского условия: проза «требует мыслей и мыслей – без них блестящие выражения ни к чему не служат». В «Путешествии в Арзрум» А.С. Пушкин напоминает о сложных проблемах освоения завоеванных земель народов Кавказа, высказывает свои мысли и пожелания о путях распространения просвещения, констатирует трагизм взаимоотношений завоевателей и завоеванных, пишет о развивающихся связях России и Грузии, осуждает введенную Ермоловым систему аманатов – своеобразную систему заложников (детей черкесов отбирали у родителей и держали пленниками в крепости). Пушкин вовлекает в свои размышления читателей, заставляет их думать о будущем России, доверительно делится с ними своими наблюдениями, сомнениями.

Для пушкинской прозы последних лет характерен парадоксальный эстетический эффект: все описанное – факт, реальность, подлинная жизнь, результат точного наблюдения, итог увиденного путешественником своими

глазами. В то же время это искусство – образное постижение жизни. Эмпирический факт может оказаться случайностью, художественность гарантирует объективность, типичность, закономерность происходящего. Г.П. Макогоненко утверждает, что «художественность, опирающаяся на реальные факты, а не на выдумки и домыслы романтического воображения позволяет утвердить истинную подлинность жизни, событий» [Макогоненко 1982: 322].

Сочетание документализма и художественности приводит к утверждению путешествия как литературного жанра. Тем самым Пушкин подвел итоги исканиям русских писателей в стремлении сделать очерк по-настоящему художественным, истинным достижением литературы.

Стилевые особенности «Путешествия в Арзрум» обусловлены в первую очередь жанровым своеобразием рассматриваемого произведения. Обозначение жанра как путевых записок позволяет говорить о документализме, предполагающем точность и последовательность в воспроизведении событий. Но иногда такая точность дается читателю в ироническом контексте: «Арзрум (неправильно называемый Арзерум, Эрзрум, Эрзрон) основан около 415 году, во время Феодосия Второго и назван Феодосиополем. Никакого исторического воспоминания не соединяется с его именем. Я знал о нем только то, что здесь, по свидетельству Гаджи-Бабы, поднесены были персидскому послу, в удовлетворение какой-то обиды, телячьи уши вместо человеческих» [Пушкин-VIII: 405].

Кроме того, документализм позволяет нам говорить о некоторой научности текста «Путешествия в Арзрум». Действительно, писателем была использована довольно большая и притом новая научная литература, ссылки на большую часть которой есть в тексте произведения, например, труд И. Потоцкого: «Под ними, пишет Плиний, течет река Дириодорис. Тут была воздвигнута крепость для удержания набегов диких племен, и проч. (смотрите путешествие графа И.

Потоцкого, коего ученые изыскания столь же занимательны, как и его испанские романы)» [Пушкин-VIII: 379]. Другая же часть источников устанавливалась исследователями. И здесь в первую очередь стоит назвать последовательность хода событий войны, восстановленную Пушкиным по официальным реляциям Паскевича. Это отразилось и на некоторых подробностях. Оставляя изложение фактической стороны событий без изменений, Пушкин значительно упрощает пышный стиль, а вместе и пышный смысл реляций: «Я приехал вовремя. В тот же день (13 июня) войско получило повеление идти вперед. Обедая у Раевского, слушал я молодых генералов, рассуждающих о движении им предписанном. Генерал Бурцов отряжен был влево по большой Арзрумской дороге прямо противу турецкого лагеря, между тем как все прочее войско должно было идти правою стороною в обход неприятелю» [Пушкин-VIII: 394]. Всего в одном предложении содержится довольно точная передача плана Паскевича, реализацию которого мы увидим в тексте произведения. Эти обращения к научным источникам не удивительны. Метод работы над «Путешествием в Арзрум», текст которого устанавливался на основании записок и книг через шесть лет после путешествия, не был методом регистрации непосредственных впечатлений. Это был метод воспоминаний. Именно это и заставляло Пушкина обращаться к официальным документам.

Но точность и научность не являются стилевыми доминантами в данном произведении. Огромный поэтический опыт, несомненно, сказался в работе над ним. Не случайно П. Бицилли определяет «Путешествие» по форме как поэму в прозе [Бицилли 1999: 315]. Действительно, речь движется так, что в абзацах легко узнать строфы: каждый абзац открывается предложением, выражающим начало чего-либо, чаще – этапы пути («...Из Москвы поехал я на Калугу, Белев и Орел»). Кроме того, нередко пушкинская фраза, особенно завершающая абзац, обладает ясно слышимой ритмической организацией: «знакомые вам по прекрасным рисункам Орловского» [Пушкин-VIII: 373]. При этом в

большинстве случаев используется метр сказа: «Темнота увеличилась. Я слышал вой и лай собак и радовался, воображая, что город недалеко. Но ошибался: лаяли собаки грузинских пастухов, а выли шакалы, звери в той стороне обыкновенные» [Пушкин-VIII: 455].

Ритм в произведении зачастую вызван лаконизмом повествования: «Отдохнув несколько минут, я пустился далее и на высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры. Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Я переехал через реку» [Пушкин-VIII: 382].

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин не только осваивал новую для него прозаическую форму и особые прозаические приемы ведения рассказа, но и вырабатывал особенный язык прозы. В отличие от поэтических текстов, в «Путешествии в Арзрум» изобразительно-выразительные средства Пушкин использует по минимуму. Что касается стиля «Путешествия в Арзрум», то он, с одной стороны, отражает непосредственные впечатления от событий, происходивших на Кавказе в 1829 году (т.к. созданы на основе путевого дневника) и несет в своей основе поэтический дар Пушкина; с другой, – произведение отражает несомненный прозаический опыт автора, накопленный к моменту обработки и издания текста.

Стоит отдельно отметить диссертационные исследования последних лет, посвященные проблемам ориентализма, в том числе в произведениях русской литературы: «Заимствованная лексика русского языка конца XX века, 1986-1996 гг.» (Черкасова М.Н., Ростов-на-Дону, 1997), «К проблеме ориентального лексического влияния на язык русской художественной литературы 20-30-х годов XIX в.: на материале произведений М.Ю. Лермонтова» (Мугумова А.Л., Махачкала, 1999), «Романтический ориентализм в русской литературе первой половины XIX в.» (Данильченко Г.Д., Бишкек, 1999), «Языкотворчество русских писателей как мирозозидающая деятельность на Северном Кавказе: А.А. Бестужев-Марлинский, А.С.Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н.Толстой»

(Джаубаева Ф.И. Ставрополь, 2010), «Лексикон А.С. Пушкина по данным «Морфемно-морфонологического словаря языка А.С. Пушкина» (Матыцина Л.Н. Воронеж, 1999) и др.

Итак, художественное своеобразие в «Путешествии в Арзрум» проявляется как на уровне формы (в композиционном строении текста, обращение к очерковому жанру), так и на содержательном уровне (новый к подход к темам, которые уже Пушкин уже затрагивал в своем творчестве). Произведение довольно разнородное по своей структуре. Единство и цельность восприятия текста создаются кольцевой композицией, тесно связанной с тематической структурой произведения. Объединяет эту разнородную структуру стиль, несомненно, отразивший поэтический опыт автора.

«Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» – повествование о, казалось бы, незначительном в жизни поэта эпизоде. Но оно становится значительной вехой в истории развития русской прозы, подлинным открытием нового жанра реалистической прозы: путевого очерка как истинного достижения художественной литературы. Именно этим и определяется место и значение «Путешествия в Арзрум» в истории русской литературы.

ГЛАВА II.

НАРИЦАТЕЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЛИЗМЫ В «ПУТЕШЕСТВИИ В АРЗРУМ»

Вполне справедливо замечание Ф.И. Джаубаевой: «Язык любого народа является элементом системного единства, пестрого содружества языков народов, живущих рядом, по соседству, и в отдалении. Между разными языками, в каких бы родственных отношениях они ни находились, происходят интенсивные процессы взаимовыгодного обмена, особенно в области лексики. Русский язык оказался одним из самых восприимчивых и открытых среди мировых языков» [Джаубаева 2010, с. 39].

По подсчетам Л.Н. Матыцыной, в текстах А.С. Пушкина (художественных, письмах): «По данным «Морфемно-морфонологического словаря...» лексикон А.С.Пушкина насчитывает 22.988 слов»; «Слова иноязычного происхождения (2059 единиц) составляют всего 9,56% апеллятивной лексики»; из них: «1,99% из арабского: кандалы (араб. qaidani), лазурь (араб. lzavard), мамлюк (араб. mamlyk), факир (араб. fakir), фата (араб. futa), фитиль (араб. fatil), шуба (араб. jubba); «1,07% из персидского: караван (перс. kavn), коленкор (перс. kalamkar), тафта (нов.-перс. tft), чамодан (перс. mdn), чертог (перс. rtk)»; но более всего: «Тюркские заимствования составляют 8,94% иностранных слов: кабан (тат., казах., кып., азерб. kaban), епанча (тур. jarpna), бурдюк (азер. burduk), улан (тюр. olan), казна (тур. azn), кайма (тур. kajma), камыш (тур. kamu), кафтан (тур., азер., крым.-тат. kaftan), колпак (тур., тат., крым.-тат., казах. kalpak), тавро (тур. tura), кулак (тюр. kulak), буран (тур., тат. buran), ералаш (чагат., узб. arala), лачуга (чагат. alau), туман (чагат., казах., кирг., балкар., караим. tuman), чулан (алт., тел. ulan), шалаш (тур. sala), табун (чагат., тат. tabun), ярлык (чагат., тур. jarlyk), капкан (тат., койб., саг. karpan)» [Матыцына 1999: 19-26].

Художественные тексты русской литературы XIX века, например, «Путешествие в Арзрум», содержат и ценные сведения об особенностях

употребления заимствованных слов. Произведения русских писателей (особенно крупных художников слова: А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Л.Н.Толстого и других авторов) играют заметную роль в расширении области функционирования многих иноязычных (в том числе и восточных, особенно тюркских) элементов и являются важным источником изучения этого лексического пласта. Тексты произведений предоставляют интересные данные о различных типах восточных слов: освоенных литературным языком – этимологических ориентализмах и употребительных ориентализмах-экзотизмах, а также не освоенных литературным языком региональных, окказиональных элементах. Последние типы отмечаются главным образом в сочинениях, связанных в той или иной мере с Востоком. А восточная тема является традиционной для русской литературы, и довольно обширный круг произведений содержит в себе различные виды восточных лексических элементов, среди них и «Путешествие в Арзрум» А.С. Пушкина. Материалы произведения русских писателей нередко позволяют уточнить или дополнить содержащиеся в этимологических и историко-лексикологических исследованиях данные о времени появления слова в русском языке или о времени фиксации в русских источниках. Многочисленность восточных слов, специфика их функционирования в текстах, многообразие типов обуславливают актуальность полиаспектного описания иноязычных элементов, необходимость создания специального словаря ориентализмов (тюркизмов, иранизмов и арабизмов), зафиксированных в произведениях русских писателей XIX века. И, конечно же одним из главных произведений в этом плане является знаменитый цикл путевых очерков А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум».

ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА

Ориентальная лексика, обозначающая оружие:

КИНЖАЛ – (заимствует, из тюрк. ср. тур., крым.-тат. *xandzär* "кривой кинжал" от араб. ханджар) – колющее оружие с обоюдоострым коротким клинком; носится в ножнах. У некоторых народов (напр., на Кавказе) кинжал – принадлежность национального костюма [Ожегов, 1992].

СЯП (26): *На стенах его кабинета висели шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказе.* ПА 445.21. ПА 449.16; ПА 481.30 ПА 465.26; Мн.И. кинжалы: ПА 445.21; 9.7 ПА 477.24; Т. кинжалами: ПА 461.5.

«На стенах его кабинета висели шашки и *кинжалы*» [Пушкин-VIII: 445]. Данное слово встречается в тексте 6 раз, в большинстве случаев – для описания обстановки богатых восточных домов. В ряде примеров – для сознания контраста: «бедные рыцари, оставя голые стены и дубовые стулья своих замков, увидели в первый раз красные диваны, пестрые ковры и кинжалы с цветными камушками на рукояти». В одном из примеров: «кинжалы и шашка – суть члены их тела» используются приемы гиперболизации и метонимии для создания образа воинственного кавказца.

ШАШКА – от кабардин. *seşxo* – длинный нож]. Рубящее и колющее холодное оружие с длинным, слегка изогнутым клинком. Вложить шашку в ножны. Выхватить шашку. Рубиться шашками. Шашки наголо. Коллекция шашек и кинжалов. Шашечка, -и; мн. род. -чек, дат. -чкам; ж. Уменьш.-ласк [Фасмер, 2007].

СЯП: ШАШКА (12). Шашка, черкесская сабля. Гр<аф> С<амойлов> и В., прославившие здесь богатырями, обыкновенно пробовали свои новые шашки, с одного маху перерубая на двое барана или отсекая голову быку. ПА 458.31.

Прим. 4.1 ПА 449.16; Р. ша'шки: ПА 449.3; Мн.И. ша'шки: ПА 445.21; В. шашки: ПА 458.31; Т. шашками: ПА 449.23.

*«На стенах его кабинета висели **шашки**»* [Пушкин-VIII: 445], *«Кинжал и **шашка** суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство – простое телодвижение. Пленников они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием, заставляют работать сверх сил, кормят сырым тестом, бьют, когда вздумается, и приставляют к ним для стражи своих мальчишек, которые за одно слово вправе их изрубить своими детскими **шашками**»* Слово «шашка» употребляется в тексте шесть раз. Во всех случаях оно служит для передачи воинственного характера владельца. Повешенная на стене как символ, или в действии («Граф Самойлов и В... пробовали новые шашки»), шашка служит символом мужественности и воинских умений. Слово ассимилировано в языке и не воспринимается как заимствованное, однако в нем ощущаются коннотации иноплеменности, экзотики.

АРСЕНАЛ – французское слово *arsenal* происходит от арабского слова (*dar as sinaa*) – 'дом изготовления'. 1) учреждение для хранения, обслуживания, сборки вооружений, боеприпасов. 2) до конца XIX в. – предприятие для изготовления оружия и боеприпасов [Ушаков, 1940].

СЯП: АРСЕНАЛ (1). В Арзрумском арсенале нашли множество старинного оружия Ед.П. в арсенале: ПА 478.3.

*«В арзрумском **арсенале** нашли множество старинного оружия, шлемов, лат, сабель, ржавеющих, вероятно, ещё со времён Годфреда»* [Пушкин-VIII: 478]. В тексте это слово встречается единожды, в цитируемом выше предложении. В употреблении слова чувствуется гиперболизация и легкая ирония автора, так как находка была неожиданной. Возможно, его удивило

древность оружия, но, возможно, непонятное почтение местных народов к военному прошлому.

ФИТИЛЬ – турецкое слово *fitil* из арабского *fatīl*, м.

1. Лента, жгут или шнурок, служащие для горения в некоторых осветительных и нагревательных приборах. Керосиновая лампа с фитилем.

2. Горючий шнур для воспламенения зарядов, для передачи огня на расстояние при производстве взрывов. Старинное ружье с фитилем.

3. Жгут из мягкого материала, пропитываемый каким-н. составом (смазывающим, лекарственным) [Ушаков, 1940].

СЯП: ФИТИЛЬ (7). Пушка ехала шагом, фитиль курился, и солдаты раскуривали им свои трубки. ПА 448.8. Ед.И. фитиль: ПА 448.8.

*«Пушка ехала шагом, **фитиль** курился, и солдаты раскуривали им свои трубки»* [Пушкин-VIII: 448]. В тексте фитиль упоминается один раз, в контексте боев, реализуется лексическое значение №2.

Лексика, обозначающая военных

БЕК – из тюркского *бек*, значит: «господин». В Турции является формой обращения, оно ставится после имени, например, Рустам бек [Ефремова, 2006]: «В палатке генерала Раевского собирались *беки* мусульманских полков, и беседа шла через переводчика» [VIII, 468]

СЯП: БЕК (4). Командир в мусульманских войсках Закавказья. В палатке генерала Раевского собирались беки мусульманских полков; ПА 468.9. Ед.И. бек: ПА 471.30; Р. бека: ПА 471.2 загл.; Мн.И. беки: ПА 468.9; Р. беков: ПА 471.28.

*«Под деревом лежал один из наших татарских **беков**, раненный смертельно. Подле него рыдал его любимец»* [Пушкин-VIII: 471]. В повести

«бек» в значении «знатный мусульманин» употребляется четыре раза. В тексте это восточное слово подчиняется словоизменительным законам русского языка, хотя и является для него варваризмом.

КАРАУЛ – тюркское слово, которое значит: стража, вооруженное подразделение, назначенное для охраны и обороны военных и государственных объектов (караульная служба) [Губинский, 1910].

СЯП: КАРАУЛ (40) стоявшего в карауле, что в Арзруме открылась чума. ПА 481.25.

«*Возвращаясь во дворец, узнал я от Коновницына, стоявшего в карауле, что в Арзруме открылась чума*» [Пушкин-VIII: 480] Тюркизм «караул» употребляется Пушкиным в том же значении, которое оно имело и в языке-доноре – «стража, оборона». В тексте оно демонстрирует признаки хорошей ассимилированности и понятно читателю. Упоминается один раз.

ПАША – *paşa* турецкое слово, которое значит титул высших военных и гражданских чиновников в бывшей султанской Турции, в Египте и некоторых других мусульманских странах; лицо, носящее этот титул [Епишкин, 2010].

«Паша (сокращ. персидск. "падишах") – титул первых сановников в Турции, принадлежавший первоначально лишь принцам крови, но впоследствии сделавшийся достоянием всех высших должностных лиц как военного, так и гражданского ведомства; соответствует нашему "превосходительству". Конские хвосты (бунчуки), которые раньше носились впереди П. в торжественных случаях, были уничтожены султаном Махмудом II» [Брокгауз].

СЯП: ПАША (29). Титул высших военных и гражданских сановников в Турции. *Бунтовщик ты, злодей проклятый! Не боишься ты господа бога, Где*

тебе с султаном тягаться, Воевать с белградским пашо'ю! ПА 471.2, 475.32, ПА 475.38, 477.3, 480.5,31,39; Д. паше: ПА 445.27,28; ПА 475.28,29, 478.7.

«*Пускай нападет он, — говорил Ермолов, — на пашу не умного, не искусного, но только упрямого, например на пашу, начальствовавшего в Шумле, — и Паскевич пропал!»* [Пушкин-VIII: 445]. «*Пробыв в городе часа с два, я возвратился в лагерь: сераскир и четверо пашей, взятые в плен, находились уже тут. Один из пашей, сухощавый старичок, ужасный хлопотун, с живостию говорил нашим генералам*» [Пушкин-VIII: 475]. «*Мушский паша приезжал к графу Паскевичу просить у него места своего племянника*» [Пушкин-VIII: 479]. В тексте этот тюркизм встречается один раз, в приведенном выше примере. Турецкая лексема, войдя в русский язык в виде топонима, в дальнейшем подвергается словообразовательным и словоизменительным трансформациям. В вышеуказанном примере функционирует в виде прилагательного, функция – индикативная.

СЕРАСКИР и *СЕРАСКЕР* (sérasker, sérasquier из тур. sarasker <перс.) В старой Турции – главнокомандующий; позднее (в султанской Турции) – военный министр. БАС-1. И как ныне от пленных слышно, что Сераскеры и Паши, в надежде были, что ныне Российскую армию в руках своих уже имеют. 1739. Журн. воен. действий. // Ломоносов 1891 1 81. В сем сражении разбит сераскир арзрумский, шедший на присоединение к Гаки-паше с 30 000 войска. Пушкин. Путешествие в Арзрум. Сераскирский ая, ое. Сераскирский дворец. БАС-1. - Лекс. Ян. 1806: сераскер, сераскир; Толль 1864: сераскир; СИС 1937: сераскир; 2: сераскер; БАС-1: сераскир [Епишкин, 2010].

«*Сераскир* – главный начальник турецких действующих войск прежнего устройства; избирался из двух- и трехбунчужных пашей, соответствовал нашим генерал-аншефам; ныне – титул военного министра» [Брокгауз].

СЯП: СЕРАСКИР (19). Главнокомандующий турецкой армией. *Вечером я узнал, что в сем сражении разбит Сераскир арзрумский* ПА 470.28. 40,000 турок и 40,000 татар, под предводительством сераскира, принуждены были, после шестимесячных тщетных усилий, со стыдом отступить, покинув лагерь и всю артиллерию, за что сераскир заплатил своею головою. ПА 470.28,29, 474.17,22, 475.6,28 476.1, 479.11; ПА 474.25, 479.21,29, 480.31; ПА 443.32, 474.21, 475.39; Т. Сераскиром: ПА 466.2, 479.38.

«*Коим граф Паскевич отрезал сераскира от Осман-паши*» [Пушкин-VIII: 443]. «*Восточное приветствие паши всем нам очень полюбилось. Я пошел взглянуть на сераскира. При входе в его палатку встретил я его любимого пажа, черноглазого мальчика лет четырнадцати, в богатой арнаутской одежде. Сераскир, седой старик, наружности самой обыкновенной, сидел в глубоком унынии*» [Пушкин-VIII: 476]. Это слово играет в повести немаловажную роль, поэтому насчитано 19 употреблений этого тюркизма в тексте, включая прилагательное «сераскирский». Само слово свободно склоняется и образует производные, не сопровождается авторскими комментариями. Возможно, для автора и для читателей того времени оно не воспринималось как экзотизм.

УЛАН – турецкое слово, которое значит (польск. от тур. *oglan* – молодой человек): 1) род легкой кавалерии, вооруженной пиками, саблями и пистолетами. 2) ханский чиновник, во времена татарского владычества [Михельсон, 1912].

«Уланы – слово татарское: *оглан*, буквально значит "юноша". В Золотой орде *огланами* назывались члены ханской семьи из линий, не восходивших на престол. Огланов много сосредоточилось в Польше, где они состояли на военной службе и где из них и возникли уланы. Первоначально одеяние их было чисто татарское; до нашего времени из него удержалась одна особенность –

квадратный верх каски, соответствующий такому же верху шапки монгольской, существующей и поныне у наших калмыков.

Н. В.

В России название уланы впервые встречается в проекте учреждения новороссийской ландмилиции, где предполагалось формирование поселенного уланского полка, вооруженного саблями и пиками. Такой конный полк и был сформирован, но получил название пикинерного (елисаветградского). При имп. Павле образованы еще два подобных полка: конно-польский товарищеский и литовско-татарский конный; однако название У. не употреблялось до 1803 г., когда сформирован был л.-гв. уланский (ныне ее Имп. Велич. Императрицы Александры Феодоровны) полк. Впоследствии сформированы или переименованы из драгунских в уланские полки: в 1805 г. Борисоглебский, в 1807 г. – Литовский и Волынский, в 1808 г. – Чугуевский, в 1812 г. – Серпуховский, Белгородский, Оренбургский, Владимирский и Ямбургский, в 1816 г. – Украинские уланские полки, в 1817 – л.-гв. У. Его Имп. Выс. цесаревича (ныне л.-гв. У. Его Величества), в 1827 г. – С.-Петербургский, Курляндский, Смоленский и Харьковский» [Брокгауз].

СЯП: УЛАН (12). Военный из частей лёгкой кавалерии, вооружённых небольшими копьями, саблями. *И скоро звонкий голос Оли В семействе Лариных умолк. Ула'н, своей невольник доли, Был должен ехать с нею в полк.* ПА 473.20. ПА 473.20; Д. уланам: ПА 473.24;

«Проехав верст 20, въехали мы в деревню, и увидели несколько отставших уланов, которые, спешась, с обнаженными саблями, преследовали нескольких кур» [Пушкин, 473]. *«Р<аевский> приказал уланам прекратить преследование кур, и послал полковнику А<нрепу> повеление воротиться»* [Пушкин-VIII: 473]. Данная лексическая единица, а также производное «уланский» (полк) используется в тексте 5 раз и не сопровождается комментарием. Отсюда можно сделать вывод о достаточной ассимилированности ее в языке того времени,

понятности читателю. В сцене преследования кур уланами чувствуется авторская ирония, когда он описывает это как батальную сцену («спешась, с обнаженными саблями»).

УЛАНСКИЙ – производное прилагательное от *улан* (см. выше).

СЯП: **УЛАНСКИЙ** (8). *Прил. к улан; состоящий из уланов.* Поминутно лошадь моя могла упасть, и тогда <сводный> **уланский** полк переехал бы через меня. *ПА 469.31. ПА 471.21; Уланского: ПА 473.14.*

*«Я отстал. Мимо меня пронесся **Уланский** полк»* [Пушкин-VIII: 471].
*«Полковник А<нрен>, хорошо не разобрав чего они хотели, вообразил, что турецкий отряд находился в горах, и с одним эскадроном **Уланского** полка поскакал в сторону, дав знать Р<аевском>у, что 3.000 турков находятся в горах. Р<аевский> отправился в след за ним, дабы подкрепить его в случае опасности»* [Пушкин-VIII: 473].

ЯНЫЧАР – от тур. *yāni çāri* – новые войска. Это турецкое слово, которое значит: 1. В султанской Турции до 1826 г.: солдат особых частей пехоты, комплектовавшейся из пленных юношей. 2. Вооружённый охранник диктаторского режима; бездушный палач. 3. 'новое войско, турецкая привилегированная регулярная пехота, созданная в XIV в.' [Епишкин, 2010].

Янычары (турецк. *ени чери*, новые войска) – особая часть турецкой армии. Сперва это была регулярная турецкая пехота; в 1330 г. она была султаном Урханом преобразована в своеобразную армию из воспитанных для войска христианских детей. Покоренные христианские народы облагались данью детьми; взятые таким образом дети раздавались туркам на воспитание в догматах ислама и на обучение военному делу, и затем составляли отдельную армию. Помимо военной добычи, они получали хорошее жалованье, которое заставляло как турок, так и христиан добиваться чести попасть в их ряды;

однако, специально воспитанные для армии христианские дети составляли значительное большинство Я., и элементы пришлые тонули в их рядах. В первые столетия своего существования янычары, отличавшиеся необузданным мужеством, оказывали неисчислимы услуги делу турецких султанов; но их своеволие, недисциплинированность, необузданность уже с XV в. заставляли султанов бояться их возрастающего могущества. В XV в. султан Солиман ограничил их число 40000; позднее оно было увеличено до 100000. Вся армия Я. делилась на 196 отрядов (орта), составлявших своеобразные не только военные, но и гражданские общины. Из этих орта первые 62 составляли булук и были распределены по границам и в Константинополе. Различные орта пользовались различными правами и привилегиями, отличались в форме и вооружении; жалованье с XVI в. получали только некоторые из них, остальные жили узаконенным грабежом. После Карловицкого мира (1699) янычарам было разрешено жениться и жить семейным образом; с тех пор их ряды пополнялись преимущественно их потомством. Это создало из них особую касту и, в связи с изменившимися условиями военного искусства, совершенно лишило их прежних военных достоинств. Янычары в XVIII и в XIX вв. были вольницей, чрезвычайно опасной для правительства, постоянно устраивавшей бунты, низвергавшей и возводившей на престол султанов, а на войне скорее вредной, чем полезной. Поэтому султаны, даже возведенные на престол Я., думали об их уничтожении, но приступил к этому только Махмуд II, воспользовавшийся, как удобным предлогом, их восстанием в Константинополе. При помощи регулярных войск Махмуд подавил восстание, причем число погибших Я. (убитых в уличном сражении, избитых в собственных жилищах и казненных) определяется в 10000 чел.; около 30000 были сосланы, армия Я. раскассирована и уничтожена. *В. В-в.*

СЯП: ЯНЫЧАР (8). Солдат или офицер привилегированного пехотного войска султанской Турции. *Над Сербией смилуйся ты, боже! Заедают нас волки яныча'ры! Без вины нам головы режут, Наших жен обижают.* ПА 478.15; Мн.И. яныча'ры.

«Вот начало сатирической поэмы, сочиненной **янычаром** Амином-Оглу» [Пушкин-VIII: 487]. Приведенный пример – единственный случай употребления данного тюркизма. Имеет реферативную отнесенность к сочинителю поэмы. Функция в тексте – референция.

ДЖИГИТ – тюркское слово, которое значит: юноша, искусный и отважный наездник [Павленков, 1907].

«*Джигит* (по-турецки – *молодой*) — на Кавказе издревле так назывались наездники, отличавшиеся отвагой, выносливостью, искусством лихо управлять конем и владеть всякого рода оружием. Отсюда и *джигитовка*, т. е. бешеная скачка (гарцевание, упражнение в конном ристании), во время которой всадник выказывает все виды своей ловкости: вскакивает ногами на седло и, стоя, стреляет; скрывается под лошадиное брюхо; на всем скаку подхватывает с земли разные мелкие предметы и на всем же скаку, остановив коня, заставляет его ложиться, в виде прикрытия для всадника, и т. п. Джигитовка перенята была от черкесов нашими кавказскими казаками, и они скоро сравнялись со своими учителями в этом искусстве. В наших среднеазиатских владениях джигитами называются киргизы и другие кочевники, состоящие при наших войсках в качестве проводников, посыльных и разведчиков» [Брокгауз].

СЯП: ДЖИГИТ (1). У кавказских горцев, искусный наездник и воин. *Толпой неистойой и резвой Джиги'ты наши в бой летят.* Мн. И. джиги'ты: СЗ 177.26.

«*Толпой бестрепетной и резвой Джигиты наши в бой летят*» [Пушкин-VIII: 478] В повести упоминается единожды, включен в стихотворный текст.

Это свидетельствует о хорошем освоении лексической единицы русским языком, полной ассимиляции. В стихотворном отрывке используется в прямом, денотативном значении.

НОМИНАЦИЯ ОДЕЖДЫ

БАШЛЫК – тюркское слово, которое значит 'остроконечный капюшон с длинными концами, надеваемый поверх головного убора' [Павленков, 1907], в особенности употреблялся в кавалерии.

«*Башлык* (по-татарски — изголовье) — шерстяной капюшон, надеваемый на голову кавказскими горцами и другими восточными народами в предохранение от холода, дождя и солнечного зноя. В русских войсках он введен был в 1862 г. и во время войны 1877-78 гг. оказался настолько целесообразным, что стал испытываться и в западноевропейских. Так, в 1881 г. весь отряд французских войск, посланный в Тунис, был снабжен башлыками» [Брокгауз].

СЯП: БАШЛЫК (2). Я затянул ремни моей бурки, надел башлык на картуз
ПА 462.30. Ед.Р. башлыка: ПА 462.33; В. башлык: ПА 462.30.

«*Вода ручьями лилась с моей отяжелевшей бурки, и с башлыка напитанного дождем*» [Пушкин-VIII: 462]. В тексте два раза упомянут башлык в прямом денотативном значении, как деталь одежды самого автора. Не сопровождается авторским комментарием, так как слово было в ходу в русском языке того времени.

БУРКА – от персидского слова *barak*, которое значит 'шерстяное покрывало', Широкий войлочный плащ без рукавов у кавказских горцев и других прикаспийских народов [Комлев, 1999].

«Бурка – род войлочного плаща без рукавов, употребляемого кавказскими жителями. Бурка весьма удобна при верховой езде для защиты от дождя и ветра. Бурка бывает гладкая и с косицами на лицевой стороне; первая ценится дешевле последней. Она готовится преимущественно из темной овечьей шерсти; но если приходится употреблять другую шерсть, то ее обязательно окрашивают в черный цвет» [Брокгауз].

СЯП: ПА 448.6. ПА 462.30,33; В. бу'рка: ПА 463.4, 464.14; Т. бу'ркой: ПА 450.5: Мн. И. в бурках: ПА 448.6

«По сторонам бежали конские табуны и стада волов. Около них скакали нагайские проводники в бурках и с *арканами*. Все это сначала мне очень нравилось, но скоро надоело» [Пушкин-VIII: 448]. Заимствованное слово «бурка» употребляется для описания внешнего вида героев повести. Оно необходимо для достоверной передачи визуальной информации и помогает читателю лучше представить людей, попадающихся автору в пути. Слово хорошо ассимилировано в русском языке, подчиняется словоизменительным правилам языка-реципиента и в настоящее время почти не ощущается как заимствованное. Скорее, для читателя это экзотизм.

ПАПАХА – тюркское слово, значит: высокая мужская меховая шапка. Принадлежность национального костюма некоторых народов Кавказа, Средней Азии и др. и форменной одежды казаков, генеральская *папаха*, казачья *папаха* [Фасмер, 2007].

«*Папаха* – наголовье, имеющее форму усеченного конуса из меха; верх обыкновенно суконный, реже также меховой; тогда папаха имеет коническую форму. Папахи носятся народами Средней Азии и на Кавказе, а у нас вошла в обмундирование казачьих войск и чинов войск Иркутского и Приамурского военных округов, при чем она делается из овчины или медвежьего меха.

Видоизменение П. представляет шапка, введенная в обмундирование войск в 1882 г.» [Брокгауз].

СЯП: ПАПАХА (1). Вперед не стану судить о человеке по его бараньей *papaxe* и по крашеным ногтям. Ед. Д. папахе: ПА 453.4.

В единственном примере, приведенном выше, употребление слова «папаха» имеет своей целью описать типичную внешность восточного горца. Употребляется в прямом значении (головной убор), но в данном контексте используется для характеристики стереотипного восприятия восточных людей.

ЧЕКМЕНЬ – тюркское слово, которое означает: 1. Старинная мужская верхняя одежда из сукна, шитая наподобие кафтана, в талию, со сборками сзади. 2. Верхняя длиннополая одежда у казаков. Так же называется и форменная одежда казачьих офицеров. 3. То же, что и черкеска. 4. Верхняя мужская халатоподобная одежда восточных народов. Чекмень туго перетягивали по талии пестрым поясом или кушаком [Орленко, 1996]. Характерно, что в словаре Брокгауза и Ефрона слово *чекмень* отсутствует.

СЯП: ЧЕКМЕНЬ (4). *Верхняя мужская одежда у кавказских народов: суконный полукафтан в талию со сборками сзади. Чекме'нь* затянутый на нем, Турецкой нож за кушаком, За пазухой во фляжке ром, И рог на бронзовой цепочке. ПА 445.20. Ед. И. чекме'нь: ПА 445.20 .

«Ермолов принял меня с обыкновенной своей любезностью. <...> то он становится прекрасен и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом. Он был в зеленом черкесском чекмене» [Пушкин-VIII: 445]. Упоминается в тексте для описания внешности одного из героев в сочетании с прилагательным «черкесский». Функция – идентификации, а также дескриптивная.

ЧАДРА – [от тур. *cadug* – палатка, шатёр]. 1. Лёгкое покрывало женщин-мусульманок, закрывающее голову и лицо (кроме глаз) и спускающееся по плечам вниз. Тёмная чадра. 2. Легкое женское покрывало у мусульман, закрывающее фигуру с головы до ног, надевается при выходе из дома [Брокгауз, 1993].

СЯП: ЧАДРА (4). Я встретил путешествующих татар; между ими было несколько женщин. Они сидели верхами, окутанные в чадры; видны были у них только глаза да каблуки. ПА 460.11. Ед. Т. чадрую: ПА 456.24, 480.36; Мн. В. чадры: ПА 460.11; Т. чадрами: ПА 450.18

*«У ворот крепости встретил я жену и дочь заключенного осетинца. Они несли ему обед. Обе казались спокойны и смелы; однако ж при моем приближении обе потупили голову и закрылись своими изодранными **чадрами**»* [Пушкин-VIII: 450]. *«Сегодня вторник: женский день. <...> Они продолжали смеяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своею **чадрюю**; ни одна не перестала раздеваться»* [Пушкин-VIII: 456]. Слово «чадра» встречается в тексте очерков четыре раза, каждый раз для описания внешности женщин. В каждом из случаев женщины предстают то бедными, но скромными, то наоборот равнодушными к своей наготе, то молодыми и красивыми («из-под покрывала раздался молодой приятный голосок»), то старыми и безобразными. Как видно из примеров, покрытие чадрой лишь обостряет другие чувства и при этом легко понять, как выглядит женщина даже не видя ее.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА

Справедливо отмечала Ф.И. Джаубаева, касаясь религиозной лексики Кавказа: «Особенностью экзотизмов тематического блока «религия» является то, что они в основном не имеют русских синонимов, поэтому обращение к ним

при описании жизни иных народов необходимо. На фоне прочей иноязычной лексики экзотизмы выделяются как слова, не полностью освоенные русским языком. Это слова, которые приобрели грамматические свойства русского языка, пишутся русскими буквами» [Джаубаева 2010, с. 41].

ГЯУР – gīaour нем. Gīaūr – турецкое слово из арабского kafīr, означает – неверный, не мусульманский. Название иноверца у магометан; неверный. [Епишкин, 2010].

«*Гяур* – этим именем турки презрительно зовут всех немусульман. *Гяур* – испорченное арабское "Kīafīr" (отрицающий Бога, язычник)» [Брокгауз].

СЯП: *ГЯУР* (11). *Презрительное название человека другой веры у магометан.* Ед.Р. гяу'ра: Д. гяу'ру: ПА 480.40;

«Стамбул *гяуры* нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят,
И прочь пойдут – и так оставят»

[Пушкин-VIII: 478].

«*Мы услышали шамкание семидесятилетней старухи; г. А. прервал ее: «Это мать наши, – сказал он, – а я прислан к женам, приведите одну из них»; все изумились догадке гяуров: старуха ушла и через минуту возвратилась с женщиной, покрытой так же, как и она»* [Пушкин-VIII: 480]. В приведенной цитате, встречается пример употребления слова «*гяур*», где автор употребляет его по отношению к себе и своим спутникам. Автор иронизирует, используя негативные коннотации, заложенные в этом слове.

ДЕРВИШ – derwesch – персидское слово значит: 1. Бедный, нищий, член мусульманского суфийского братства, в более широком смысле – нищий араб.

fakir нищий; волшебник. 2. Мусульманский или индуистский бродячий монах, давший обет нищенства [Фасмер, 2004].

«*Дервиш* – персидское слово, значит *нищий* (собственно — порог двери) и употребляется (как и арабский его синоним *факир*) у мусульман для обозначения человека набожного, ищущего спасения души в отшельнической жизни. Хотя Магомет и сказал: "нет монашества в Исламе", но вследствие склонности арабов к отшельнической жизни уже в первые века гиджры были основаны многие дервишские ордена или братства. <...> Посещающим Константинополь европейцам знакомы дервиши руфай (существующ. с XII в.), поражающие зрителей глотанием шпаг, огня и т. п. <...> Среди мирян дервиши пользуются большим почетом. Пользуясь суеверием народа, Д. лечат заклинаниями и молитвами от разных болезней, предсказывают будущее, толкуют сны и продают за большие деньги чудодейственные амулеты. В Турции, особенно среди высших классов, наибольшим уважением пользуются дервиши ордена мевлеви благодаря их поэтической мистике. "Месневи" – главное произведение их основателя, поэта Джелаль-Эддин-Руми, – изучалось не только отшельниками, но и государственными деятелями; влияние их особенно возросло, когда Кония, резиденция главы ордена, стала главным местом изучения персидской литературы и поэзии. И. К.» [Брокгауз].

СЯП: **ДЕРВИШ** (3). *Мусульманский нищенствующий монах*. Паша сложил руки на грудь и поклонился мне, сказав через переводчика: "Благословен час когда встречаем поэта. Поэт брат **дервишу**. Он не имеет ни отечества, ни благ земных". ПА 475.34.

Однако сам-то А.С. Пушкин подает это слово в значении *поэт*: «*Мне сказали, что это был брат мой, **дервиш**, пришедший приветствовать победителей. Его насилу отогнали*» [Пушкин-VIII: 476]. Как видим, слово претерпело семантические изменения и стало более многозначным. В тексте употребляется дважды (не считая названия), в первом примере, из речи паши,

слово передает одобрение и уважение к человеку «не от мира сего». Однако, в следующем абзаце, в косвенной речи «Мне сказали, что...» и авторском комментарии «насилу отогнали» эти коннотации уже отсутствуют.

Авторы СЯП дали здесь общее значение, которое отличается от значения, которое придавал этому слову Пушкин. Более близкое значение открывается в трактовке слова, несколько синонимичного, данного в «Бахчисарайском фонтане» – факир: *Мусульманский аскет, давший обет нищенства, дервиш.*

Дарует небо человеку

Замену слез и частых бед:

Блажен *факи'р*, узревший Мекку

На старости печальных лет.

Ср.: брат мой, *дервиш*. *Дервиш* для Пушкина – это прежде всего *поэт, деятель искусства*. Именно поэтому мы так полно воспроизвели трактовку слова *дервиш* по Словарю Брокгауза и Ефрона.

КОРАН (араб. кур'ан, букв. декламация, «чтение вслух», «назидание»), главный источник вероучения ислама, собрание поучений, речей и заповедей пророка Мухаммеда (ок. 570-632). Мухаммед сообщал их своим последователям, начиная с 609 г., в Мекке и Медине, как откровения бога, ниспосланные ему через святого духа (Коран 16, 91) или через архангела Гавриила (2, 92). Единая редакция Корана была принята в сер. VII в. (редакция 3-го халифа Османа), семь способов чтения текста Корана были установлены Абу Бекром ибн Муджахидом ат-Тамими (859-936). По содержанию в К. можно выделить: эсхатологию ислама; иудаистско- и христианские воззрения; древнеарабские обычаи, оформленные в ритуальные предписания ислама; арабский фольклор; мусульманское законодательство [Али-заде Ансар, 2007]:

СЯП: *КОРАН* (17). *Священная книга мусульман, содержащая учение Магомета* «Нас ввели в открытую комнату, убранную очень порядочно, даже

со вкусом, – на цветных окнах начертаны были надписи, взятые из *Корана*. ПА 480.16. «Ученый без дарования подобен тому бедному мулле, который изрезал и съел *Коран*, думая исполниться духа Магометова». Ед. И. *Коран*.

«*Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов Корана*» [Пушкин-VIII: 447], «– на цветных окнах начертаны были надписи, взятые из *Корана*. Одна из них показалась мне очень замысловата для мусульманского гарема: тебе подобает связывать и развязывать» [Пушкин-VIII: 443]. Слово «Коран» употребляется в повести дважды, оба раза для описания быта и верований, мнение автора отражено во втором примере: «на цветных окнах начертаны были надписи, взятые из Корана: «Одна из них показалась мне очень замысловата для мусульманского гарема: тебе подобает связывать и развязывать». Автор показывает, как цитаты из религиозной книги входят в обиходную жизнь людей, правда, здесь они присутствуют больше формально, без проникновения в глубокий философский смысл.

МАГОМЕТАНСКАЯ – слово, производное от устаревшей формы имени пророка Мухаммеда – *Магомет* [Ибн Мирзакарим аль-Карнаки, 2010].

СЯП: *МАГОМЕТАНСКИЙ* «Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов Корана» [Пушкин-VIII: 449]. Магометанская вера употребляется в тексте один раз как синоним «мусульманская», метонимически связывая религию с именем ее основателя.

МИНАРЕТ – (арабское слово. ман-ара – буквально – маяк), башня (круглая, квадратная или многогранная в сечении) для призыва мусульман на молитву; ставится рядом с мечетью или включается в ее композицию [Ефремов, 2006]

СЯП: МИНАРЕТ (3). *Возвышающаяся над мечетью башня*. С высоты горы в долине открывался взору Арзрум со своею цитаделью, с минаретами, с зелеными кровлями ПА 474.35. В назв. Первое замечательное место есть крепость Минарет. ПА 448.23. Ед. И. минарет: ПА 448.30; Минарет: в назв. ПА 448.23; Мн. Т. минаретами: ПА 474.35.

«Легкий, одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения. Он стройно возвышается между грудями камней, на берегу иссохшего потока. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, с которой уже не раздаётся голос муллы. Там нашел я несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичках славолюбивыми путешественниками» [Пушкин-VIII: 448]. «С высоты горы в долине открывался взору Арзрум со своею цитаделью, с минаретами, с зелеными кровлями, наклеенными одна на другую» [Пушкин-VIII: 474] Слово встречается в тексте три раза. Один раз как собственное имя (см. гл. III). В остальных случаях это нарицательное имя, оно имеет прямое, денотативное значение: высокая башня, построенная мусульманами, для религиозных обрядов.

МУЛЛА – (от арабского *маула* – владыка), служитель религиозного культа у мусульман; знаток религиозных наук. Обычно мулла избирается верующими из своей среды [Крысин, 1998].

«Мулла – перс.-тур. переделка арабск. слова "мевлә" (господин). Титул этот приложим ко всякому духовному главе (между прочим, так называются начальники монашеских орденов и почетные законоведы), но обыкновенно "мулла" значит то же, что арабск. "имам" (см.). т. е. священнослужитель низшей степени. В светском управлении такой мулла не имеет права участия; знания его – грамотность в уменье толковать Коран. У нас на Кавказе народ муллою называет муэззинов, "буднишних" имамов и другие низшие степени духовенства, тогда как имам "пятничный", кадый и шейх-уль-ислам – это уже

мулла-ахунд (у шиитов) или мулла-эффенди (у суннитов): для них требуется известное образование, они – "улемы"» [Брокгауз].

СЯП: МУЛЛА (4). Обряд творится погребальный. Звучит уныло песнь *муллы'*. Т 12. *Мулла*, стоя на коленях, читал молитвы. ПА 471.29. Ед. И. мулла: ПА 471.29; ПА 448.34;

«Легкий, одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения. Он стройно возвышается между грудями камней, на берегу иссохшего потока. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, с которой уже не раздается голос муллы» [Пушкин-VIII: 448]. *«Под деревом лежал один из наших татарских беков, раненный смертельно. Подле него рыдал его любимец. Мулла, стоя на коленях, читал молитвы»* [Пушкин-VIII: 471] В тексте слово упоминается дважды, оба раза в номинативной функции.

НОМИНАЦИЯ ЖИЛЬЯ И ПОМЕЩЕНИЙ

АУЛ – тюркское слово (тюрк., ср. тат.). 1. Горное селение у кавказских горцев и у крымских татар, административная единица у некоторых кочевых тюркских народов Средней Азии, 2. *Аул* – "деревня, селение, стойбище, шатер азиатских и кавказских, народов". Заимствованное из татарских, кавказских, кыпч. *aul* "деревня; юрты, находящиеся на одном месте", тур., азерб. *aul* "загон для овец [Фасмер, 1973].

«Аул – (а-ул, татарское слово) — так называется у татар, башкир, на Кавказе, у киргиз-кайсаков и у калмыков селение, деревня» [Брокгауз].

СЯП: АУЛ (23). *Аул*. Так называются деревни кавказских народов. ПА 448.29, 450.11; В Мн. И. аулы: ПА 449.6; Р. ау'лов: аулами: ПА 449.40.

«Справа сиял снежный Кавказ; впереди возвышалась огромная, лесистая гора; за нею находилась крепость. Кругом ее видны следы разоренного аула,

называвшегося Татартубом и бывшего некогда главным в Большой Кабарде» [Пушкин-VIII: 448] «Мы достигли Владикавказа, прежнего Капкая, преддверия гор. Он окружен осетинскими **аулами**» [Пушкин-VIII: 449] «Гости поехали следом. Тело должно было быть похоронено в горах, верстах в тридцати от **аула**. К сожалению, никто не мог объяснить мне сих обрядов» [Пушкин-VIII: 450] Данный тюркизм употребляется часто (было найдено четыре случая употребления слова), так как автор на своем пути встречал множество горных селений. Слово изменяется по падежам, не обладает коннотациями и употребляется автором в нейтральном стиле для обозначения местных населенных пунктов, то есть с целью номинации.

ДУХАН – арабское слово, распространено на Кавказе, в Крыму: старинное название небольшого ресторана; харчевня [Ожегов, Шведова, 1992]. В Словаре Брокгауза и Ефрона отсутствует.

СЯП: **ДУХАН** (1). Князь, мужчина лет сорока пяти, ростом выше преображенского флигельмана. Мы нашли его в духане (так называются грузинские харчевни, которые гораздо беднее и не чище русских). Ед. П. в духане: ПА 425.19.

Слово *духан* упоминается в тексте один раз и сопровождается авторским толкованием слова и описанием называемого объекта. Функция в тексте – номинативная и дескриптивная.

КАРАВАН-САРАЙ – персидское слово (от перс. – караван и *sarai* – дворец), которое значит: гостиница или постоялый двор со складом для караванных товаров в Азии, постоялый и торговый двор в городах и на дорогах Ближнего Востока [Ефремова, 2006].

«*Караван-сарай* – (караванный дом) – большие общественные строения на Востоке, в городах, на дорогах и в ненаселенных местах, служащие кровом и

стоянками для путешественников. Иногда они роскошно построены, но без утвари, вследствие чего путешественник должен привозить с собой постель и ковры, равно как и жизненные припасы для себя и своих животных; имеется лишь вода, иногда провезенная издалека, с большими издержками. Обыкновенно караван-сарай – четырехугольный дом с колодцем посередине. При постройке часто принята в соображение возможность нападения разбойников. Настоящие караван-сарайи теперь находятся лишь в Персии; но они и там мало-помалу исчезают вследствие проведения лучших дорог» [Брокгауз].

СЯП: КАРАВАН-САРАЙ (2). *Гостиница, постоялый двор в Азии.* В нескольких шагах от моста посетил я темные развалины *караван-сарая*. ПА 473.4. Мне указали *караван-сарай*; я вошел в большую саклю, похожую на хлев; ПА 464.12. Ед.Р. караван-сарая: ПА 473.4; В. караван-сарай: ПА 464.12.

«*В нескольких шагах от моста посетил я темные развалины караван-сарая*» [Пушкин-VIII: 473]. Судя по описанию, строения, называемые в тексте «караван-сарай» были довольно убоги («похожи на хлев; развалины караван-сарая; не нашел ничего, кроме больного осла»). Однако функционально эти жилища соответствуют своему названию – там действительно останавливались путники и их животные. Таким образом, лексическая единица «караван-сарай» употребляется в прямом, денотативном значении.

КИБИТКА – [тат. kibet – лавка, магазинчик, от араб. kubbat – свод, купол].
1. Крытая повозка. Бразды пушистые взрывая, летит кибитка удалая. 2. Легкое переносное жилище у кочевых народов [Губинский, 1910]

СЯП: КИБИТКА (53). 2. *Переносное жилище у кочевых народов* (10). На днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Всё семейство собиралось завтракать. Котел варился посередине, и дым выходил в отверстие, сделанное в верху кибитки. ПА 446.33,36. 2. ПА 445.2; 2. ПА 446.36, 447.6; 2. ПА 446.33 1. ПА 448.3; Р. кибиток: 2. ПА 446.30

«У *кибиток* их пасутся их уродливые, косматые кони, знакомые вам по прекрасным рисункам Орловского» [Пушкин-VIII: 445], «Котел варился по середине, и дым выходил в отверстие, сделанное вверху *кибитки*» [Пушкин-VIII: 446]. В тексте данное слово употребляется шесть раз, сопровождается пояснением. Становится понятно, что кибитка у разных народов выглядит по-разному: ближе к России – зимняя повозка, на Кавказе чаще – разборное жилье. Цель употребления – номинативная. Автор стремится более точно описать, как выглядит это средство передвижения у калмыков.

ЛАЧУЖКА – (тюрк. алачуга) (с унич. оттенком). 1. Небольшая, плохо построенная или разваливающаяся изба, хижина. Бедная лачуга. *Лачуга* рыбака. «В *лачугах* у подножия горы виднелись огоньки» Короленко. 2. перен. Бедное, убогое, темное жилище (разг.) [Ефремова: 2005]. В Словаре Брокгауза и Ефрона отсутствует.

СЯП: ЛАЧУЖКА (11). *Небольшой бедный домик, избушка*. лачужек: ПА 448.21; В. лачужки: в лачужках: ПА 447.12.

«В мое время ванны находились в *лачужках*» [Пушкин-VIII: 447]. Здесь тюркизм служит для усиления контраста между благоустроенным курортом в наше время, и в недалеком прошлом. Присутствует некая гиперболизация, так как ванны в таких помещениях не ставят. Отметим, что в наше время значение данной заимствованной единицы претерпело дальнейшие изменения.

САКЛЯ – каменное, глинобитное или саманное жилище горцев (от грузинского *сахли* – дом) [Комлев, 2006].

«*Сакля* – название жилых домов у туземцев Кавказа – мингрельцев, имеретин и др. Сакля мингрельская – дощатый дом, иногда с черепичной крышей, разделенный на 2 или 3 небольшие комнаты. У зажиточного мингрельца или имеретина обыкновенно две сакли: одна парадная, чистая, для

самого хозяина или для гостей, часто с дощатым полом, камином, балконом, тахтами по стенам; другая сакля – простая, черная, покрытая копотью внутри, с земляным полом; здесь варится пища в котле над костром; в этой сакле проводит большую часть дня семья хозяина. Как та, так и другая сакля не отличаются прочностью: обыкновенно дощатые, они не держат тепла и в холодное время семья согревается у костра или камина» [Брокгауз].

СЯП: САКЛЯ (23). *Хижина кавказских горцев*. Сакля, хижина. Грузинские деревни издали казались мне прекрасными садами, но подъезжая к ним видел я несколько бедных *сакель*, осененных пыльными тополями. ПА 459.35. Ед. И. сакля: 5.1 ПА 466.3, 470.24; ПА 450.1, 460.29, 470.14; са'кле: Т 252; В. саклю: ПА 450.3, 460.3,29, 464.9,13, 470.19; Т. са'клею: сакель: ПА 459.35; сакли: ПА 460.26; ПА 451.10.

*«Он окружен осетинскими аулами. Я посетил один из них и попал на похороны. Около **сакли** толпился народ. На дворе стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершего съезжались со всех сторон и с громким плачем шли в **саклю**, ударяя себя кулаками в лоб. Женщины стояли смирно. Мертвеца вынесли на бурке...»* [Пушкин-VIII: 450]. *«На скале видны развалины какого-то замка: они облеплены **саклями** мирных осетинцев, как будто гнездами ласточек»* [Пушкин-VIII: 451]. Слово «сакля» употребляется тринадцать раз в прямом, денотативном значении для наименования жилища горцев. Меняется по словоизменительной модели русского языка, сохраняя элемент иноязычного звучания. Однако форма мн. ч. Род. п. у Пушкина характерна и системна: *сакель* – вместо совр. *саклей*, *ароб* – вместо совр. *арб*. Поэтому даже такие формы являются характерными *пушкинскими хронотопами*.

ШАТЁР – турецкое слово *чадыр* – значит 'большая палатка (обычно в форме конуса) крытая тканью, кожей, коврами и т.п.' [Крысин, 1998]. В Словаре Брокгауза и Ефрона *шатер* в данном значении отсутствует.

СЯП: ШАТЕР (45). Палатка графа Паскевича стояла близ зеленого шатра Гаки-Паши ПА 472.26. ПА 444.6, 472.26;

«...всё это, увенчанное полным успехом, может быть, и чрезвычайно достойно посмеяния в глазах военных людей (каковы, например, г. купеческий консул Фонтанье, автор путешествия на Восток): но я устыдился бы писать сатиры на прославленного Полководца, ласково принявшего меня под сень своего *шатра* и находившего время посреди своих великих забот оказывать мне лестное внимание» [Пушкин-VIII: 444]. Данный тюркизм употреблен с номинативной целью, слово стоит в косвенном падеже, подчиняется русским правилам словоизменения и выглядит вполне ассимилированным в языке. С этим связано отсутствие каких-либо комментариев или пояснений.

ГАРЕМ – (правильнее *харем*, от араб. *harîm* – неприкосновенное, святое) – у магометан терем или часть дома, где отдельно от мужчин живут женщины. По понятиям мусульман, никакая власть, светская или духовная, никто из посторонних мужчин, даже домашних, кроме хозяина и детей, не могут переступить порог гарема; исключение делается для султана и шаха в силу распространенного на Востоке мнения, что посещение царствующей особы приносит счастье. Гаремы выходят окнами на двор, часто соединяемый с садом, обнесенным высоким забором. Каждая из жен, если их в гареме несколько, имеет отдельное помещение [Брокгауз].

СЯП: ГАРЕМ (харем) (41). *Помещение для жён у магометан. Я жил в сераскировом дворце в комнатах, где находился харем.* ПА 479.8. Пс 1190.18. [] Ед. И. гарем'м: харем: ПА 477.3, 479.8; ПА 480.17 харема: ПА 479.39, 480.28,

481.13; харе'м: СЗ 246. [24] ПА 481.18; в хареме: ПА 480.10; о хареме: ПА 480.4; П. в гаре'мах:

«Одна из них показалась мне очень замысловата для мусульманского гарема: тебе подобает связывать и развязывать» [Пушкин-VIII: 480].

Слово «гарем» употребляется в повести один раз, однако вариант «харем» встречается гораздо чаще: 10 раз. Такая вариативность слова свидетельствует о недостаточной освоенности русским языком на тот момент. В настоящее время в закрепился вариант «гарем», а «харем» вышло из употребления.

СЯП: (харем) (41). *Помещение для жён у магометан. Я жил в сераскировом дворце в комнатах, где находился харем. ПА 479.8. Пс 1190.18. Ед. И. гаре'м: харем: ПА 477.3, 479.8; ПА 480.17 харема: ПА 479.39, 480.28, 481.13; харе'м: СЗ 246. [24] ПА 481.18; в хареме: ПА 480.10; о хареме: ПА 480.4; П. в гаре'мах:*

В нем жены по кладбищам ходят,
 На перекрестки шлют старух,
 А те мужчин в харемы вводят,
 И спит подкупленный евнух.

[Пушкин-VIII: 478].

«Осман-паша, взятый в плен под Арзрумом и отправленный в Тифлис вместе с сераскиром, просил графа Паскевича за безопасность харема, им оставляемого в Арзруме. <...>, граф вспомнил о хареме Османа-паши и приказал г. Абрамовичу съездить в дом паши и спросить у его жен, довольны ли они и не было ли им какой-нибудь обиды. Я просил позволения сопровождать г. А. Мы отправились. Г-н А. взял с собою в переводчики русского офицера, коего история любопытна. 18-ти лет попался он в плен к персиянам. Его скопили, и он более 20 лет служил евнухом в хареме одного из сыновей шаха» [Пушкин-VIII: 479-480].

Харем – арабское слово, которое значит: женские члены семьи [Альфйруз Абади, 1849].

Слово «харем» в различных косвенных падежах присутствует на протяжении всей повести и всего встречается в тексте 10 раз. Сопровождается оно подробным описанием самого гарема, вызывает интерес читателя само иноязычное звучание лексемы, и этот эффект усиливается труднодоступностью данной части жилища и ее обитателей. Когда же, наконец, автор попадает туда и делится своими впечатлениями, он заключает это так: «это удалось редкому европейцу. Вот вам основание для восточного романа». И читатель разделяет эту интригу вместе с автором.

ОБОЗНАЧЕНИЕ ЖИВОТНЫХ И ТРАНСПОРТА

АРБА – тюркское слово, значит: высокая двухколёсная повозка в средней Азии [Губинский, 1910].

«Араба, или *арба* — двухколесная высокая телега турецких кочевников. В России — на Кавказе и в южных губерниях — *арбою* или *гарбою* называют длинную телегу на четырех колесах с железными осями: она весьма удобна как для возки тяжестей вообще, так для уборки хлеба в особенности» [Брокгауз].

СЯП: АРБА (11). За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдаток, за ними заскрыпел обоз двуколесных ароб. ПА 448.5. В дорогу шествие готово, И тронулась арба'. За ней Адехи следуют сурово, Смирная молча пыл коней... ПА 450.1, 468.28; В. арбу': ПА 450.8, 460.33,34; Мн. И. арбы: ПА 456.11; Р. ароб: ПА 448.5,11.

«Около сакли толпился народ. На дворе стояла *арба*, запряженная двумя волами» [Пушкин-VIII: 450]. *Арба* упоминается в тексте два раза – в первый раз как похоронные дроги, второй раз – как обоз. Оба раза, а особенно в первом

случае, данный тюркизм помогает создать атмосферу, передать особенности быта и обычаев кавказских народов.

АРКАН – аркана, муж. (тюркское слово – arkan). Длинная веревка с подвижной петлей на конце (для ловли животных, гл. обр. лошадей, а прежде и для захвата врага) [Даль, 2004].

«*Аркан* – веревка с петлею или пулею на конце; ею ловят диких лошадей, буйволов и др., закидывая петлю на шею животного. Арканом называется в Персии и линейная мера (12 соф.), употребляемая для измерения полей» [Брокгауз].

СЯП: АРКАН (8). Мн. Т. арканами: ПА 448.6.

«*Около них скакали ногайские проводники в бурках и с арканами*» [Пушкин-VIII: 448]. В тексте данное заимствованное слово употребляется один раз в прямом, денотативном значении. Комментариями не сопровождается, но воспринимается читателем, предположительно, как экзотизм.

КАРАВАН – (перс. ка(е)рван, из кар-й-реван, т. е. "странствующая прибыль") – большое общество путешественников, особенно купцов, в Средней и Передней Азии и Африке, соединяющихся для взаимной помощи и имеющих целью торговлю или паломничество. В таком обществе иногда участвует более 1000 верблюдов — обыкновенных вьючных животных каравана. <...> Вьючными животными, кроме верблюда, являются еще: в Сев. Месопотамии – вьючный вол, в Малой Азии – вьючная лошадь и мул, в Индии – слон, в Гималайских горах – козы. Верблюды обыкновенно связываются группами в 5-9 штук и ведутся ослом, на котором едет погонщик. Для восточных поэтов караван служил неисощимым источником для образцов и уподоблений [Брокгауз].

СЯП: КАРАВАН (8). **2.** *Партия, группа путешественников* (3). На сборном месте соединился весь **караван**, состоявший из 500 человек или около. *ПА* 447.39. На всякой случай, я написал от имени всего нашего **каравана** официальную просьбу к г. Ч<иляеву> *ПА* 453.11. *Ед.И. караван'н: 2. ПА* 447.39, 448.24; *Р. каравана: 2. ПА* 453.11.

«На сборном месте соединился весь *караван*, состоявший из 500 человек или около. Пробили в барабан. Мы тронулись. Впереди поехала пушка, окруженная пехотными солдатами» [Пушкин-VIII: 447]. «Первое замечательное место есть крепость Минарет. Приближаясь к ней, наш *караван* ехал по прелестной долине между курганами, обросшими липой и чинаром» [Пушкин-VIII: 448].

КАТАР – арабское слово, которое значит «ряд». Слово обозначает ряд верблюдов, идущих друг за другом, а также мулов, т.е. *караван* [Альфйруз Абади, 1849]. В Словаре Брокгауза и Ефрона отсутствует.

СЯП: КАТАР (1). Вскоре услышал я звук колокольчиков и целый ряд катаров (мулов), привязанных один к другому, <...> потянулся по дороге. Мн. *Р. катаров: ПА* 454.28.

«Вскоре услышал я звук колокольчиков, и целый ряд **катаров** (мулов), привязанных один к другому и навьюченных по-азиатски, потянулся по дороге» [Пушкин-VIII: 454]. Из примера видно, что слово является чужеродным и не всем понятным, несмотря на словоизменительную адаптацию данной лексической единицы, поэтому автор приводит свои пояснения в скобках). Сравнив значение слова и авторский комментарий видим наличие определенного семантического сдвига в процессе освоения заимствующим языком. В ситуации с словом «катар» А.С. Пушкин совершил простительную неточность, так как катары это цепочки или ряды верблюдов в караване. То есть, *катар* – это ряд верблюдов, а когда у Пушкина написано «ряд катаров», то

он имеет в виду «ряд мулов», тогда как *катар* не является не верблюдом и не мулом, было бы правильнее сказать «катар мулов». К сожалению в СЯП нет семантизации этого слова, поэтому и не разъяснена ошибка Пушкина.

ВЕРБАНА АТ – тюркск.: «дай мне лошадь!» или «верни мне лошадь!»?

СЯП: ВЕРБАНА АТ (1). Передача турецких слов «дай мне лошадь» русскими буквами. На все его непонятные речи отвечал я одно: вербана ат (дай мне лошадь), вербана ат: ПА 464.16. [Пушкин-VIII: 464] В тексте данное иноязычное вкрапление встречается один раз и сопровождается переводом. В отличие от французских вкраплений в повести, приводится в русской графике. Используется для наибольшей экспрессии и достоверности при описании разговора с турком.

ТОРГОВЛЯ

АБАЗ – а, м перс. *abbāsi*. персидское слово, значит: серебряная монета — по имени шаха Аббаса I (1587-1629) в Персии = 5,5 коп, в Хиве = 10 коп, в Грузии = 20 коп; 2) вес для драгоценных камней 7/8 карата.. Восточная мелкая серебряная монета, в старину распространенная на Кавказе [Крысин, 1998].

СЯП: АБАЗ (3). Серебряная монета достоинством в 20 копеек серебром, имевшая хождение в Грузии. Первый встречный вызвался провести меня к городничему, и потребовал за то с меня *абаз*. ПА 455.13. Ед. И. абаз: ПА 455.23; Р. абаз: ПА 455.16; В. абаз: ПА 455.13.

«Появление мое у городничего, старого офицера из грузин, произвело большое действие. Я требовал, во-первых, комнаты, где бы мог раздеться, во-вторых, – стакана вина, в-третьих, – абаз для моего провожатого. <...> комната была мне отведена, стакан вина принесен и абаз выдан моему проводнику с отеческим выговором за его корыстолюбие, оскорбительное для

грузинского гостеприимства» [Пушкин-VIII: 455]. Слово *абаз* упоминается в тексте три раза для описания одного и того же события, из описания становится понятно значение слова, которое никак не поясняется автором. Сохранение местного экзотизма «абаз» без каких-либо комментариев помогает лучше передать отношения местных людей друг с другом и с заезжими гостями.

БАЗА́Р – муж, базара (перс. bazar), персидское слово, значит: 1. Происходящий по определенным дням торг на площади. Сегодня базара нет. 2. Предпраздничный или сезонный торг специальными товарами. Книжный базар. Весенний базар. 3. перен., только ед. Беспорядочный говор, крики, шум большого собрания людей (разг. фам.) [Ушаков, 1940].

«*Базар* (слово персидского происхождения, распространенное по всему мусульманскому Востоку) – означает в восточных странах рынок, как открытый, так и закрытый, на котором выставляются на продажу всевозможные предметы торговли. Базар обыкновенно состоит из многих больших проходов или улиц, часто усаженных деревьями и привлекающих массу гуляющего свободного народа. <...> Слово базар издавна перешло в русск. язык в смысле торжища, рынка; дни торга называются у нас базарными днями» [Брокгауз].

СЯП: БАЗА́Р (12). На другой же день приступила она к исполнению своего плана, послала купить на *базаре* толстого полотна, синей китайки ПА 456.10, 458.27; Д. база'ру: СЗ 177.14 Б 3 ПА 481.28

«*Я остановился в трактире, на другой день отправился в славные тифлиссские бани. Город показался мне многолюден. Азиатские строения и базар напомнили мне Кишинев»* [Пушкин-VIII: 456]. «*Базар разделяется на несколько рядов; лавки полны турецких и персидских товаров, довольно дешевых, если принять в рассуждение всеобщую дороговизну»* [Пушкин-VIII: 458]. «*В Арзруме открылась чума. Мне тотчас представились ужасы карантина, и я в тот же день решил оставить армию. Мысль о присутствии*

чумы очень неприятна с непривычки. Желая изгладить это впечатление, я пошел гулять по базару» [Пушкин-VIII: 481]. Трижды в очерках употреблено слово *базар* и каждый раз автор описывает тот местный базар, по которому «гуляет». Так как слово присутствует в русском языке для обозначения местных базаров, как синоним «рынок», описания автора очень уместны, так как помогают понять отличие восточного базара от привычного для читателей русского.

БУРДЮК – тюркское слово (тат.). 1) козий или бычачий мех для вина, воды или кумыса. 2) мех из шкур животных, особенным образом изготовленный. Четыре таких бурдюка служат для вязки на них плота, заменяющего лодки при переправах войск через реки [Чудинов, 1910].

«*Бурдюк* – мех животного, содранный с него через шейное отверстие без других разрезов; полученный таким образом цельный кожаный мешок выворачивается шерстью внутрь; кожа снаружи протирается солью, а внутри пропитывается дегтем, отверстия шеи, ног и другие перевязываются, одна лапка оставляется для вливания жидкости и бурдюк готов к употреблению: для наполнения и хранения жидкостей. Большие бурдюки, отличающиеся замечательной прочностью, приготавливаются из шкуры буйволов и быков, а бурдючки – из шкуры козлят и ягнят. В старину бурдюк служил, особенно в азиатских странах, единственным средством для сохранения, а главное для перевозки вина, масла и т. п. жидкостей; но с распространением бондарного промысла его употребление более и более ограничивается. В Закавказье, однако, и ныне бурдюки имеют значительное распространение. Имея малый вес и большую вместимость, бурдюк очень удобен для перевозки, особенно вьючной. В бурдюках возят и носят всякие жидкости, начиная от воды и нефти и кончая винами. Главные массы закавказских вин, производимых для местного потребления, перевозятся в бурдюках» [Брокгауз].

СЯП: БУРДЮК (2). Кожаный мешок для вина или воды. С ним выпили мы в первый раз кахетинского вина из вонючего *бурдюка*, вспоминая пиروвания Илиады: И в козиих мехах вино, отраду нашу! ПА 451.15. Ед.И. бурдюк: ПА 452.21; Р. бурдюка: ПА 451.15.

«В дверях лежал пузастый бурдюк (воловий мех), растопыря свои четыре ноги. Великан тянул из него чихирь и сделал мне несколько вопросов, на которые отвечал я с почтением, подобаемым его званию и росту» [Пушкин-VIII: 452]. В тексте данная лексическая заимствованная единица встречается два раза. Оба раза – в денотативном значении, для наименования меха с вином. Название «бурдюк» дополняется описанием, из чего он сделан, как выглядит и даже как пахнет. В сочетании с заимствованным наименованием создает очень живое и яркое представление об объекте номинации.

МАРАН – кувшин, для созревания вина (грузинск.). В Словаре Брокгауза и Ефрона отсутствует.

СЯП: МАРАН (1). Вино держат в маранах, огромных кувшинах, зарытых в землю. Мн. П. в маранах: ПА 458.14.

В тексте заимствование "маран" упоминается один раз. Слово используется в косвенном падеже, включено в словоизменительную парадигму, но его значение нуждается в толковании. В тексте является экзотизмом и сопровождается авторским комментарием. Функция – дескриптивная.

ТАНГА – или тенга слово татарское, означает "серебряную монету". Так называется и теперь в Средней Азии монета, равняющаяся по ценности 20 коп. [Брокгауз, 1993].

«Тамга – клеймо, тавро – родовой знак собственности у кочевых народов. Этим знаком отмечались лошади и верблюды, принадлежавшие известному роду. Позже тамга сделалась знаком и частных лиц и соответствовала уже гербу

или печати. Золотоордынские ханы выдавали ярлыки за алою или синею тамгою. Тамга помещалась и на монетах: у джучидов видим стремя, у гиреев – трезубец, Тамерлан изображал три круга в виде розетки и т. д.» [Брокгауз].

СЯП: ТАМГА (1). *Тамга, клеймо, знак*. Два, три надгробных памятника стояло на краю дороги. Там, по обычаю черкесов, похоронены их наездники. Татарская надпись, изображение шашки, *танга*, иссеченные на камне, оставлены хищным внукам в память хищного предка. *Ед.И.* танга: ПА 449.3.

Это слово, придя в русский из кыпчакских языков (видимо, куман – половцев), дало в прошлом русские слова: *деньга, деньги, денежка* и производные от них. Однако в тексте Пушкина слово, хотя бы однажды, встречается в ориентальном значении (тамга) для описания традиции черкесов, когда они хоронят своих, а также как выглядят их могилы.

ЧИХИРЬ – горское вино, красное, крепкое, привозимое к нам и б.ч. идущее в переделку. Значения: 1. Вообще: виноградное сусло, еще не перебродившее. 2. Конская болезнь, кровавая моча. Чихирь в чихирнике, бранное – беспутный пьяница, шатун и дармоед. Чихирный вкус или запах, свойственный этому вину, как полагают, от бурдюка, козьего меха, в котором его держат [Даль, 1866].

«Чихирь – вино, выделяемое примитивным способом в Терской области, крепостью в 6-8°, легко портящееся и идущее преимущественно на домашнее потребление» [Брокгауз].

СЯП: ЧИХИРЬ (3). Чихирь, красное грузинское вино. чихи'рь: ПА 452.22.

«В дверях лежал пузастый бурдюк (волобий мех), растопыря свои четыре ноги. Великан тянул из него чихирь и сделал мне несколько вопросов, на которые отвечал я с почтением» [Пушкин-VIII: 452]. В тексте встречается один раз в вышеуказанном примере. Выглядит как экзотизм (значение понятно из контекста) и намеренно не комментируется автором. Придает сцене оттенок необычности и местной экзотики. Возможно, принятое у уголовного мира слово

чефирь (сверхкрепкий чай) и соответствующий глагол *чефирить*, было навеяно кавказским *чихирем*.

ЧЮРЕК – *чурек* (от турецкого – "хлеб"). Общее название местного пшеничного хлеба на Северном Кавказе, в основном в Кабардино-Балкарии и Черкесии. Чурек имеет вид лепешек. Приготавливается из пресного теста, как правило, в золе, из пшеничной, ячменной и кукурузной муки [Похлебкин, 2002]. В Словаре Брокгауза и Ефрона отсутствует.

СЯП: ЧЮРЕК. На Кавказе – пресный хлеб в виде большой плоской лепёшки. Ед. В. чурек: ПА 463.32.

«На половине дороги, в армянской деревне, выстроенной в горах на берегу речки, вместо обеда съел я проклятый чурек, армянский хлеб, испеченный в виде лепешки пополам с золою, о котором так тужили турецкие пленники в Дариальском ущелии» [Пушкин-VIII: 463].

В тексте лексема «чурек» отмечена только в одном, цитируемом предложении. Автор подробно объясняет значение этого слова. Авторские коннотации – отрицательные. В современном языке слово с данным лексическим значением также существует и чаще используется в варианте «чурек». Как в очерках, так и в современном языке единицы «чурек» и «чурек» являются экзотизмами.

РАЗНОЕ

АМАНАТ – арабское слово, значит: 'заложник' [Зенович, 2006].

«Аманат – слово, заимствованное в древней России с Востока, означавшее заложника. У древних народов и в Средние века держался обычай брать заложника для обеспечения точного выполнения договора. Аманатов брали во время войн по преимуществу, для обеспечения выполнения заключенных

условий. В новейшее время при борьбе между государствами берут для обеспечения выполнения условий не заложников, но какую-либо землю или область в виде залога» [Брокгауз].

СЯП: АМАНАТ (4). Заложник. *В крепости видел я черкесских аманатов* ПА 450.19. Мн. И. аманаты: ПА 450.23; аманатов: ПА 450.19.

«В крепости видел я черкесских аманатов, резвых и красивых мальчиков. Они поминутно проказят, и бегают из крепости. Их держат в жалком положении. Они ходят в лохмотьях, полунагие, и в отвратительной нечистоте. На иных видел я деревянные колодки. Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалеют о своем пребывании во Владикавказе» [Пушкин-VIII: 450]. Аманаты появляются в той части повести, где описываются быт и нравы кавказских народов. Слово не сопровождается толкованием автора, однако в тексте подробно описываются условия содержания заложников, уточняется, что они еще мальчики, и их положение вызывает сочувствие у читателя. Примечательно, что исконное значение слова «аманат» отличается от словарного. В арабском языке «аманат» – это ценности, оставленные на хранение надежному человеку [Альфйруз Абади, 1849]. В русском языке не нашлось места слову с таким значением по причине отсутствия соответствующей реалии, поэтому в русском языке использовалось значение, заимствованное у тюркских народов Кавказа, исповедовавших ислам.

КУРГАН – 1. персидское слово *kourkhanе*, которое значит: надгробный памятник. Могильный старинный холм в виде шара, 2. *КУРГАН*, кургана, муж. (Турец, *kurgan* – крепость). Бугор над древней могилой, могильник. Раскопка скифских курганов [Ушаков, 1940]. В Словаре Брокгауза и Ефрона это слово с нарицательным значением отсутствует.

СЯП: КУРГАН (21). Высокая насыпь над древней могилой; холм, пригорок. ПА 448.40; Т. курганами: ПА 448.24.

«Первое замечательное место есть крепость Минарет. Приближаясь к ней, наш караван ехал по прелестной долине между курганами, обросшими липой и чинаром» [Пушкин-VIII, 448]. *«Мы встретили еще курганы, еще развалины. Два-три надгробных памятника стояло на краю дороги. Там, по обычаю черкесов, похоронены их наездники»* [Пушкин-VIII, 449]. В тексте слово встречается дважды, оба раза для описания местности, по нашему мнению, читатель не ощущает восточного происхождения слова, поэтому автор комментирует по обычаю черкесов, который связывается с словом курган "могила".

ЛЕЗГИНКА – название танца от слова *лезгин*, которое означает общее название группы дагестанских народов на Кавказе [Ковалев, 2003].

СЯП: ЛЕЗГИНКА (1). По праздникам мужчины пьют и гуляют по улицам. Черноглазые мальчики поют, прыгают и кувыркаются; женщины пляшут *лезгинку*. Ед.В. лезгинку: ПА 457.38.

Данное заимствованное слово используется в номинативном значении для бытописания и передачи местного колорита.

ПАШАЛЫК – (paşalık) турецкое слово, которое значило в бывшей султанской Турции – провинция, область.

СЯП (3). Область в Турции, управлявшаяся пашой. ПА 462.27, 479.24. *«Мне предстоял переход через невысокие горы, естественную границу Карского пашалыка»* [Пушкин: 462]. В тексте топоним употребляется дважды. Интересен второй пример употребления: *«Дворец Сераскира представлял кврпину вечно оживленную: там, где угрюмый паша молчаливо курил посреди своих жен и бесчестных отроков, там его победитель получал донесения о победах своих генералов, раздавал пашалыки, разговаривал о новых романах»* [Пушкин-VIII: 479], из него можно сделать вывод, что вышеозначенные

территориальные единицы во времена Пушкина продолжали переходить из владения одного паши в руки другого.

ХОСС – явление гермафродитизма на Кавказе.

СЯП: *ХОСС* (1). *Quaerebamus, sit ne exsectus? – Deus, respondit, castravit me.* Сия болезнь, известная Ипократу, по свидетельству путешественников, встречается часто у кочующих татар и у турков. *Хосс* есть турецкое название сим мнимым гермафродитам. *Ед.И. хосс: ПА 472.24.*

«Я увидел высокого довольно толстого мужика, с лицом старой курносой чухонки. Мы осмотрели его в присутствии лекаря. <...> Сия болезнь, известная Ипократу, по свидетельству путешественников, встречается часто у кочующих татар и у турков. Хосс есть турецкое название сим мнимым гермафродитам» [Пушкин-VIII: 472]. Это крайне редкое слово. Во всем творчестве А.С. Пушкина оно встречается лишь единожды и именно в «Путешествии в Арзрум».

ЧИНАР; м.; чинара, ж. – тюркское слово из персидского, которое означает дерево рода платан; восточный платан: [Павленков. 1910]

СЯП: *ЧИНАР* (1). Чинара. Наш караван ехал по прелестной долине, между курганами, обросшими липой и *чинаром*. *Ед. Т. чинаром: ПА 448.25.*

«Приближаясь к ней, наш караван ехал по прелестной долине между курганами, обросшими липой и чинаром» [Пушкин-VIII: 448]. Используется автором в описании природы и благоустройства кладбища, выполняет эстетическую функцию. В тексте употребляется в мужском роде, очевидно потому, что в то время слову была присуща вариативность, прежде чем оно закрепилось в языке в женском роде.

ШАКАЛ – происходит от нового персидского ša□āl, из санскр. s□gālāh «воющий». Русск. *шакал* заимств. через нем. Schakal — то же или франц. chacal [Фасмер, 2004].

СЯП: ШАКАЛ (2). выли *шакалы*, звери в той стороне обыкновенные. ПА 455.9. блохи, которые гораздо опаснее *шакалов*, напали на меня и во всю ночь не дали мне покою. ПА 455.27. Мн.И. шакалы: ПА 455.9; Р. шакалов: ПА 455.27.

*«Но ошибался: лаяли собаки грузинских пастухов, а выли **шакалы**, звери в той стороне обыкновенные <...> Я бросился на диван, надеясь после моего подвига заснуть богатырским сном: не тут-то было! блохи, которые гораздо опаснее **шакалов**, напали на меня и во всю ночь не дали мне покою»* [Пушкин-VIII: 455]. В тексте данная лексическая единица встречается дважды в прямом, денотативном значении. Она сопровождается авторским пояснением: "звери в той стороне обыкновенные". Этот комментарий относится к обозначаемому, а не к самой лексеме. Можно предположить, что читатель того времени легко мог понять данное слово, и оно было уже давно закреплено в языке.

ГЛАВА III. ОНОМАСТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЛИЗМЫ

«Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина – это произведение особого жанра. Конечно, и до Пушкина жанр путевых очерков существовал – это сообщения русских паломников в Палестину, «Хождение за три моря» А. Никитина, «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина и ряд других произведений. Но только Пушкин создал цикл очерков, отличающихся скрупулезным документализмом, точными этнографическими сведениями и высокохудожественным осмыслением ситуаций.

Полностью общее количество имен собственных (онимов) в творческом наследии А.С. Пушкина еще никто не сосчитал, «Поскольку в «Словаре языка А.С.Пушкина» и дополнении к нему даны лишь собственные имена античной, библейской, христианской мифологии и условно-поэтические имена, используемые А.С.Пушкиным, а имена реальных лиц, героев произведений и географические названия включены в словарь только в том случае, если у поэта они употреблены в нарицательном или переносном значениях» [Матыцына 1999: 19]. Тем не менее, по подсчетам Л.Н. Матыцыной: «Ономастикон А.С.Пушкина включает 404 антропонима, что составляет 28,46% от числа всех онимов» [Матыцына 1999: 23].

Ономастические единицы, используемые А. С. Пушкиным в очерках «Путешествие в Арзрум», – это, прежде всего, имена собственные и фамилии, образованные от слов восточного происхождения, а также топонимы, отражающие конкретную национальную специфику территорий, через которые проезжал А. С. Пушкин. В мусульманских странах большинство имен имеют религиозное происхождение. Важную роль имена собственные играют в создании художественных образов произведения, где они могут указывать на время, место действия, а также возраст, социальный статус, национальность

описываемых персонажей. Фамилии, многие из которых содержат в своих основах нарицательные компоненты, способны параллельно с функцией именованья выполнять и функцию характеристики персонажа. При передаче на другой язык имена собственные принято в настоящее время транскрибировать, иногда с элементами транслитерации. Пушкин специально использует много таких имен для придания своему очерку эффекта документальности и автобиографизма.

По подсчетам Л.Н. Матыцыной: «Ономастикон А.С.Пушкина содержит 54 топонима, что составляет 3,74% всех онимов» [Матыцына 1999: 25]. Понятно, что это лишь малая толика топонимов, отраженная в Словаре языка А.С. Пушкина, поскольку лишь в «Евгении Онегине» насчитывается около ста топонимов различного характера.

Особое внимание Пушкин уделил этнонимам, словам, обозначающим людей по национальности или государственной принадлежности. Кстати, авторы «Словаря языка Пушкина» не сочли этот разряд ономастической лексики собственно ономастикой и, поэтому милостиво «пропустили» этнонимию Пушкина в его словарь (в отличие от обычных антропонимов и топонимов). Важно отметить, что писатель сохранил в своем произведении те формы этнонимов, которые были употребительны в его время или характерны для посещаемого им региона (Ковалев 2014: 95-119).

А.С. Пушкин старался достоверно передать обстановку и взаимоотношения между людьми с разными характерами, зачастую принадлежащими к разным языковым и религиозным этническим общностям. Употребленные им заимствованные единицы, включаясь в русскую систему словоизменения, как правило, приобретают окончания при склонении.

АНТРОПОНИМЫ

АГА-МОХАМЕД – турецко-арабское имя значит: достохвальный. 1. Титул военачальников и начальников некоторых групп придворных слуг (в султанской Турции). 2. Употребляется как форма вежливого обращения – иногда в сочетании с именем – к старшему или уважаемому человеку (в Закавказье, Средней Азии, а также в Турции). «Господин» [Ефремова, 2006]: «Грузия прибегнула под покровительство России в 1783 году, что не помешало славному *Аге-Мохамеду* взять и разорить Тифлис и 20000 жителей увести в плен (1795 г.)» [Пушкин-VIII: 457]. В тексте использование «говорящего» имени, то есть онима, обладающего семантикой, помогает выразить авторское отношение к этому персонажу. Добавив эпитет «славный» и, вероятно, учитывая арабское значение «достохвальный», автор с легкой иронией повествует о деяниях воинственного Ага-Мухамеда.

АМИН-ОГЛУ – арабско-турецкое имя, состоящее из элементов: *Амин* – арабское имя, которое значит: верный, честный, хранитель, это одно из имён мусульманского пророка [Ибн Мирзакарим аль-Карнаки, 2010], *Оглу* – турецк. сын, потомок, наследник.

«*Вот начало сатирической поэмы, сочиненной янычаром Амином-Оглу*» [Пушкин-VIII: 478]. Автор упоминает Амина-Оглу один раз. Реализуется основная функция онима – выделения и классификации.

АЛЛАХ – Единый – самое великое имя Бога, указывающее на его божественную сущность, инаковую множественным вещам сотворённого мира. Коран начинается со слов: «Бисмилляхи Ррах[□]мани, Ррах[□]им» (здесь буква Х с палочкой читается мягче, чем просто Х в русском языке), что обычно переводят «Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного». Исламские теологи

подчёркивают, что важно правильно произносить это имя. Этим именем не называют больше никого. Последняя буква в слове «Аллах» произносится в соответствии с фонетикой арабского языка: арабский [ха] близок по произношению английскому, таджикскому или башкирскому «h» [Али-заде, Ансар, 2007].

«На мои вопросы отвечал он, что молва будто бы язиды поклоняются сатане, есть пустая баснь; что они веруют в единого бога; что по их закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличным и неблагородным, ибо он теперь несчастлив, но современем может быть прощен, ибо нельзя положить пределов милосердию Аллаха» [Пушкин-VIII: 468].

Слово «Аллах» в тексте встречается один раз, в контексте религиозных бесед. Пишется оно там не с заглавной буквы, как в Коране, однако, Пушкин проявляет уважение к вере в аллаха, предпочитая ее (согласно тексту) вере в многобожие.

БЕЙ-БУЛАТ – бей (турецкое слово от тюркского, которое значит господин, правитель), (бег, бей). Значит: властитель, господин; синоним арабский эмир); 1) титул знати в странах Ближнего и Среднего Востока. У тюркских народов Средней Азии и Закавказья в средние века и новое время титул землевладельца. 2) В Турции со второй половины XIX в. до 1934 г. была формой обращения. 3) В Тунисе в 1705-1957 наследственный правитель, *булат* – персидское слово значит сталь по персидски (фулад), булатная сталь, холодное оружие исключительной стойкости и остроты, изготовленной из такой стали, в русский язык слово заимствовано из тюркских языков скорее всего из татарских [Шипова, 1976].

«Бей-булат мужчина лет тридцати пяти, малорослый и широкоплечий. Он по-русски не говорит или притворяется, что не говорит. Приезд его в Арзрум меня очень обрадовал: он был уже мне порукой в безопасном переезде

через горы и Кабарду. Вот впечатления настоящие восточные! Славный Бейбулат, гроза Кавказа» [Пушкин-VIII: 479]. «*Вот впечатления настоящие восточные! Славный **Бейбулат**, гроза Кавказа»* [Пушкин-VIII: 479]. Имя *Бейбулат* упоминается в повести дважды, оно состоит из двух заимствованных компонентов, и по описанию понятно, что в целом характер этого человека соответствует значению его имени. По тексту не ясно, является ли случаем, когда собственное имя имеет что-то вроде лексического значения или это простое сочетание лексем.

БЕКОВИЧ – черкесская фамилия заимствована от тюркского титула “бек” [Хозиева, 2000]. Такую фамилию носил генерал Федор Александрович *Бекович-Черкасский* (1790-1830). Он из второго поколения рода Бековичей: «*Бекович – Девлет-Кизден-Мурза (во св. крещении – князь Александр Бекович-Черкасский) – родоначальник рода Бековичей-Черкасских, капитан гвардии Преображенского полка, известен по своей несчастной экспедиции в Хиву»* [Брокгауз].

«*Накануне нашего перехода они напали таким образом на генерала **Бековича**, проскакавшего сквозь их выстрелы»* [Пушкин-VIII: 451] «*24 июня утром пошли мы к Гассан-Кале, древней крепости, накануне занятой князем **Бековичем**»* [Пушкин-VIII: 473]. *Бекович* упоминается в повести четыре раза. Толкование имени («господин») полностью соответствует его знатному происхождению. Здесь видим пример, где антропоним дает информацию о том, кому принадлежит: происхождение, местность, где зарождался его род.

БУРЦОВ – фамилия русского генерала Ивана Григорьевича Бурцова (1795-1829) – из тюркского *бурец* со значением 1) – человек с темно-русыми волосами, 2) – гнедой, чалый, 3) – серый, невзрачный человек, сермяжник [Даль, 2004]: «*19 июля, пришел проститься с графом Паскевичем, я нашел его в*

сильном огорчении. Получено было печальное известие, что генерал Бурцов был убит под Байбуртом. Жаль было храброго Бурцова, но это происшествие могло быть гибельно и для всего нашего малочисленного войска» [Пушкин-VIII: 481]. «Я встретил генерала Бурцова, который звал меня на левый фланг» [Пушкин-VIII: 469]. Бурцов упоминается в тексте семь раз, описывается храбрым воином, имеющим в подчинении солдат. Очевидно, этимологическое значение его имени никак не повлияло на характер персонажа. Как и в реальной жизни, антропоним и человек, им обозначаемый, связаны просто отношениями референции.

ГАДЖИ-БАБА – арабско-персидское имя, состоящее из элементов: Хаджи от арабского слова hadschī от hadschdscha) – мусульманин, совершивший религиозное путешествие, которое называется Хадж – "паломничество" в Мекку и Медину [Ибн Мирзакарим аль-Карнаки, 2010], Баба – персидское «отец, святой отец» [Гафуров 1987: 130].

«Арзрум (неправильно называемый Арзерум, Эрзрум, Эрзрон) основан около 415 году, во время Феодосия Второго, и назван Феодосиополем. Никакого исторического воспоминания не соединяется с его именем. Я знал о нем только то, что здесь, по свидетельству Гаджи-Бабы» [Пушкин-VIII: 477].

Как видно из употребления (в тексте слово встречается только один раз), заимствованное слово имеет варианты с разными начальными согласными. Это свидетельствует о недостаточной адаптации этого слова в языке. В вышеуказанном собственном имени, состоящего из двух компонентов, компонент «гаджи» – несклоняемый.

ГАССАН – собственное дагестанское имя от арабского имени Хасан, которое значит: хороший, добрый, красивый. Это имя внука пророка Мухаммада имама Хасан [Ибн Мирзакарим аль-Карнаки, 2010]: «Гассан (так

назывался безносый татарин) начал с того, что разложил меня на теплом каменном полу; после чего начал он ломать мне члены, вытягивать составы, бить меня сильно кулаком; я не чувствовал ни малейшей боли, но удивительное облегчение» [Пушкин-VIII: 457]. В тексте персонаж с именем *Гассан* употребляется три раза, цель употребления антропонима – выделение одного объекта из класса. Имя персонажа сопровождается описанием его внешности.

МАНСУР – (муж, араб.) обозначает: побеждающий, поддерживаемый (Богом), несущий победу, победитель, тот, кто одерживает верх; празднующий победу [Ибн Мирзакарим аль-Карнаки, 2010]: «Они были увлечены деятельным фанатизмом апостолов Корана, между коими отличался Мансур, человек необыкновенный» [Пушкин-VIII: 447]. Человек с именем Мансур упоминается в повести один раз. Собственное имя имеет здесь функцию референции.

НАВИН – прозвание преемника Моисея, Иисуса Навина; происходит от его отца, Навина, или Нуна, предводитель еврейского народа в период завоевания Ханаана, преемник Моисея. Его деятельность подробно изложена в «Книге Иисуса Навина» [Брокгауз, 1993].

*«Несколько раз принимался он говорить о Паскевиче и всегда язвительно; говоря о легкости его побед, он сравнивал его с **Навином**,...»* Собственное имя, принадлежащее некогда библейскому герою, здесь употребляется в символическом значении, в качестве гиперболизации в рассказе о военных успехах Паскевича. Символический смысл и коннотации, заложенные в ониме, позволяют создать иронический тон повествования.

ОСМАН-ПАША – имя нескольких правителей османской империи (усман, и имя осман ибн (сын) аффан одного из помощников пророка Мухаммеда [Ибн Мирзакарим аль-Карнаки, 2010]. *Паша* – *раша* турецкое слово, которое значит

титул высших военных и гражданских чиновников в бывшей султанской Турции, в Египте и некоторых других мусульманских странах; лицо, носящее этот титул [Епишкин, 2010].

*«Мы пришли к дому **Османа-паши**; нас ввели в открытую комнату, убранную очень порядочно, даже со вкусом, – на цветных окнах начертаны были надписи, взятые из Корана. Одна из них показалась мне очень замысловата для мусульманского гарема: тебе подобает связывать и развязывать. Нам поднесли кофию в чашечках, оправленных в серебре. Старик с белой почтенной бородою, отец **Османа-паши**, пришел от имени жен благодарить графа Паскевича, – но г. А. сказал наотрез, что он послан к женам **Османа-паши** и хочет их видеть, дабы от них самих удостовериться, что они в отсутствие супруга всем довольны»* [Пушкин-VIII: 480]. Имя *Османа-паши* упоминается в тексте произведения 7 раз, везде в виде двухкомпонентного слова. Так же, как и «паша», первый компонент «Осман» склоняется и изменяется в контексте по правилам русского языка. Иноязычное собственное имя демонстрирует признаки хорошей освоенности русским языком: *«Пускай нападет он, – говорил Ермолов, – на **пашу** не умного, не искусного, но только упрямого, например на **пашу**, начальствовавшего в Шумле, – и Паскевич пропал!»* [Пушкин-VIII: 445]. *«Пробыв в городе часа с два, я возвратился в лагерь: сераскир и четверо **нашей**, взятые в плен, находились уже тут»* [Пушкин-VIII: 475]. В тексте это самый частотный тюркизм, встречается 7 раз. Среди примеров употребления есть собственные имена – антропонимы, обозначающие разных людей: Осман-паша, Гаки-паша, Топчи-паша. С помощью такого словосложения автор не только называет человека, но и указывает на его знатное происхождение. Примеры отдельного употребления слова «паша» также многочисленны, слово меняется по падежам, в тексте повести, наряду другой заимствованной единицей «бек» обозначает восточную знать.

ТОПЧИ-ПАША – турецкий артиллерийский офицер. Топчи (турецк. множ. ч. *topschilar*, от *top* – ядро, пушка). Чин турецкого артиллерийского офицера, канонер [Абаев, 1958].

«Он объявил, что сераскир и народ давно согласны на сдачу, но что несколько непослушных арнаутов под предводительством **Топчи-паши** овладели городскими батареями и бунтуют» [Пушкин-VIII: 475]. Автор использует словосложение из двух заимствованных компонентов, чтобы создать краткий и емкий термин для обозначения турецкого артиллерийского офицера. В тексте он его оставляет без комментариев, рассчитывая на читателей – знатоков военного дела. Остальные могут оценить местный колорит данного слова, придающий неповторимую атмосферу восточной войны.

ФАЗИЛ-ХАН – *Фазил* – арабское имя, значит достойный, превосходный [Ибн Мирзакарим аль-Карнаки, 2010]. *Хан* – тюркское «правитель». Это конкретный человек: «Фазиль-хан Шейда (1783/1784-1852) – персидский поэт при дворе наследника персидского престола Аббаса-Мирзы, учитель его детей» [Путеводитель по Пушкину: 509]. Практически он был на таком же месте, как и русские поэты Н.М. Карамзин и В.А. Жуковский при дворе царя.

«конвойный офицер объявил нам, что он провожает придворного персидского поэта и, по моему желанию, представил меня **Фазил-Хану**» [Пушкин-VIII: 454] *Фазил-Хан* упоминается два раза. В антропониме, состоящем из двух заимствованных словообразовательных компонентов, склоняется только последняя часть (в отличие от, например, *Османа-паши*). Это говорит о частичной ассимилированности данного онима.

ХОЗРЕВ-МИРЗА – *Хосрев-Мирза*, *Хосров-мирза* – персидский принц, 7-й сын наследника престола Аббас-Мирзы; *мирза* – персидское слово, которое

состоит из двух частей (*эмир* – князь и *заде* – сын). Если оно стоит перед именем собственным, то соответствует значению ‘господин’, если же стоит после имени собственного, то означает ‘член царствующей династии принца крови’ [Розенфельд 1980: 227]. «...*В полуверсте от Ананури, на повороте дороги, встретил Хозрев-Мирзу*» [Пушкин-VIII: 445]. «*Первый взгляд на Грузию. Водопроводы Хозрев-Мирза. Душетский городничий*» [Пушкин-VIII: 445]. А.С. Пушкин четко демонстрирует важность и значимость человека в обществе, называя его с титулом, который отличает его от других: *Фазил-Хан* и *Хозрев-Мирза*. *Мирза* – имя, которое состоит из двух частей: фарси *эмир* – князь и тюрк. *задан* или *заде* – сын, наследник [Кулмамаатов 2014, с.118-121]. Если это слово стоит перед собственным именем, то соответствует слову «господин», если же стоит после собственного имени, то означает – член царствующей династии принца крови [Ибн Мирзакарим аль-Карнаки, 2010]. В повести *Хозрев-Мирза* упоминается два раза, употребляется в функции референции.. Согласно правилам персидского словоупотребления, *Мирза*, стоящее после имени *Хозрев* указывает на знатное происхождение героя – в тексте он впоследствии называется «принц». Антропоним *Хозрев-Мирза*, имеющий в составе два заимствованных компонента, подчиняется правилам словоизменения русского языка.

ЦИЦИАНОВ – князь Дмитрий Павлович; происходил из древнего рода князей Цицишвили, бывших владетелями Карталинии, *Цицишвилі* (груз. ციციშვილი, рус. *Цициановы*), грузинский княжеский род из Картли (одна из основных историко-географических областей Грузии, колыбель её государственности). По женской линии находится в родстве с грузинскими царями. Первоначально род именовался Панаскертели [Жукова, 1982]: «Санковский, издатель «Тифлисских ведомостей», рассказывал мне много любопытного о здешнем крае, о князе *Цицианове*» [Пушкин-VIII: 457]. Князь

Цицианов упоминается в повести один раз, в составе примет тамошнего края. Служит автору для создания местного колорита, передачи особенностей местности и ее истории через ландшафт, климат, а также персоналии.

ТОПОНИМИЯ

АЗИЯ – от ассирийского слова асу – "восход, восток" (встречается в надписях II тысячелетия до н.э.). Ассирийцы назвали словом Асу восточное побережье Эгейского моря. Древние греки, усвоив это название от ассирийцев, сначала обозначали им только прибрежные области Малой Азии. У римлян название Асу относилось к малоазиатскому государству Пергам (в I веке до н.э. Асу – римская провинция). С расширением географических знаний значение названия тоже расширилось и охватило часть света. (Аналогично Европой – Эрей сначала древние греки обозначали лишь часть Балканского полуострова VI век до н.э.; в III веке название "Европа" означало только небольшую римскую провинцию близ Дарданелл. Современное же содержание названия Европа очень позднее, а восточную и кавказскую границы и сегодня обозначают различно) [Поспелов, 2001].

«Переход от Европы к *Азии* делается час от часу чувствительнее леса исчезают, холмы сглаживаются <...> гордо смотрят на путешественников» [Пушкин-VIII: 466]. Топоним Азия употребляется один раз, когда Пушкин указывает на границу между двумя континентами и, так как на самом деле граница эта весьма условная, подкрепляет свои слова описанием меняющегося ландшафта. Так он готовит читателя к характеристике жизни людей на этой территории.

АНАНУР – заштатный город Тифлисской губернии при реке Арагве [Брокгауз, 2006].

«Я пошел пешком, не дождавшись лошадей; и в полверсте от *Ананура*, на повороте дороги, встретил Хозрев-Мирзу <...> Я дошел до *Ананура*, не чувствуя усталости» [Пушкин-VIII: 454]. Топоним «Ананур» употребляется в тексте два раза. Обозначает этапы путешествия автора.

АРАГВА – груз. Арагви – река в Грузии, образуется в районе населенного пункта Пассанаури из слияния рек Белая и Черная *Арагви*. Гидроним переводится с грузинского, как «быстрая», «незапаздывающая» [Твёрдый, 2008].

«С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина с ее обитаемыми скалами, с ее садами, с ее светлой *Арагвой*, извивающейся, как серебряная лента <...> Здесь начинается Грузия. Светлые долины, орошаемые веселой *Арагвою*, сменили мрачные ущелия и грозный Терек. Вместо голых утесов я видел около себя зеленые горы и плодоносные деревья» [Пушкин-VIII: 454]. Гидроним *Арагва* повторяется в тексте три раза: Оним выполняет функцию референции, выстраивает маршрут путешествия, что необходимо читателю для полного проникновения в суть текста.

АРАКС – река, приток Куры; Протекает в странах: Турция, Армения, Азербайджан, на значительном протяжении по границе с Ираном. Впервые упоминается др.-греч, географом Гекатеем Милетским, VI в. до н. э., как Араке. В более поздних источниках Араке, Арос, Арас и Араз. Современные формы: турецк. Арас, арм. Араке, иран. Эрес, азерб. Араз; русск. традиц. Аракс из др.-греч. Этимология спорна. Обращают внимание на тюрк. Араз 'приток, проточная вода' [Поспелов, 2001]: «Мы увидели *Аракс*, быстро текущий в каменистых берегах своих. В 15 верстах от Гассан-Кале находится мост, прекрасно и смело выстроенный на семи неравных сводах» [Пушкин-VIII: 472]. Река *Аракс* упоминается в повести однажды. Видим, что из всего многообразия существующих названий (что неудивительно, когда река протекает через три страны и граничит с четвертой) автор выбирает написание *Аракс*. Выбор такого варианта говорит о том, данный гидроним заимствовался из древнегреческого.

АРАРАТ – священная гора всех представителей армянского народа, находящаяся в настоящее время на территории Турции. Название обычно связывают с именем древнего государства и народа *Урарту*.

«На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. «Что за гора?» – спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: «Это Арарат». Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни – и врана и голубицу, излетающих, символы казни и примирения» [Пушкин-VIII: 463], «Между ими с любопытством смотрел я на язидов, слывущих на Востоке дьяволопоклонниками. Около 300 семейств обитают у подошвы Арарата. Они признали владычество русского государя» [Пушкин-VIII: 468].

Топоним *Арарат* употребляется три раза, когда Автор указывает на границу между двумя странами и, так как на самом деле граница эта весьма условная, подкрепляет свои слова описанием меняющегося ландшафта. В последний пример он готовит читателя к характеристике жизни людей на этой территории.

АРЗРУМ – арабский топоним, происходил от двух слов *арз* – «земля» и *рум* – «Рим, Византия», т.е. земля Византии. От этого названия старая русск. форма Арзрум город на востоке Турции, адм. центр иля Эрзурум. В древности принадлежал Армении и назывался *Карин* от арм. кар 'камень'. Некоторое время находился под властью Византии и назывался *Феодосиополис* – 'город Феодосия' по имени императора Феодосия II (ок. 401-450) [Поспелов, 2001]. Пушкин уделил особое место описанию этого города: *«Арзрум (неправильно называемый Арзерум, Эрзрум, Эрзрон) основан около 415 году, во время Феодосия Второго, и назван Феодосиополем. Никакого исторического воспоминания не соединяется с его именем. Я знал о нем только то, что здесь, по свидетельству Гаджи-Бабы, поднесены были персидскому послу, в*

удовлетворение какой-то обиды, телячьи уши вместо человеческих. Арзрум почитается главным городом в Азиатской Турции. В нем считалось до 100 000 жителей, но, кажется, число сие слишком увеличено. Дома в нем каменные, кровли покрыты дерном, что дает городу чрезвычайно странный вид, если смотришь на него с высоты. Главная сухопутная торговля между Европою и Востоком производится через Арзрум. Но товаров в нем продается мало; их здесь не выкладывают, что заметил и Турнфор, пишущий, что в Арзруме больной может умереть за невозможностию достать ложку ревеня, между тем как целые мешки оного находятся в городе. Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: азиатская роскошь. Эта поговорка, вероятно, родилась во время крестовых походов, когда бедные рыцари, оставя голые стены и дубовые стулья своих замков, увидели в первый раз красные диваны, пестрые ковры и кинжалы с цветными камушками на рукояти. Ныне можно сказать: азиатская бедность, азиатское свинство и проч., но роскошь есть, конечно, принадлежность Европы. В Арзруме ни за какие деньги нельзя купить того, что вы найдете в мелочной лавке первого уездного городка Псковской губернии. Климат арзрумский суров. Город выстроен в лощине, возвышающейся над морем на 7000 футов. Горы, окружающие его, покрыты снегом большую часть года. Земля безлесна, но плодоносна. Она орошена множеством источников и отовсюду пересечена водопроводами. Арзрум славится своею водою. Евфрат течет в трех верстах от города. Но фонтанов везде множество. У каждого висит жестяной ковшик на цепи, и добрые мусульмане пьют и не нахвалятся. Лес доставляется из Саган-лу. В Арзрумском арсенале нашли множество старинного оружия, шлемов, лат, сабель, ржавеющих, вероятно, еще со времен Годфреда. Мечети низки и темны. За городом находится кладбище. Памятники состоят обыкновенно в столбах, убранных каменною чалмою. Гробницы двух или трех пашей отличаются большей затейливостию, но в них нет ничего изящного: никакого вкуса, никакой мысли...

Один путешественник пишет, что изо всех азиатских городов в одном Арзруме нашел он башенные часы, и те были испорчены. Нововведения, затеваемые султаном, не проникли еще в Арзрум. Войско носит еще свой живописный восточный наряд. Между Арзрумом и Константинополем существует соперничество, как между Казанью и Москвою. Вот начало сатирической поэмы, сочиненной янычаром Амином-Оглу» [Пушкин-VIII: 477] Это название, вошедшее также в заглавие очерков, повторяется 7 раз. А.С. Пушкин старательно приводит множество версий истории происхождения и орфографии данного топонима, являющегося финальным в путешествии поэта.

АРПАЧАЙ – река. Берет начало из гор Карахач, протекает на юг мимо г. Александрополя; принимает Карсчай и другие речки и, протекши таким образом верст полтора, впадает близ с. Хейрбеклю в Аракс [Брокгауз, 1993]. *«Перед нами блистала речка, через которую должны мы были переправиться. «Вот и Арпачай», – сказал мне казак. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли» [Пушкин-VIII: 463].* В тексте *Арпачай* упоминается единожды – в цитируемом предложении. Для тех, кто не силен в географии, автор заботливо поясняет: «наша граница». Для него звучание этого слова, в отличие от большинства читателей, наполнено особым смыслом, о чем и сообщается в последующих предложениях.

АХАЛЦИК – уездный город на юге Грузии *Ахалцихского* уезда Тифлисской губернии (по-грузински *Ахалцихе*, новая крепость, у турок Ахиска) на р. Посхов-чай (левый приток Куры) [Семенов, 1865].

«Здесь я встретил армянского попа, ехавшего в Ахалцык из Эривани. «Что нового в Эривани?» – спросил я его. «В Эривани чума, – отвечал он, – а что слышать об Ахалцыке?» – «В Ахалцыке чума», – отвечал я ему» [Пушкин-

VIII: 462]. В повести топоним *Ахалцых* упоминается три раза. Все три раза – в приведенной цитате. Здесь название, наряду с другим топонимом участвует в передаче авторской иронии «куда бы ни поехал – везде чума». Ирония усиливается следующим предложением: «Обменявшись сими приятными известиями, мы расстались». В современном языке находим этот топоним уже в другом, грузинском написании: «*Ахалцихе*». Можно сделать вывод, что во времена Пушкина этот топоним в русском языке находился в стадии ассимиляции. В тексте выполняет индикативную функцию.

БАЙБУРТ – турецкий город, в ущелье р. Чороха, в узде дорог из Чифтилка, Гююлиш Хане и Трапезунта в Эрзрум [Брокгауз, 2006].

«Получено было печальное известие, что генерал Бурцов был убит под Байбуртом» [VIII, 480]. Топоним упоминается в повести один раз. Упоминание места, где погиб один из героев, добавляет точности и скрупулезности рассказу, что характерно для жанра путевых заметок.

БЕЗОБДАЛ – гора между Грузией и Арменией.

*«Я стал подыматься на **Безобдал**, гору, отделяющую Грузию от древней Армении. Широкая дорога, осененная деревьями, извиается около горы. На вершине **Безобдала** я проехал сквозь малое ущелие, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границе Грузии. Мне представились новые горы, новый горизонт; подо мною расстились злачные зеленые нивы. Я взглянул еще раз на опаленную Грузию и стал спускаться по отлогому склонению горы к свежим равнинам Армении»* [Пушкин-VIII: 460]

Данный топоним упоминается в тексте четыре раза, изменяется по падежам. Собственное имя сопровождается авторским пояснением, так как топоним не обладает широкой известностью. Сама лексема в достаточной степени освоена в русском языке. Функция в тексте – дескриптивная.

БЕШТУ / *Бештау* – тюркское слово *беш*, которое значит пять и слово *тау*, (гора) – изолированная пятиглавая гора вулканического происхождения в Ставропольском крае, находится севернее г.Пятигорска; высота – 1400 м. Ороним переводится, как «пять гор». Первые сведения о названии этой горы приводит арабский путешественник Ибн Батута в 1388 году [Котлякова, 2006].

«Величавый *Бешту* чернее и чернее рисовался в отдалении, окруженный горами, своими вассалами, и наконец исчез во мраке» [Пушкин-VIII: 447]. Употребление в повести – номинативное, помогает обозначить маршрут путешественника, вносит местный колорит в повествование. Отличие пушкинского названия от современного весьма хронотопично. Выпадение звука «а» свидетельствует об ассимиляции данного топонима в русском языке.

ГАССАН-КАЛЕ – старинная крепость в турецкой Армении (верст 35 к востоку от Эрзерума). В 1829 г. граф Паскевич, разбив турок на Саганлугских горах, занял Гассан-кале 24 июня [Котлякова, 2006].

«24 июня утром пошли мы к *Гассан-Кале*, древней крепости, накануне занятой князем Бековичем. Она была в 15 верстах от места нашего ночлега. Длинные переходы утомили меня <...> *Гассан-Кале* почитается ключом Арзрума. Город выстроен у подошвы скалы, увенчанной крепостью. В нем находилось до ста армянских семейств <...>. Под стенами *Гассан-Кале* течет речка Мури; берега ее покрыты железными источниками, которые бьют из-под камней и стекают в реку. Они не столь приятны вкусу, как кавказский нарзан, и отзываются медью» [Пушкин-VIII: 472]. Упомянутая выше ономастическая единица «Гассан» используется как словообразовательный компонент для образования топонима Гассан-кале, который упоминается в тексте шесть раз. Оба компонента в составе сложного слова остаются несклоняемыми. В тексте топоним выполняет функцию референции.

ГЕРГЕРЫ – (тур. Gerger) – город и район в провинции Адьяман (Турция) [Котлякова, 2006].

«я пустился далее и на высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры. Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега <...> В Гергерах встретил я Бутурлина, который, как и я, ехал в армию. Бутурлин путешествовал со всевозможными прихотями» [Пушкин-VIII: 460-462]. Название крепости упоминается в тексте дважды. Как и *Гумры*, имеет грамматические показатели существительного, для которого постоянной является форма множественного числа. Склоняется по падежам. В тексте выполняет индикативную функцию.

ГУМРЫ – город Гюмри в Армении, раньше трактовался так: «Незначительное селение, существовавшее до 1837 г. на месте теперешнего Александрополя, у. г. Эриванской губ. При Г. ген. Тучков в 1804 г. одержал победу над персами, а в 1807 г. – над турками. В 1809 г. под Г. было также сражение с персами; в 1828 г. Паскевич здесь переправился через Арпачай, а в 1829 г., после Адрианопольского мира, здесь поселились армяне, выходцы из Турции [Брокгауз, 1993].

«От Пернике до Гумров считается 27 верст. <...>. Мы стали подыматься на горы, между тем дождь перестал и тучи рассеялись. До Гумров оставалось верст десять. Ветер, дующий на свободе, был так силен, что в четверть часа высушил меня совершенно. Я не думал избежать горячки. Наконец я достигнул Гумров около полуночи» [Пушкин-VIII: 462-463]. Топоним *Гумры* встречается в тексте шесть раз, часто используется как точка отсчета. Данная лексическая единица употребляется в различных падежах и функционирует как существительное, имеющее постоянную форму множественного числа, что не характерно для армянских топонимов, здесь

русский язык создает псевдомодель множественного числа, сравните: *Грязи* – в *Грязях*, но *Сочи* – (вульгарн.) в *Сочах*.

ГУТ-ГОРА – [Гута] аул в Шатоевском районе республики Чечня. Топоним переводится с вайнахского, как «на холме». *ГУТ* – вершина, расположена в низовьях р.Дах (правый приток р.Белой). По-видимому, древнее чеченское название сокращено и изменено и выглядит как *Гуд-Гуд* (Гъуд-Гъуд) – крепость времен нартов (богатырей) [Твёрдый, 2008].

«С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина с ее обитаемыми скалами, с ее садами, с ее светлой Арагвой, извивающейся, как серебряная лента» [Пушкин-VIII: 454]. В тексте *Гут-гора* употребляется единожды. Первая часть заимствованного слова остается несклоняемой, вторая, русская, изменяется по смыслу. Словообразовательная модель – соположение основ.

ДАРИАЛ – название «Дариал» по-персидски означает «ворота аланов», – из персидского Дер-и-Алан. У арабов ущелье называется Баб-ал-Алан «ворота алан». Дарьяльское – ущелье в долине реки Терек. Падение уровня воды в ущелье достигает 50 метров на километр. Грузины называют эту теснину «Арагвис кари» – «арагвские ворота», «Атланта кари» или «Овста кари» – «ворота осетин» [Твёрдый, 2008].

«Мостик весь так и трясется, а Терек шумит, как колеса, движущие жернов. Против Дариала на крутой скале видны развалины крепости. Предание гласит, что в ней скрывалась какая-то царица Дария, давшая имя свое ущелию: сказка. Дариал на древнем персидском языке значит ворота. По свидетельству Плиния, Кавказские врата, ошибочно называемые Каспийскими, находились здесь. Ущелье замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными железом. Под ними, пишет Плиний, течет река Дириодорис. Тут была воздвигнута и крепость для удержания набегов диких племен; и проч.

Смотрите путешествие графа И. Потоцкого, коего ученые изыскания столь же занимательны, как и испанские романы. Из Дариала отправились мы к Казбеку. Мы увидели Троицкие ворота (арка, образованная в скале взрывом пороха)» [Пушкин-VIII: 451]. Данный оним встречается в повести пять раз, из них дважды – в виде производного слова: *Дариальское* (ущелье). В цитируемом примере автор приводит своеобразную этимологическую справку, сообщая читателю с чем связано это название в преданиях народа. Затем высказывает и свое скептическое отношение: «сказка». Из примеров употребления слова видим, во-первых, его включенность в словообразовательную и словоизменительную парадигму принимающего языка. Во-вторых, для автор подчеркивает, что топографические названия образовались на основе легенд и преданий, поэтому каждое из них вносит вклад в понимание местной культуры.

ДУШЕТ – город в Грузии (грузинск. *Душети*), недалеко от одноименной станции Военно-Грузинской дороги, на р. Душетис-хеви, притоке Арагвы.

«Я дошел до Ананура, не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мне сказали, что до города Душета оставалось не более как десять верст, и я опять отправился пешком» [Пушкин-VIII: 454-455]. Топоним *Душет* упоминается в тексте четыре раза. На протяжении текста встречаются примеры словоизменения топонима, а также образования от него производных слов («до города Душета», «Душетский городничий»). Топоним хорошо освоен языком и функционирует как полноценная лексическая единица русского языка.

КАЗБЕК – (Казбеги), одна из высочайших вершин в центр. Части Кавказа, в Боковом хребте. Поднимается над долиной р. Терек и Военно-Грузинской дорогой. *Казбек*, имеет две вершины (главная – восточная, выс. 5033 м), с которых спускаются долинные ледники. Свое название получил в нач. XIX в. от имени знатного местного жителя *Габриела Казбека* (Кази + бек – господин)

[Ибн Мирзакарим аль-Карнаки, 2010]. *КАЗИ* / Кади – имя арабского происхождения, которое значит *судья*; *кази*, употребляется иранскими и тюркскими народами [Котлякова, 2006].

«Из Дариала отправились мы к Казбеку. Мы увидели Троицкие ворота (арка, образованная в скале взрывом пороха) — под ними шла некогда дорога, а ныне протекает Терек, часто меняющий свое русло» [Пушкин-VIII: 453]. *«Деревня Казбек находится у подошвы горы Казбек и принадлежит князю Казбеку. Князь, мужчина лет сорока пяти, ростом выше преображенского флигельмана <...> Я столь же равнодушно ехал мимо Казбека, как некогда плыл мимо Чатырдага»* [Пушкин-VIII: 452]. *В некотором расстоянии от Казбека попались нам навстречу несколько колясок и затруднили узкую дорогу»* [Пушкин-VIII: 482]. Название «Казбек» встречается в тексте 8 раз. Как и в приведенном примере, слово изменяется по падежам. Употребляется как в качестве топонима (для наименования разных объектов – гора и деревня), так и в качестве антропонима: «Деревня Казбек находится у подошвы горы Казбек и принадлежит князю Казбеку» Из текста становится очевидно, что оним обладает высокой частотностью.

А.С. Пушкин раскрывает историю и сущность общественной жизни народа через оним «Казбек», которое включает в себе имя знатного человека и роль, которую играл в жизни этого народа и его титул «бек», где характеризуются отношения к своим руководителям. А.С. Пушкин намекает, на то, что восточные народы могут все назвать по именам их вождей и лидеров и даже их судей и это указывают на социальный статус. Мы знаем арабские страны, названия которых связывается или с именам руководителей, или их титулами, например «Саудовская Аравия» (от имени Сауд), *Хашимитское* Королевство Иордания (от личного имени *Хаши* и названия арабского племени *хаши*), «Арабские Эмираты» (от титула *эмир*).

КАРАБА́Х – карабахский – топоним, который значит "чёрный сад", историческая область Армении в Закавказье, до прихода азербайджанцев в XIII в. называлась *Арцах*. Правда, Пушкин дает только производные от Карабаха:

«Армяне, грузинцы, черкесы, персияне теснились на неправильной площади; между ими молодые русские чиновники разъезжали верхами на карабахских жеребцах» [Пушкин-VIII: 456]. *«17 июня утром услышали вновь мы перестрелку и через два часа увидели карабахский полк возвращающимся с осмью турецкими знаменами»* [Пушкин-VIII: 468]. В тексте данный оним употребляется три раза, обозначая в каждом случае место происхождения вина, коней и воинского подразделения соответственно. Функция в тексте повествования – индикативная.

КАХЕТИНСКОЕ – прил. от слова *Кахетия* (область в восточной Грузии, на Кавказе), которое произошло от названия «кахи» – субэтнической группы грузин в восточной Грузии, а грузинский суффикс *-ет-и* указывает на место обитания этого народа (*Кахетия*), *-ия* – европейское окончание названий стран [Твёрдый, 2008]: *«Грузины пьют не по-нашему и удивительно крепки. Вины их не терпят вывоза и скоро портятся, но на месте они прекрасны. Кахетинское и карабахское стоят некоторых бургонских. Вино держат в маранах, огромных кувшинах, зарытых в землю»* [Пушкин-VIII: 458]. Упоминается в тексте четыре раза, каждый раз для обозначения сорта вина. Функция она аналогична предыдущему (карабахский).

КАРС – город на северо-востоке Турции, на правом берегу реки Карс, административный центр. Около 70 тыс. жителей. Этимология единицы складывается из якобы существовавшей формы Карис-Калаки – 'город ворот' (от груз, кари 'ворота', калаки 'город') [Поспелов, 2001].

*«Я с нетерпением ожидал разрешения моей участи. Наконец получил записку от Раевского. Он писал мне, чтобы я спешил к **Карсу**, потому что через несколько дней войско должно было идти далее» [Пушкин-VIII: 459]. «Мы въехали в **Карс**. Подъезжая к воротам стены, услышал я русский барабан: били зорю. Часовой принял от меня билет и отправился к коменданту. Я стоял под дождем около получаса. Наконец меня пропустили. Я велел проводнику вести меня прямо в бани. Мы поехали по кривым и крутым улицам; лошади скользили по дурной турецкой мостовой. Мы остановились у одного дома, довольно плохой наружности. Это были бани» [Пушкин-VIII: 464].*

КАРС-ЧАЙ – река Карсской области в городе на северо-востоке Турции, правый приток Арпа-чая, впадающего слева, на границе *Карсской* области и Эриванской губ, в Аракс [Брокгауз, 1993].

*«Прошло около двух часов; я въехал на отлогое возвышение и вдруг увидел наш лагерь, расположенный на берегу **Карс-чая**; через несколько минут я был уже в палатке Раевского» [Пушкин-VIII: 465].* Данный топоним обладает большой частотностью в тексте повести. Он употребляется 8 раз в различных падежах. Оним реализуется как давно освоенная заимствованная единица в языке, что неудивительно, учитывая давность заимствования.

КОБИ – селение в Шелковском районе Чечни; находится в 7 км к западу от районного центра. Основано в 1913 году переселившимися из Северной Осетии осетинами, этимология топонима восходит к одному из ранних названий реки Кубани, *Кубани* – абазинское название гидронима *Кубань*.

*«Тут нашли мы путешественника француза, который напугал нас предстоящею дорогой. Он советовал нам бросить экипажи в **Коби** и ехать верхом» [Пушкин-VIII: 451].* В тексте топоним *Коби* упоминается трижды,

функционирует как несклоняемое заимствованное собственное имя. Как и другие топонимы, образует канву путевых заметок.

КУРА – река, впадает в Каспийское море; название связывается с словом кур, которое значит водохранилище на языке древних кавказских албанцев [Горкина, 2006].

*«Тифлис находится на берегах **Куры** в долине, окруженной каменистыми горами»* [Пушкин-VIII: 458]. В тексте *Кура* упоминается пять раз, в двух случаях – в косвенных падежах, выступая как существительное 1 склонения, в остальных примерах образует производное прилагательное в сочетаниях: *курская вода, курский трактир, курская ресторация*. Нельзя не отметить слегка комический эффект употребления восточного топонима в сочетании с галлицизмом «ресторация», налицо стилистическое смешение.

ЛАРС – станция Военно-Грузинской дороги.

*«В семи верстах от **Ларса** находится Дариальский пост. Ущелье носит то же имя. Скалы с обеих сторон стоят параллельными стенами»* [Пушкин-VIII: 451]. Автор упоминает *Ларс* два раза, данная заимствованная единица употребляется в косвенных падежах, в тексте служит для обозначения очередного пункта остановки путников, формируя логику повествования.

КАБАРДА / Большая Кабарда – топоним *Кабарда* происходит из древнеаланского корня слово к`б`р – которое значит круглый, выпуклый из дигорского къæбур твердая скала, утес; зубцы утеса. В кабардинском Къабэртае – Кабарда [Абаев, 1958].

*«Кругом ее видны следы разоренного аула, называвшегося Татартубом и бывшего некогда главным в Большой **Кабарде**»* [Пушкин-VIII: 448]. *«Приезд его в Арзрум меня очень обрадовал: он был уже мне порукой в безопасном переезде*

через горы и Кабарду» [VIII, 479] В тексте топоним упоминается трижды, каждый раз в различных падежах и словосочетаниях: "через горы и Кабарду", "через горы и равнины Большой Кабарды". Слово полностью ассимилировано в языке, в авторском тексте выполняет уточняющую функцию.

КАПКАЙ – старое тюркское наименование местности, на которой выросла крепость Владикавказ. Из татарского имени, образовано путем присоединения к древнетюркскому слову *кап* (близкий кровный родственник) уменьшительно-ласкательного аффикса *-кай*. Сохранилось у татар-мишарей (мещеряков) и сибирских татар в фамилии Капкаев [Чайкина, 1988] *«Мы достигли Владикавказа, прежнего Капкая, преддверия гор. Он окружен осетинскими аулами»* [Пушкин-VIII: 449]. В тексте топоним упоминается один раз. Автор приводит старое, иноязычное для русского читателя и исконное для местных жителей название, чтобы поделиться сведениями об истории этого места, более правдоподобно его описать. Местный колорит передается с помощью названия "*Капкай*" в сочетании с "осетинскими аулами".

КАЙШАУРСКАЯ / КОЙШАУРСКАЯ долина – известна своей красотой и богатейшей растительностью Койшаурская долина является верхней частью долины Арагвы, левого притока Куры, которая берет начало в Гудовском ущелье под перевалом Военно-Грузинской дороги [Семенов, 1865].

«С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина с ее обитаемыми скалами, с ее садами, с ее светлой Арагвой, извивающейся, как серебряная лента» [Пушкин-VIII: 454]. В тексте встречается в виде прилагательного Кайшаурская (для обозначения долины). Также существует селение Койшаур. В современном языке закрепился вариант с гласной «о» – Койшаурская. В тексте «Путешествия...», во время его написания, топоним,

возможно, обладал вариативностью. В тексте оба вышеупомянутых топонима – Гут-гора и Кайшаурская долина – имеют индикативную функцию.

МАШУК – гора в районе Кавказских Минеральных Вод, в Ставропольском крае. Высота 993 м. Большая часть склонов покрыта широколиственными лесами. У подножия Машука расположен г. Пятигорск. Название горы произошло от кабардинских слов «*маш*» (просо) и «*ко*» (долина), ведь жители этих мест занимались выращиванием проса. *Машук* в переводе – гора просяной долины [Брокгауз, 1993].

*«Нынче выстроены великолепные ванны и дома. Бульвар, обсаженный липками, проведен по склонению **Машука**»* [Пушкин-VIII: 447]. Топоним "Машук" встречается в тексте один раз, он помогает описать местность, окружающую автора. Слово функционирует в тексте наравне с другими, не заимствованными словами, подчиняясь словоизменительным правилам русского языка.

МИНАРЕТ – крепость в Турции: *«Первое замечательное место есть крепость **Минарет**. Приближаясь к ней, наш караван ехал по прелестной долине между курганами, обросшими липой и чинаром. Это могилы нескольких тысяч умерших чумою. Пестрелись цветы, порожденные зараженным пеплом»* [Пушкин-VIII: 448].

МУРЦ – река в Турции. Расположен в истоках р. Аракс [Котлякова, 2006].

*«Под стенами Гассан-Кале течет речка **Мури**; берега ее покрыты железными источниками, которые бьют из-под камней и стекают в реку. Они не столь приятны вкусу, как кавказский нарзан, и отзываются медью»* [Пушкин-VIII: 472]. В тексте *Мури* упоминается один раз и сопровождается

подробным описанием реки, ее берегов и прилегающих источников. Гидроним *Мури* служит для обозначения местности, интересной для автора и читателя.

МУШСКИЙ ПАША – *Муш* (по-турецки *Muş*) – армянский исторический город в Западной Армении, и одноименная каза в Битлисском вилайете на территории современной Турции [Ефрон, 1993]: «**Мушский паша** приезжал к графу Паскевичу просить у него места своего племянника» [Пушкин-VIII: 479]. В тексте это прилагательное встречается один раз, в приведенном выше примере. Армяно-турецкая лексема, войдя в русский язык в виде топонима, в дальнейшем подвергается словообразовательным и словоизменительным трансформациям. В вышеуказанном примере функционирует в виде прилагательного, функция – индикативная.

ПАЙСАНАУР – современный грузинский *Пасанаури* – посёлок городского типа в Грузии, расположенный в пригороде Душети, в регионе Мцхета-Мтианети. Пасанаури находится в 88,5 километра от столицы Грузии Тбилиси, на высоте 1,050 метров над уровнем моря. Через посёлок проходит Военно-Грузинская дорога, протекает река Арагви [Хуцишвили, 1966].

«В **Пайсанауре** остановился я для перемены лошадей <...> Я пошел пешком, не дождавшись лошадей; и в полверсте от Ананура, на повороте дороги» [Пушкин-VIII: 454]. Как и многие другие топонимы в тексте, название *Пайсанаур* используется для того, чтобы читатель мог проследить за маршрутом следования путешественников. Не сопровождается комментариями автора, в отличие от некоторых других топонимов, таких как Арзрум, Татартуб, Стамбул. Как видно из примера, слово, несмотря на свое явное иноязычное звучание, изменяется по падежам. В тексте употребляется один раз.

ПОДКУМОК – название притока реки Кума́ на Северном Кавказе в основном производят от тюркского слова «кум» («песок»). (кабард.-черк. *Гум*, – «песок», «песчаная», карач.-балк. *Гум*. В своём нижнем течении Кума действительно протекает по пескам. Подкумок – река, правый приток р. Кумы на Северном Кавказе, на которой расположены Кисловодск, Ессентуки и Пятигорск. Жившие здесь тюркские народы (ногайцы и др.) [Котляков, 2006].

«Скоро настала ночь. Чистое небо усеялось миллионами звезд. Я ехал берегом *Подкумка*» [VIII, 447]. В процессе функционирования заимствованного гидронима в русском языке, было создано название притока Подкумок, согласно русской модели префиксно-суффиксного словообразования. В тексте гидроним "Подкумок" встречается один раз, функция в тексте – детерминативная. Автор с помощью данного названия обозначает свой маршрут.

САГАН-ЛУ – один из Кавказских хребтов. Название заимствовано через турецк., крым.тат, sahan "блюдо с крышкой, миска, чаша" от арабского Şahn. Саган-лу – турецкий топоним, означает невысокие снежные и лесистые горы, гора 35 к востоку от Эрзерума [Даль, 2004].

«*Может быть, смелый переход через Саган-Лу, движение, коим граф Паскевич отрезал сераскира от Осман-паши, поражение двух неприятельских корпусов в течение одних суток*» [Пушкин-VIII: 443]. «*Мы благополучно прошли опасное ущелие и стали на высотах Саган-лу в десяти верстах от неприятельского лагеря. Природа около нас была угрюма. Воздух был холоден, горы покрыты печальными соснами. Снег лежал в оврагах*» [Пушкин-VIII: 467]. В тексте данное собственное имя используется как топоним, изначальное арабское и татарское значение «миска» не просматривается. Возможно, горы и долины и напоминают миску своей формой, но об этом читатель может только догадываться. Цель употребления – номинативная, в тексте упоминается 8 раз.

СТАМБУЛ – (Istanbul) – крупнейший город, порт, торг. – промышленный, административный и культурный центр Турции. В XIII веке арабы использовали название «Истин Полин», которое восходит к греческой фразе греч. εἰς τὸν Πόλι(ν) («ис тин по́ли(н)») – «в город» или «к городу». До 1930 года официальное, международное принятое название города Константино́поль (тур. Konstantiniyye), каковое признавалось и Великим национальным собранием Турции: подписи его полномочных представителей стоят под Лозаннским договором, текст которого использует исключительно топоним «Константинополь». Другое историческое название, до сих пор используемое в титуле Константинопольского патриарха – Но́вый Рим или Второй Рим (греч. Νέα Ρώμη, лат. Nova Roma); до 330 года Виза́нтий (греч. Βυζάντιον). В средневековых русских летописях и иной литературе часто именовался Царьград или Константинов град; в болгарском и сербском топоним Цариград и в настоящее время употребляется как официальное обозначение города [Поспелов, 2001]:

Стамбул отрёкса от пророка;
 В нём правду древнего Востока
 Лукавый Запад омрачил.

[Пушкин-VIII: 478].

В тексте топоним *Стамбул* встречается только в тексте цитируемой автором сатирической поэмы. В остальных случаях город упоминается под названием Константинополь (дважды). Можно сделать вывод о чужеродности названия Стамбул для русского языка того времени. В настоящее время, наоборот, название *Константинополь* (как и *Царьград*) вышло из обихода и общепринятым стало *Стамбул*.

ТАВР – видимо, у Пушкина о горах не Крыма (Таврии, Тавриды). Это редкое название одного из кавказских хребтов, синоним Саган-лу.

*«Дорога была прекрасна, и в топких местах вымощена – через ручьи выстроены были каменные мосты. Земля приметно возвышалась - передовые холмы хребта Саган-лу, древнего **Тавра**, начинали появляться»* [Пушкин-VIII: 465], *«За обедом запивали мы азиатский шашлык английским пивом и шампанским, застывшим в снегах **таврийских**»* [Пушкин-VIII: 468]. В отличие от несклоняемого «Саган-лу» употребляется в косвенном падеже.

ТАТАРТУБ – Татартуп – развалины древнего города (ныне сохранилась лишь одна башня); находятся на левом берегу Терека, в северной части республики Северная Осетия. Развалины города относят ко временам владычества татар. В основе первой части топонима лежит этноним татары; во второй – туп – «дно» или тепе – «бугор» (тюрк.)

*«Кругом ее видны следы разоренного аула, называвшегося **Татартубом** и бывшего некогда главным в Большой Кабарде»* [Пушкин-VIII: 448]. В тексте топоним *Татартуб* демонстрирует признаки полной ассимиляции. Употребляется автором в качестве исторической справки. Автор проявляет интерес к прошлому и истории тех мест, где проезжал, и делится этими сведениями с читателями.

ТБИЛИСКАЛАР – тюркское название города *Тифлиса* (совр. *Тбилиси*), которое значит Жаркий город.

*«Тифлис находится на берегах Куры в долине, окруженной каменистыми горами. Они укрывают его со всех сторон от ветров и, раскаляясь на солнце, не нагревают, а кипятят недвижный воздух. Вот причина нестерпимых жаров, царствующих в Тифлисе, несмотря на то, что город находится только еще под сорок первым градусом широты. Самое его название (**Тбилискалар**) значит*

Жаркий город» [Пушкин-VIII: 458]. Единожды встречающееся название Тифлиса Тбилискалар используется автором наряду с общепринятым «Тифлис». Здесь оно выглядит как этимологическая справка, с помощью которой автор связывает данное название и местный жаркий климат, сделав особый акцент на последнем.

ТЕГЕРА́Н – (Tehrān, "тёплое место"), столица Ирана, в южных предгорьях Эльбурса, на высоте 1100-1300 м. Крупнейший город на Ближнем и Сред. Востоке [Брокгауз, 1993].

«Я переехал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» – спросил я их. «Из Тегерана» [Пушкин-VIII: 460]. Топоним используется дважды – в виде косвенного падежа («из Тегерана») и производного слова («тегеранская чернь»). По примерам видно, что функционирует данная единица как любой топоним русского происхождения. В произведении он вплетается в повествование о другом трагическом русском поэте – А.С.Грибоедове, обозначая этапы его жизни, точнее, ее окончания.

ТИФЛИС – столица Грузии, которая находится на берегах р.Куры в долине, окруженной каменистыми горами. Они укрывают ее со всех сторон от ветров и, раскалясь на солнце, не нагревают, а кипятят недвижный воздух [Горкина, 2006].

«Тифлис находится на берегах Куры в долине, окруженной каменистыми горами. Они укрывают его со всех сторон от ветров и, раскалясь на солнце, не нагревают, а кипятят недвижный воздух. Вот причина нестерпимых жаров, царствующих в Тифлисе, несмотря на то, что город находится только еще под сорок первым градусом широты. Самое его название (Тбилискалар) значит Жаркий город. Большая часть города выстроена по-азиатски: дома низкие,

кровли плоские. В северной части возвышаются дома европейской архитектуры, и около них начинают образоваться правильные площади. Базар разделяется на несколько рядов; лавки полны турецких и персидских товаров, довольно дешевых, если принять в рассуждение всеобщую дороговизну. Оружие тифлисское дорого ценится на всем Востоке. Граф Самойлов и В., прославившие здесь богатырями, обыкновенно пробовали свои новые шашки, с одного маху перерубая надвое барана или отсекая голову быку. В Тифлисе главную часть народонаселения составляют армяне: в 1825 году было их здесь до 2500 семейств. Во время нынешних войн число их еще умножилось. Грузинских семейств считается до 1500. Русские не считают себя здесь жителями. Военные, повинясь долгу, живут в Грузии, потому что так им велено. Молодые титулярные советники приезжают сюда за чином асессорским, толико возжеланным. Те и другие смотрят на Грузию как на изгнание. Климат тифлисский, сказывают, нездоров. Здесь горячки ужасны; их лечат меркурием, коего употребление безвредно по причине жаров. Лекаря кормят им своих больных безо всякой совести. Генерал Сипягин, говорят, умер оттого, что его домовый лекарь, приехавший с ним из Петербурга, испугался приема, предлагаемого тамошними докторами, и не дал оного больному. Здесь лихорадки похожи на крымские и молдавские и лечатся одинаково. Жители пьют курскую воду, мутную, но приятную. Во всех источниках и колодцах вода сильно отзывается серой. Впрочем, вино здесь в таком общем употреблении, что недостаток в воде был бы незаметен. В Тифлисе удивила меня дешевизна денег. Переехав на извозчике через две улицы и отпустив его через полчаса, я должен был заплатить два рубля серебром. Я сперва думал, что он хотел воспользоваться незнанием новоприезжего; но мне сказали, что цена точно такова. Все прочее дорого в соразмерности» [Пушкин-VIII: 458]. В связи с тем, что действие повести в основном происходит на территории Грузии, топоним Тифлис упоминается в тексте многократно – 29 раз. Встречаются случаи

употребления в косвенных падежах и в виде прилагательного (*тифлисские* бани, оружие, климат...), входит в название газеты «*Тифлисские ведомости*», и даже сочетается с галлицизмом: «Черт побери *тифлисского* гастронома». Из приведенных примеров можно сделать вывод о хорошей освоенности заимствованного топонима русским языком.

ЧАБАН-КЭПРИ – тюркское слово, которое значит мост. *Чабан* – (тюрк. *çoban* – пастух). В Средней Азии: пастух овецких стад. *Чабанский* – относящийся к чабану, чабанам [Крысин, 1998].

*«В 15 верстах от Гассан-Кале находится мост, прекрасно и смело выстроенный на семи неравных сводах. Предание приписывает его построение разбогатевшему пастуху, умершему пустынным холма, где донныне показывают его могилу, осененную двумя пустынными соснами. Соседние поселяне стекаются к ней на поклонение. Мост называется **Чабан-Кэпри** (мост пастуха). Дорога в Тебриз лежит через него»* [Пушкин-VIII: 472]. В тексте встречается один раз в вышеуказанном примере, значение понятно из контекста и комментариев А.С. Пушкина. Придает сцене оттенок необычности и местной экзотики. В тексте данный тюркизм упоминается однажды с комментарием автора в прямом, денотативном значении.

ЧАТЫР-ДАГ – от крымско-татарского "чадыр" – 'шатер, палатка' и "даг" – 'гора', *Даг* – тюркское слово, обозначающий «горы» в географических названиях. Этот горный массив вытянут меридиональном направлении почти на 10 км при ширине с запада на восток до 5 км. Его площадь со всеми склонами и отрогами 46,5 км². В плане это прямоугольник с чёткими ровными склонами действительно напоминает огромный шатер [Поспелов, 2001].

*«Нетерпение доехать до Тифлиса исключительно овладело мною. Я столь же равнодушно ехал мимо Казбека, как некогда плыл мимо **Чатырдага**»*

[Пушкин-VIII: 452]. Топоним *Чатырдаг* употребляется один раз для сравнения одной горы с другой. В написании слова видим процессы фонетической ассимиляции, в частности, произошло оглушение первой согласной «д», что помогло сделать произнесение слова более легким и привычным для носителя русского языка.

ШУМЛА (Šumla) – турецкое название болгарского города Шумен, распространённое в русской военно-исторической литературе о русско-турецких войнах. *Шумла*, укрепленный город в Балканах, на дороге из Силистрии в Константинополь [Твёрдый, 2008].

«Пускай нападет он, – говорил Ермолов, – на пашу не умного, не искусного, но только упрямого, например на пашу, начальствовавшего в Шумле, – и Паскевич пропал» [Пушкин-VIII: 445] Топоним *Шумла* в тексте упоминается один раз для обозначения местоположения военачальника. Функция индикативная, лексема употребляется в косвенном падеже.

ЭРИВАНЬ – древнее название Еревана, столицы Армении.

«Здесь я встретил армянского попа, ехавшего в Ахалцык из Эривани. «Что нового в Эривани?» – спросил я его. «В Эривани чума, – отвечал он, – а что слышать об Ахалцыке?» – «В Ахалцыке чума», – отвечал я ему. Обменявшись сими приятными известиями, мы расстались» [VIII, 462]. Топоним *Эривань* встречается в тексте четыре раза и функционирует как изменяемая единица. Это свидетельствует о достаточной освоенности заимствованной лексемы языком. Впоследствии, как известно, данный оним так и не закрепился в языке и был заменен названием "Ереван". Однако, в тексте встречается и производное прилагательное "Эриванский" ("называл графа Эриванского графом Ерихонским"), что говорит о том, что название "Эривани" было в то время широко употребительным.

ЭТНОНИМИЯ

АРМЯНЕ – основная национальность Армении.

«Армяне, грузинцы, черкесы, персияне теснились на неправильной площади; между ими молодые русские чиновники разъезжали верхами на карабахских жеребцах» [Пушкин-VIII: 456].

АРНАУТЫ – тюркское именование албанцев. Производное прилагательное – арнаутский.

«Он объявил, что Сераскир и народ давно согласны на сдачу, но что несколько непослушных арнаутов, под предводительством Топчи-Паши овладели городскими батареями, и бунтуют» [Пушкин-VIII: 475]. *«Я пошел взглянуть на сераскира. При входе в его палатку встретил я его любимого пажа, черноглазого мальчика лет четырнадцати, в богатой арнаутской одежде»* [Пушкин-VIII: 476].

ГРУЗИНЫ – грузин, мн. (ед. грузин, -а, м.; грузинка ж.). Нация, основное население Грузинской, а также лица, относящиеся к этой нации [Брокгауз, 1993].

«Грузины народ воинственный. Они доказали свою храбрость под нашими знаменами. Их умственные способности ожидают большей образованности. Они вообще нрава веселого и общежительного. По праздникам мужчины пьют и гуляют по улицам. Черноглазые мальчики поют, прыгают и кувыркаются; женщины пляшут лезгинку. Голос песен грузинских приятен. Мне перевели одну из них слово в слово; она, кажется, сложена в новейшее время; в ней есть какая-то восточная бессмыслица, имеющая свое поэтическое достоинство <...> Грузины пьют не по-нашему и удивительно крепки. Вины их не терпят

вывоза и скоро портятся, но на месте они прекрасны. Кахетинское и карабахское стоят некоторых бургонских. Вино держат в маранах, огромных кувшинах, зарытых в землю. Их открывают с торжественными обрядами. Недавно русский драгун, тайно отрыв таковой кувшин, упал в него и утонул в кахетинском вине, как несчастный Кларенс в бочке малаги» [Пушкин-VIII: 457]. «В Тифлисе главную часть народонаселения составляют армяне: в 1825 году было их здесь до 2500 семейств. Во время нынешних войн число их еще умножилось. **Грузинских** семейств считается до 1500» [Пушкин-VIII: 458]. Этноним *грузин* упоминается в тексте 8 раз, а однажды встречается в множественном числе «Несколько грузин сопровождали арбу» [Пушкин-VIII: 460]. В очерках употреблен и устаревавший к тому времени вариант *грузинцы*: «Армяне, **грузинцы**, черкесы, персияне теснились на неправильной площади; между ими молодые русские чиновники разъезжали верхами на карабахских жеребцах» [Пушкин-VIII: 456]. А.С. Пушкин подробно описывает нравы и характеры грузин и даже вещи, которые могут их оскорблять. Этноним склоняется по падежам русского языка.

КАЛМЫКИ, КАЛМЫЧКА – монгольская народность, составляющая коренное население Калмыкии [Ушаков, 1940].

«**Калмыки** располагаются около станционных хат. У кибиток их пасутся их уродливые, косматые кони, знакомые вам по прекрасным рисункам Орловского. Молодая **калмычка**, собою очень недурная, шила, куря табак. Я сел подле нее. «Как тебя зовут?» «Сколько тебе лет?» «Десять и восемь». «Что ты шьешь?» «Портка». «Кому?» «Себя». Она подала мне свою трубку и стала завтракать» [Пушкин-VIII: 446]. «Это было послание к **калмычке**, намаранное мною на одной из кавказских станций» [Пушкин-VIII: 465]. Этноним *калмычка* упоминается в тексте два раза, по национальности, без упоминания по имени. Имя девушки автор спрашивает у нее, но в повести не называет. Возможно, он

хотел показать в ней некие типические черты девушки своего народа. Из описания калмычки вырисовывается образ девушки привлекательной, но опасной для мужчин («поехал от степной Цирцеи»).

ОСЕТИНЦЫ – устар. осети́ны, народ, живущий на Кавказе в Северо-Осетинской АССР и в Автономной области Южной Осетии [Ковалев, 2003] *«Осетинцы самое бедное племя из народов, обитающих на Кавказе; женщины их прекрасны и, как слышно, очень благосклонны к путешественникам. У ворот крепости встретил я жену и дочь заключенного осетинца»* [Пушкин-VIII: 450] В тексте осетинцы упоминаются пять раз. Данная лексическая единица встречается как в именительном («Осетинцы самое бедное племя»), так и в косвенных падежах («они облеплены саклями мирных осетинцев»). Слово "осетинцы" достаточно хорошо освоено языком, не выглядит варваризмом, однако, можно предположить, что в то время еще существовала вариативность данного слова, так как в современном русском языке закрепился вариант "осетины". То же самое можно сказать и про этноним "грузинцы" (в современном языке – "грузины"), который также встречается на страницах повести.

ПЕРСИЯНЕ, ПЕРСИЯНИН – старое название иранцев, идущее от древних персов.

«Г-н А. взял с собою в переводчики русского офицера, коего история любопытна. 18-ти лет попался он в плен к персиянам. Его скопили, и он более 20 лет служил евнухом в хареме одного из сыновей шаха» [Пушкин-VIII: 479-480]. *«Армяне, грузинцы, черкесы, персияне теснились на неправильной площади; между ими молодые русские чиновники разъезжали верхами на карабахских жеребцах»* [Пушкин-VIII: 456].

ЧЕРКЕСЫ – адыгский народ в Карачаево-Черкессии (самоназвание – адыге). Живут также в Турции и других странах Передней Азии, где черкесами называют также всех выходцев с Сев. Кавказа. Верующие черкесы – мусульмане-сунниты [Твёрдый, 2008]: «*Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру*» [VIII, 449] Этноним «черкесы» обладает в тексте большой частотностью, так как автор постоянно сталкивается с представителями этой народности. Правда, этноним *черкесы* русские раньше распространяли чуть ли не на все население Кавказа (как потом этот этноним в данной ипостаси был заменен *татарами*, ср. у Л.Н. Толстого) Присутствуют в тексте также и производные прилагательные («*черкесский*») в разных родах и падежах, выполняющие индикативную функцию.

ЯЗИДЫ – Ези́ды (или йезиды; самоназвание – эзди, курд. *êzdî*) – курдская этноконфессиональная группа говорящая на курманджийском языке курдской группы арийской ветви индоевропейской семьи. Езиды один из самых древних народов планеты. Их религия – езидизм (на основе зороастризма) – одна из древнейших религий мира, насчитывающая свыше пяти тысяч лет. Несмотря на то, что езиды являлись монотеистами – последователями единобожия, на протяжении всей своей истории они были гонимы [Али-заде, Ансар, 2007]. В Словаре Брокгауза и Ефрона отсутствует.

«В войске нашем находились и народы закавказских наших областей, и жители земель, недавно завоеванных. Между ими с любопытством смотрел я на язидов, слывущих на Востоке дьяволопоклонниками. Около 300 семейств обитают у подошвы Арарата. Они признали владычество русского государя. Начальник их, высокий, уродливый мужчина в красном плаще и черной шапке, приходил иногда с поклоном к генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать от язидов правду о их вероисповедании. На мои вопросы отвечал он, что молва, будто бы язиды поклоняются сатане, есть пустая

*баснь; что они веруют в единого бога; что по их закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличным и неблагородным, ибо он теперь несчастлив, но со временем может быть прощен, ибо нельзя положить пределов милосердию аллаха. Это объяснение меня успокоило. Я очень рад был за **язидов**, что они сатане не поклоняются; и заблуждения их показались мне уже гораздо простительнее» [Пушкин-VIII: 468]* В тексте *язиды* упоминаются четыре раза, включая название. Примеры употребления включают в себя как собирательные (по отношению к народности), так и референтно-отнесенные наименования («старался узнать от язидов правду»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование ориентальной лексики А.С. Пушкина в тексте «Путешествия в Арзрум» позволяет сделать вывод, что ориентализмы были точно зафиксированы А.С. Пушкиным, хотя и в разной степени ассимилированы в русском языке. В процессе ассимиляции, менялся их фонетический и морфологический облик.

Выводы по исследуемым проблемам весьма плодотворны и обнаруживают новый и плодотворный подход к пониманию исторических процессов оформления языка русской художественной литературы, в частности очерковой прозы.

Результаты нашего исследования могут быть использованы на занятиях по русскому языку, в равной степени могут быть использованы и как материал для занятий по иноязычным заимствованиям на различных факультативах.

Суммируя сказанное, можно отметить, что в произведении А.С.Пушкина «Путешествие в Арзрум» встречаются различные виды ориентализмов – варваризмы, ассимилированные и частично ассимилированные заимствованные единицы, а также онимы. В зависимости от степени освоенности их принимающим языком, контекста, и намерений самого автора, они выполняют различные функции – денотативную, эмотивно-экспрессивную, образную, номинативную. В совокупности с заимствованиями из других языков и остальными изобразительно-выразительными средствами, они вносят вклад в достижение главной цели путевых заметок – создание полной, достоверной и красочной картины народов, местности, обычаев, военных действий и взаимоотношений между людьми.

В целом, "Путешествие в Арзрум" и ряд поэтических произведений Пушкина ("Подражание Корану", "Бахчисарайский фонтан", и другие) являются началом полноценного диалога русской культуры с другими, ранее неизвестными или мало известными культурами, при отображении которых

Пушкин выступает и как носитель "русскости" и как писатель общечеловеческого масштаба. Это видно и в текстах самих произведений поэта. Достоверность и реалистичность природы Кавказа, правдивость в изображении характеров и образа жизни коренного населения, их семейный и общественный быт, любовь к свободе, гостеприимство, патриархальные нравы – все это придает произведениям Пушкина особую неповторимость и индивидуальность.

Таким образом, настоящая работа подтверждает огромное влияние востока на творчество А.С. Пушкина и на его мировоззрение.

В качестве вывода можно отметить, что ориентализмы в произведении А.С. Пушкина «Путешествие в Арзрум» помогают автору в создании литературного портрета персонажей, в частности, женщин различных народностей. Используемые в виде ассимилированных заимствований (кибитка), иноязычных вкраплений, а также заимствований, подвергшихся лишь частичной ассимиляции, вносит в повествование неповторимый национальный колорит, воссоздает достоверную картину быта и нравов героев и героинь повести. Уникальную этнографическую ценность представляют картины быта мусульманских женщин, позволяющие понять их характер, отношение к мужу и мусульманским обычаям. Использование таких наименований как «сакля» и «гарем» подчеркивает столь различный быт жен в бедной кавказской и богатой турецкой семье. При всем при этом и те и другие женщины наделены живым темпераментом, любознательностью и приветливы к путешественникам.

Тщательный документализм и кропотливый этнографизм помог А.С. Пушкину подвести итоги исканиям русских писателей в стремлении сделать очерк-путешествие по-настоящему художественным, истинным достижением литературы.

Таким образом, выявленные нами в ходе анализа ориентализмы в тексте произведения позволяют утверждать, что иноязычные заимствования являются

одним из важных средств создания литературного портрета персонажа, а также воссоздания этнической картины мира.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абдулаев А.А. Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия. / А.А. Абдуллаев. – Махачкала, 1995. – 296 с.
2. Айвазян К.В. «Я стал спускаться ... к свежим равнинам Армении». Путешествие в Арзрум 1829 г. / К.В. Айвазян. – Ереван: Айастан, 1990. – 360 с.
3. Айвазян К.В. О «Путешествии в Арзрум» Пушкина: (Пушкин и Армения) / К.В. Айвазян // Труды Первой и Второй Всесоюзных Пушкинских конференций. 25-27 апреля 1949 г. и 6-8 июня 1950 г. М.; Л., 1952. – С. 158-191.
4. Алексеев П. В. Отражение восточного вопроса в творчестве А.С. Пушкина 1830-х годов / П. В. Алексеев // Филологические науки. Вопросы теории и практики 2014. № 4. Ч.2. - С. 319-230.
5. Альтшуллер М.Г. Между двух царей: Пушкин в 1824-1836 гг. / М. Г. Альтшуллер. – СПб., 2003. – 354 с.
6. Аминова А.А. Контуры чужого мира в произведениях А.С.Пушкина (на материале Путешествия в Арзрум) / А.А. Аминова // I Международный симпозиум: сб. статей ученых Казанского университета (на русском и французском языках). Казань: Казан. гос. ун-т, 2005.С.244-246.
7. Андреева Л.С. Языковая личность автора: (На материале "Путешествия в Арзрум" А.С. Пушкина) / Л.С. Андреева // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. - Казань, 1998. - Т 136. - С. 165-170.
8. Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина / П.В. Анненков. – М.: Современник, 1984. – 476 с.
9. Асланов Г.Н. Восточная лексика в «Словаре языка Пушкина» / Г.Н. Асланов // Русский язык и литература в Азербайджане, 1997, №3, – С.12-20.

10. Ахмедов Г.И. Способы передачи значений экзотизмов дагестанского происхождения в русской художественной литературе / Г.И. Ахмедов // Сравнительно-сопоставительные исследования лексики. Махачкала, 1992. – С.145-151.
11. Аюпова Л.Л. Заимствования русского языка в историко-функциональном аспекте. / Л.Л. Аюпова – М.: Учпедгиз, 1991. – 61с.
12. Бартенев П.И. О Пушкине: Страницы жизни поэта. Воспоминания современников / П.И. Бартенев; Сост., авт. вступ. ст. и прим. А.М. Гордин. – М. : Сов. Россия, 1992. – 458 с.
13. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков / Н.А. Баскаков – М.: Высш. школа, 1969. – 383 с.
14. Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. / В.Г. Белинский – М.: Дет. лит-ра, 1969. – 574 с.
15. Белкин Д. И. Пушкин и Восток. Конференция в Москве. / Д.И. Белкин – Вестник АН СССР, 1974. – № 10. – С. 105-107.
16. Белкин Д.И. Поэтика авторских примечаний в цикле "Подражания корану" / Д.И. Белкин // Пушкин: проблемы творчества, текстологии, восприятия. - Калинин, 1989. - С. 45-60.
17. Белкин Д.И. Своеобразие диалога в ориентальных стихотворениях А.С. Пушкина / Д.И. Белкин // Болдинские чтения : К семидесятилетию Г.В. Краснова. – Нижний Новгород, 1991. - С. 62-74.
18. Белкин Д.И. Тема зарубежного Востока в творчестве А.С. Пушкина. / Д.И. Белкин // Народы Азии и Африки. – 1965. – № 4. – С. 104-116.
19. Бельчиков Ю.А. Русский литературный язык во второй половине XIX в. / Ю.А. Бельчиков. –М., 1974. – 191 с.
20. Берг Л.С. Пушкин и география / Л.С. Берг // География в школе, 1937, № 2. – С. 18-21.

21. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 206 с.
22. Бигаев Р.И. Восточная лексика в русской художественной литературе / Р.И. Бигаев // Звезда Востока, 1948, № 17. – С.88-97.
23. Бигаев Р.И. Восточные лексические заимствования в произведениях Пушкина, Лермонтова и Толстого / Р.И. Бигаев // Ученые записки Ташкентского государственного педагогического и учительского института им. Низами, серия общественных наук, вып.1. Ташкент, 1947. – С.69-80.
24. Бицилли П. Путешествие в Арзрум / П. Бицилли. // Пушкин в эмиграции. 1937. / Сост., коммент., вступит. очерк В. Перельмутера. – М.: Прогресс-Традиция, 1999. – С. 313 – 333.
25. Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1813-1826) / Д.Д. Благой - М.; Л.: АН СССР, 1950. - 580 е.; М.: Сов. писатель, 1967. - 723 с.
26. Богородицкий В.А. Лекции по общему языковедению / В.А. Богородицкий. – 3-е изд., факсимиле. – М. : Либроком, 2010. – 312 с.
27. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. / В.Д. Бондалетов. – М., 1983. – 224 с.
28. Брагинский И.С. Заметки о западно-восточном синтезе в лирике Пушкина / И.С. Брагинский // Народы Азии и Африки, 1965, № 4. – С. 117-126.
29. Брагинский И.С. Западно-восточный синтез в лирике Пушкина / И.С. Брагинский // Народы Азии и Африки, 1966, № 4. – С. 139-146.
30. Брагинский И.С. Проблемы востоковедения. Актуальные вопросы восточного литературоведения / И.С. Брагинский. – М., Наука, 1974. – 494 с.
31. Бушеева А.И. О тюркизмах в разноструктурных языках / А.И. Бушеева // Материалы II Международной конференции «Межкультурная

- коммуникация. Типология языков. Теория перевода». МГУ – КГУ. – М., 2004. – С. 102 -106.
32. Бушеева А.И. Ориентализмы и их адаптация в разносистемных языках / А.И. Бушеева // Казан. педагогический журнал. – Казань, 2009. – № 6. – С. 56 - 63.
33. Васильев Н.Л. Заимствованная лексика в языке Пушкина / Н.Л. Васильев // Вестник Мордовского ун-та, 2000, №3/4, с.58-60.
34. Васильев Н.Л., Савина Е.В. Варваризмы в языке Пушкина / Н.Л. Васильев, Е.В. Савина // Филологические науки, 2000, №2, с.99-105.
35. Вацуру В.Э. "Пророк" / В.Э. Вацуру // Аврора. – 1980. – № 8. – С. 123-129.
36. Вацуру В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины». Очерки о книгах и прессе пушкинской поры / Изд. второе, дополненное. / В.Э. Вацуру. – М., 1986. – 384 с.
37. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. / Ю.А. Веденин. – М.: Институт Наследия, 1997. – 224 с.
38. Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР (по материалам автон. респ. Поволжья и Приуралья).- Казань: Казан, пед.ин-т.,1982. - 211 с.
39. Виноградов В.Б. Пушкинская Кубань (историко-литературоведческие этюды). / В.Б. Виноградов. – Армавир, 1999. – С.42.
40. Виноградов В.В. Глоссарий / В.В. Виноградов // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 6 т. Т.6. М., 1936.
41. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М.: Гослитиздат, 1941. – 619 с.
42. Винокур Г.О. Рец.: Свирин Н. Пушкин и Восток. Статья первая. «Бахчисарайский фонтан». / Г.О. Винокур // Звезда. 1935.– № 4. – С. 346–348.
43. Владимирова С.В., Костоломова Н.В. Роль заимствований в создании литературного портрета персонажей / С.В. Владимирова,

- Н.В. Костоломова // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы международной научной конференции. – М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. – 1-3.
44. Восток в русской литературе XVIII – начала XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 256 с.
45. Галиуллин К.Р. Значение материалов памятников тюркских языков для исследований в области тюркско-русских контактов / К.Р. Галиуллин // Тез. конф. аспирантов и молодых науч. сотрудников / Ин-т востоковедения АН СССР. - Т.3.- Ч.1. Языкознание. – М., 1978. – С.34-36.
46. Галиуллин К.Р. Исследование межуровневых отношений в истории восточных заимствований русской лексики / К.Р. Галиуллин // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (лингвогеография на современном этапе и проблема межуровневого взаимодействия в истории языка): Тез. докл. и сообщ. (Ужгород, 18-20 сентября 1984 г.). – М., 1984. – Т.3. – С.332.
47. Галиуллин К.Р. Историко-хронологическое исследование тюркизмов // Заимствования русского языка в историко-функциональном аспекте. / К.Р. Галиуллин – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. – С.5-65.
48. Галиуллин К.Р. К проблеме хронологизации словарного состава русского языка (на материале тюрк. лексич. элементов): Дис. ... канд. филол. наук / К.Р. Галиуллин. - Казань, 1981. – 220 л.
49. Галиуллин К.Р. К проблеме хронологизации словарного состава русского языка (на материале тюрк. лексич. элементов): / К.Р. Галиуллин. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982. – 22 с.
50. Галиуллин К.Р. К характеристике тюркско-русского языкового взаимодействия послеоктябрьского периода / К.Р. Галиуллин // Национальное и интернациональное в развитии языков / Материалы

науч.-теор. конф., посвящ. 60-летию образования СССР (Иваново, 16-18 февр. 1982 г.).- Иваново, 1983.- С.8-9.

51. Галиуллин К.Р. Многоаспектное исследование тюркизмов русского словаря / К.Р. Галиуллин // Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: К 140-летию со дня рождения И.А.Бодуэна де Куртенэ.- Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988.- С.162-166.
52. Галиуллин К.Р. О словаре производных, образованных в русском языке на базе тюркизмов / К.Р. Галиуллин // Русское, сравнительное и сопоставительное словообразование.- Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986.- С.107-111.
53. Галиуллин К.Р. Ономастика и хронологическая характеристика тюркизмов апеллятивной лексики русского языка / К.Р. Галиуллин // Сб. аспирантских работ: Гуманитарные науки. Языкознание. Литературоведение. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976.- С.82-92.
54. Галиуллин К.Р. Ориентализмы в произведениях русских писателей XIX века / К.Р. Галиуллин // А.С.Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков: Тез. межд. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рожд. А.С.Пушкина.- Казань: УНИПРЕСС, 1998. - С.105-107.
55. Галиуллин К.Р. Проблемы комплексного лексикографирования заимствований (на материале ориентализмов / тюркизмов русского словаря) / К.Р. Галиуллин // Языковая семантика и образ мира: Тез. Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию университета (7-10 окт. 1997 г.).- Кн.2.- Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1997. - С.45-46.
56. Галиуллин К.Р. Семантика и фонетический облик слова в истории ориентализмов русской лексики / К.Р. Галиуллин // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка: Тез. докл. и сообщ. (Волгоград, 21-24 сент. 1982 г.). - М., 1982.- С.205.

57. Галиуллин К.Р. Тюркизмы в новом этимологическом словаре русского языка / К.Р. Галиуллин // Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка.- Вып.2.- Казань, 1995.- С.139-146
58. Галиуллин К.Р. Тюркские лексические элементы в этимологических словарях русского языка (тюркологическая и историко-хронологическая части словарных статей) / К.Р. Галиуллин // Уч. зап. Казанского пед. ин-та, 1976. – Вып.161.- С.210-215.
59. Галиуллин К.Р. Характеристика тюркских заимствований в лексикологических работах по русскому языку / К.Р. Галиуллин // Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР (по материалам автономных республик Поволжья и Приуралья). – Казань, – С. 248-260.
60. Галиуллин К.Р., Каримуллина Р.Н. Ориентализмы в современных справочных и учебных изданиях / К.Р. Галиуллин, Р.Н. Каримуллина // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11-13 дек. 2001 г.): Тр. и матер.: В 2 т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. - С.9-11.
61. Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка / Б.М. Гаспаров. – СПб: Академический проект, 1999. – 400 с.
62. Гафуров А. Имя и история. / А.Гафуров – М., 1987, 221 с.
63. Геллер Л. К описанию экзотизмов. Предложения // Филологические записки. Вып. 27./ Л.Геллер. – Воронеж: ВГУ, 2008. – С. 5-31.
64. Гершензон М.О. Статьи о Пушкине / М. Гершензон. – М. : Акад. худ. наук, 1919 . – 122 с. – (История и теория искусств. Вып.№ 1).
65. Гилязетдинова Г.Х. О морфологической адаптации восточных слов в русском языке Московского государства (XV–XVII вв.) /

- Г.Х. Гилязетдинова // Русская и сопоставительная филология '2010 / Казан. гос. ун-т. – Казань: Казан. ун-т, 2010. – С. 51–55.
66. Гилязетдинова Г.Х. Ориентальная лексика в путевых заметках купца Федота Котова (1624 г.) / Г.Х. Гилязетдинова // Лингвистические исследования. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2008. – С. 157–166.
67. Гилязетдинова Г.Х. Функционально-стилистическая характеристика ориентализмов / Г.Х. Гилязетдинова // Заимствования русского языка в историко-функциональном аспекте. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. – С. 86–100.
68. Гилязетдинова Г.Х. Хронологическая характеристика ориентализмов в языке среднерусского периода / Г.Х. Гилязетдинова // Русская и сопоставительная филология. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – С. 47–51.
69. Гилязетдинова Г.Х., Юналеева Р.А. Особенности функционирования ориентализмов в разножанровых текстах XVII в. / Г.Х. Гилязетдинова, Р.А. Юналеева // Словообразование. Стилистика. Текст. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. – С. 136-148.
70. Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. М.-Л., 1952, т.8.
71. Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка. А.И. Горшков – М., 1984. – 319 с.
72. Гроссман, Л.П. Пушкин / Л.П. Гроссман. – М.: Молодая гвардия, 1958. – 526 с.
73. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. / Г.А. Гуковский – Саратов, 1946. – 298 с.; М.: Худож. лит., 1965. – 355 с.
74. Гуминский, В.М. Путешествие / В.М. Гуминский. // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Ителвак», 2003. – С. 839 – 841.

75. Данильченко Г.Д. Романтический ориентализм в русской литературе первой половины XIX в.: дис. канд. филол. наук / Г.Д. Данильченко. – Бишкек, 1999. – 146 с.
76. Десницкий В.А. Пушкин и его время / В.А. Десницкий // А.С. Пушкин. 1799-1949: Материалы юбилейных торжеств. М.; Л., 1951. – С. 248-260.
77. Джаубаева Ф.И. Национальная специфика предметов домашнего обихода народов Кавказа в художественных текстах XIX в. / Ф.И. Джаубаева // Слово. Словарь. Словесность: из прошлого в будущее (к 225-летию А.Х. Востокова): Материалы Всероссийской научной конференции. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2006. С. 152–155.
78. Джаубаева Ф.И. Статус этнонима в системе ономастических единиц (на примере карачаево-балкарского языка) / Ф.И. Джаубаева // Язык и национальное сознание: Проблемы сопоставительной концептологии: Материалы межрегиональной школы-семинара молодых ученых. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2006. – С. 62–66.
79. Джаубаева Ф.И. Топонимические интересы А.С. Пушкина / Ф.И. Джаубаева // Лингвокавказоведение и тюркология: традиции и современность / Материалы IV международной научной конференции. Карачаевск: КЧГУ, 2007. С. 121-125.
80. Джаубаева Ф.И. Экзотическая лексика как этнокультурный компонент в произведениях А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого. / Ф.И. Джаубаева // Философия и психолингвистика русского классического текста: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза: РИО ПГСХА, 2006. – С. 35-39.
81. Джаубаева Ф.И. Этнографизм А.С. Пушкина. / Ф.И. Джаубаева // Известия высших учебных заведений Северо-Кавказского региона. Ростов-на-Дону, 2007. № 5 (141). С. 128-132.

82. Джаубаева Ф.И. Русские писатели и Кавказ / Ф.И. Джаубаева // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. – Ставрополь: СГУ, 2010. Т. 1. – С. 851-862.
83. Джаубаева Ф.И. Экзотическая лексика в произведениях русских писателей о Кавказе: А.А. Бестужев-Марлинский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой. Опыт словаря / Сост., вступ. статья Ф.И. Джаубаевой. – Ставрополь: СГУ, 2008. – 264 с.
84. Джаубаева Ф.И. Языкотворчество русских писателей как мирозозидающая деятельность на Северном Кавказе: А.А. Бестужев-Марлинский, А.С.Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Л.Н.Толстой. / Ф.И. Джаубаева. Автореферат дисс.на соиск. уч. ст. доктора филол. наук. – Ставрополь, 2010. – 54 с.
85. Дмитриев Н.К. О тюркских элементах русского словаря / Н.К. Дмитриев // Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1969. – С.503-569.
86. Дмитриев Н.К. Турецкий язык / Н.К. Дмитриев. – М. : Изд-во Восточной литературы, 1960. – 56 с.
87. Добродомов И.Г. А.С.Пушкин о тюркизмах и словарь тюркизмов у Пушкина / И.Г. Добродомов // Авторская лексикография и история слов. К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М., 2013, с.88-95.
88. Добродомов И.Г., Пильщиков И.А. Лексика и фразеология "Евгения Онегина" : герменевтические очерки; Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук, Ин-т языкознания; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т миров. культуры; Моск. гос. пед. ун-т. – М. : Языки славян. культур, 2008. – 312 с.
89. Долинин А.А. «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» в редакции и интерпретации Ю.Н. Тынянова / А.А. Долинин // Озерная школа: Труды пятой Международной летней школы на Карельском

- перешейке по русской литературе. – Пос. Поляны (Уусикирко) Ленинградской области, 2009. – С.22-37.
90. Долинин А. А. Байроновский след в книге Пушкина «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» / А.А. Долинин // *Memento vivere*: Сборник памяти Л. Н. Ивановой. – СПб., 2009. – С. 122-131.
91. Долинин А. А. Вран – символ казни. (Из комментариев к «Путешествию в Арзрум во время похода 1829 года») / А.А. Долинин // *Con amore*: Историко-филологический сборник в честь Любови Николаевны Киселевой. – М., 2010. – С. 157-168.
92. Долинин А. А. Пушкин и Виктор Фонтанье / А.А. Долинин // *Европа в России*: Сб. статей. – М., 2010. – С. 105-124.
93. Достоевский Ф.М. Пушкин: Очерк. Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности. // *Хрестоматия по литературной критике для школьников и абитуриентов*. – М.: Рипол-Классик, 1999. – 768 с.
94. Дубшан Л. Путешествие во время чумы / Л. Дубшан // *Звезда*. – 2001. – №6. – С. 144-155.
95. Иванов Вяч. Вс. Темы и стили Востока в поэзии Запада / Вяч. Вс. Иванов // *Восточные мотивы. Стихотворения и поэмы*. М., 1985. С. 424.
96. Ивлева А.Р. Роль заимствований в лексике современного русского языка. / А.Р. Ивлева. – Ростов-на-Дону: Культура, 2003. – С. 115-120.
97. Измайлов, Н.В. Очерки творчества Пушкина / Н.В. Измайлов. – Л.: Наука, 1976. – 340 с.
98. «Кавказская поминка о Пушкине», Тифлис, 1899. – 187 с.
99. Каганович С.Л. Русский романтизм и Восток. Специфика межнационального взаимодействия / С.Л. Каганович. – Ташкент: Фан, 1984. – 112 с.

100. Карасева Т.В., Калеел А.К. Арабские заимствования в тематической группе «Названия пищи» в воронежских говорах / Т.В. Карасева, А.К. Калеел // Восточное общество: интеграционные и дезинтеграционные факторы в геополитическом пространстве АТР: материалы межд. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. – С.191-193.
101. Каримуллина Г.Н. Двухязычная татарская лингвография второй половины XX – начала XXI века : автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 : 10.02.01 / Г.Н. Каримуллина ; Казан. (Приволж.) федер. ун-т; Ин-т языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. – Казань, 2011. – 26 с.
102. Каримуллина Г.Н. Лингвографическое представление заимствованных слов в источниках XVIII-XIX веков / Г.Н. Каримуллина // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – Т.2. – С. 185-187.
103. Классическое востоковедение и классический ориентализм / под ред. С.И. Лунева. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 128 с.
104. Ковалев Г.Ф. Пушкин. Ономастический комментарий. / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж, «Научная книга», 2012, 278 с.
105. Ковалев Г.Ф. Этнонимикон А.С.Пушкина // Ковалев Г.Ф. Избранное. Этнонимика. Воронежское лингвокраеведение. Разное. / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж: «Научная книга», 2014 – 447 с.
106. Ковалев Г.Ф. Эффект именного кольцевания (просаподосис) некоторых сюжетов А.С. Пушкина // Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика. / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж: «Научная книга», 2014 – 447 с.

107. Ковалевская Е.Л. История русского литературного языка. / Е.Л. Ковалевская. – М., 1992. – 303 с.
108. Комарович Л.В. К вопросу о жанре «Путешествия в Арзрум» / Л.В. Комарович // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. № 3. – 1937. – С. 326-339.
109. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов: [Более 4500 слов и выражений] / Н. Г. Комлев. – М., 2006. – 669 с.
110. Конрад Н.И. Старое востоковедение и его новые задачи // Н.И. Конрад. Запад и Восток. Статьи. – М.: Глав. ред. вост. лит-ры, 1966. – С. 7-32.
111. Кошелев В.А. Историческая оппозиция «Запад-Восток» в творческом сознании Пушкина / В.А. Кошелев // Пушкин и мир Востока. – М., 1999. – С. 167.
112. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. / Л.П. Крысин. – М., 1969. – 208 с.
113. Кубачева В.И. «Восточная» повесть в русской литературе конца XVIII – начала XIX века / В.И. Кубачева // XVIII век. Сб. 5 / Отв. ред. П.Н. Берков. Л.: АН СССР, 1962. – С. 295-315.
114. Кулешов В.И. Жизнь и творчество А.С. Пушкина / В.И. Кулешов. – М.: Художественная литература, 1987. – 415 с.
115. Кулмаатов Д.С. *Мурза – мирза*. / Д.С. Кулмаатов // Русская речь, 2014, №5. – С. 118-121.
116. Кусов Г.И. Малоизвестные страницы Кавказского путешествия А.С. Пушкина. / Г.И. Кусов. – Орджоникидзе, 1987. – 222 с.
117. Лавренова О.В. Географическое пространство в русской поэзии XVIII – начала XX вв. (Геокультурный аспект). / О.В. Лавренова – М.: Институт Наследия, 1998. – 128 с.
118. Левкович Я.Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина / Я.Л. Левкович. – Л.: Наука, 1988. – 328 с.

119. Лежнев А.З. Проза Пушкина / А.З. Лежнев. – М.: Художественная литература, 1966. – 264 с.
120. Лексика русского литературного языка XIX-начала XX века. – М., 1981. – 359 с.
121. Лобикова Н.М. Пушкин и Восток. Очерки / Н.М. Лобикова. – М.: Наука, 1974. – 96 с.
122. Львов А.С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности / А. С. Львов. – М.: Наука, 1966. – 320 с.
123. Майков Л.Н. О поездке Пушкина на Кавказ в 1829 году / Л.Н.Майков // Историко-литературные очерки. СПб., 1895 [статьи о Пушкине]. – С. 223-241.
124. Маймин Е.А. Пушкин. Жизнь и творчество / Е.А. Маймин. – М.: Наука, 1981. - 208 с.
125. Макогоненко Г.П. Творчество А.С. Пушкина в 1830-е годы (1833-1836). / Г.П. Макогоненко. – Л.: Художественная литература, 1982. – 464 с.
126. Маркелов Н.В. "Где рыскает в горах воинственный разбой..." / Н.В. Маркелов // Новый мир. - №8. – 2007. – С. 84.
127. Маркелов Н.В. А.С. Пушкин и Северный Кавказ. / Н.В. Маркелов – М., 2004. – 255 с.
128. Матыцина Л.Н. Лексикон А.С. Пушкина по данным «Морфемно-морфонологического словаря языка А.С. Пушкина» / Л.Н. Матыцина // Материалы по русско-славянскому языкознанию: межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 1999. – Вып. 24. – С. 19-28.
129. Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: Сборник научных трудов / Ред. Л.И. Гришаева, Т.Г.Струкова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – 648 с.

130. Мейлах Б.С. Декабристы и Пушкин: Страницы героико-трагической истории. / Мейлах Б.С. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. – 367 с.
131. Модзалевский Б.Л. Библиотека Пушкина: Новые материалы / Б.Л. Модзалевский // Литературное наследство. – М., 1934. Т. 16-18. – 991 с.
132. Мугумова А.Л. К проблеме ориентального лексического влияния на язык русской художественной литературы 20-30-х годов XIX в.: на материале произведений М.Ю. Лермонтова дис. ... канд. филол. наук. / А.Л. Мугумова. – Махачкала, 1999. – 218 с.
133. Мурадян И.В. Имена исторических лиц в художественной прозе А.С. Пушкина // Актуальные вопросы русской ономастики. / И.В. Мурадян. – Киев, 1988. – С. 123-128.
134. Мясоедова Н.Е. Подходы к изучению «Путешествия в Арзрум» А.С. Пушкина / Н.Е. Мясоедова // Русская литература. – 1996. – №4. – С. 21-40.
135. Оразгалиева Г.Ш. Тюркоязычные топонимы в прозе А.С.Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Каз. гос. ун-т им. С.М.Кирова. / Г.Ш. Оразгалиева – Алма-Ата, 1990. – 25 с.
136. Питерская Т. Дорожный быт Российской империи / Т. Питерская // Родина. – №12. – 2001. – С.25.
137. Пичхадзе А.А. «Подражания Корану»: Источники и ассоциации / А.А. Пичхадзе // Русская речь. 1992. №1. – С. 15-18.
138. Плотникова В.А. Лексикографический и культурно-исторический аспекты "Словаря к произведениям А.С.Пушкина" / В.А. Плотникова // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. – М., 1988. – С. 145-149.
139. Плотникова В.А. Стихотворение А.С. Пушкина "Монастырь на Казбеке" (Заметки о композиции и синтаксических конструкциях) /

- В.А. Плотникова // Язык: система и функционирование. – М., 1988. – С. 201-207.
140. Поливанов Л. Примечания к "Подражаниям Корану" / Л. Поливанов // Соч. А.С.Пушкина, т. II. – М., 1887. – С. 129-143.
141. Померанцев П.П. Карта путешествий Пушкина / П.П. Померанцев // Известия Всесоюзного географического общества. – Л., 1949. Вып. 5. – С. 453-459.
142. Попова Т.Н. К вопросу о взаимодействии русской и заимствованной лексики в творчестве А.С.Пушкина / Т.Н.Попова // А.С.Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков: тез. междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рожд. А.С.Пушкина (Казань, 22 мая 1998 г.). – Казань: УНИПРЕСС, 1998. – С.130-131.
143. Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т.3. Проза. – М.: Худож. лит., 1987. – 527 с.
144. Пушкин в эмиграции: 1937 / Сост., коммент., вступ.ст. В.Перельмутера. – М. : Прогресс-Традиция, 1999. – 798 с.
145. Пушкинские места: Путеводитель. Ч.II. Крым; Украина и Молдавия; Кавказ и Закавказье; Поволжье и Урал. – М.: Профиздат, 1988. – 352 с.
146. Рассадин С. "Путь истины" и "стеся правды". День поэзии / С.Рассадин. – М., 1969. – С. 225-227.
147. Розенфельд А.З. Персидский поэт XIX в. Фазил-хан Шайда: к встрече Пушкина с миссией Хосров-мирзы и к русско-иранским культурным отношениям / А.З. Розенфельд // Средневековый Восток: история, культура, источниковедение. М., 1980. С. 226-230.
148. Роузентал Ф. Функциональное значение арабской графики / Ф. Роузентал // Арабская средневековая культура и литература. М., 1978. – С. 155.

149. Савина Е.В. Функции нетраслитерированных имен собственных в художественных произведениях А.С.Пушкина / Е.В. Савина // Язык, культура, коммуникация. – Саранск, Мордовский гос. ун-т, 2000. – С.36-37.
150. Саид Эдвард Вади. Ориентализм: Западные концепции Востока / Э. В. Саид ; пер. с англ. А. В. Говорунова. – М. : Рус. мирь, 2006. – 636 с.
151. Самойлова Г.П. Восточный «пласт» в отечественном романе XIX века / Г.П. Самойлова // Поэтика художественного произведения. –Курган: изд-во Кург. гос. ун-та, 2002. – С. 40-44.
152. Сапрыкина, Е.Ю. Путешествие / Е.Ю. Сапрыкина, П.И. Шпагин. // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. – Т. 6. / Гл. ред. А.А. Сурков. – М.: Советская энциклопедия, 1971. – С. 86-89.
153. Саттаров Г.Ф., Галиуллин К.Р. Опыт исследования заимствований [Рец.] // Совет мәктәбе. – Казань, 1983. № 11. – С. 31-32.
154. Сафиулина Р.М. Ориентализм в русском литературном процессе 10-х гг. XX в.: автореферат / Р.М. Сафиулина. – Душанбе, 1996. – 16 с.
155. Свирин Н.Г. "Подражания Корану" Пушкина. / Н.Г. Свирин // Звезда 1936 - № 8-С. 221-242.
156. Свирин Н.Г. Пушкин и Восток. Статья первая. «Бахчисарайский фонтан» / Н.Г. Свирин // Звезда. – 1935. – № 4. – С. 204-229.
157. Соловей Н.Я. Особенности использования мотивов Корана в "Подражаниях Корану" Пушкина / Н.Я. Соловей // Пушкин в странах зарубежного Востока. – М., 1979. – С. 125-143.
158. Степанов Н.Л. Проза Пушкина. / Н.Л. Степанов. – М.: Худ. лит., 1962. – 300 с.
159. Тартаковская Л. Третье открытие Востока (о «Путешествие в Арзрум» А.С. Пушкина) / Л. Тартаковская // Звезда Востока. 1984. - №7. – С. 168-178.

160. Трубе Л.Л. Остров Буян: Пушкин и география. – Горький: Волго-Вятское книж. изд-во, 1987. – 239 с.
161. Тынянов Ю.Н. О «Путешествии в Арзрум» / Ю.Н. Тынянов // Пушкин и его современники. – М.: Наука, 1969. – С.192-209.
162. Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники / Ю.Н. Тынянов. – М.: Наука, 1969. – 424 с.
163. Успенский Б.А. Пушкин и Толстой: тема Кавказа // Б.А. Успенский Историко-филологические очерки. – М., 2004. – 176 с.
164. Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX века. / А.В. Фадеев. – М., 1960. – 404 с.
165. Фадеев Р. Кавказская война / Р. Фадеев. – М.: Изд-во ЭКСМО Алгоритм, 2005. – 640 с.
166. Фаустов А.А. Экзотическое и его семантика в русской литературе начала XX века / А.А.Фаустов // Филологические записки. Вып. 27. – Воронеж: Воронежский университет, 2008. – С. 31-43
167. Фоля П.Ф. Южный период жизни Пушкина в отображении советской художественной прозы / П.Ф. Фоля // Пушкин на Юге: Труды Пушкинских конференций Одессы и Кишинева. Кишинев, 1961. Т. 2. – С. 294-310.
168. Фридман Н.В. Поэма А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» // Вопросы биографии и творчества А. С. Пушкина. / Н.В. Фридман. –Тверь, 1979. – С. 3-24.
169. Фрумкина Р.М. Статистическая структура лексики Пушкина / Р.М. Фрумкина // Вопросы языкознания, 1960, №3. – С. 78-81.
170. Хон К.-С. Восточные мотивы в творчестве русских символистов и других поэтов серебряного века: автореферат. / К.-С. Хон. – СПб.: 1995. – 16 с.

171. Цирулев А.Ф. Художественная специфика пушкинского автобиографизма / А.Ф. Цирулев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 9. Ч. 1. – С. 177-179.
172. Цявловский М.А. Новое о Пушкине в Кишиневе. (По дневнику кн. П.И. Долгорукова) / М.А. Цявловский // Новый мир. 1937. №1. – С. 287-290.
173. Черняев Н.И. «Пророк» Пушкина в связи с его же подражаниями Корану / Н.И. Черняев. – М.: Универ. тип., 1898. – 75 с.
174. Шадури В.С. Пушкин и грузинская общественность. / В.С. Шадури. – Тбилиси: Литература да хеловнеба, 1966. – 230 с.
175. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. / Шанский Н.М. – М., Культура речи, 1972. – С. 86,87, 121,122.
176. Шёгрэн А.М. Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и российско-осетинским. Репр. изд. / А.М. Шёгрэн – М. : ИМЛИ РАН, 2010. – LXXX, 560, XXIII, 297, 9 с.
177. Ширгазин О.Р. Двойное отражение образов стран Европы и России в стихотворении А.С.Пушкина «К вельможе» и в биографии Н.Б. Юсупова / О.Р. Ширгазин // «А.С.Пушкин в Подмосковье и Москве»: материалы конференции». Большие Вяземы, 1998. – С. 76-95.
178. Шкловский В.Б. Избранное. В 2 т. – Т. 1. / В.Б. Шкловский – М.: Художественная литература, 1983. – 639 с.
179. Эйдельман Н.Я. Быть может за хребтом Кавказа (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). / Н.Я. Эйдельман. – М., 1990. – 320 с.
180. Юналеева Р.А. Опыт исследования заимствований: (Тюркизмы в рус. яз. сравнительно с др. слав. яз.). / Р.А. Юналеева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 119 с.

181. Юналеева Р.А. Тюркизмы в русской классике. Словарь с текстовыми иллюстрациями. / Р.А. Юналеева. – Казань, 2005.
182. Юсуфов Р.Ф. Русский романтизм начала XIX века и национальные культуры. / Р.Ф. Юсуфов. – М., 1970. – 424 с.
183. Adams D. Colonial Odysseys. Empire and Epic in the Modernist Novel / D. Adams. – Ithaca, L.: Cornwell Univ. Press, 2003. – 249 p.
184. Azim F. The Colonial Rise of the Novel / F. Azim. – L.-NY: Routledge, 1993. – 253 p.
185. Meyers J. Fiction and the Colonial Experience / J.Meyers. – Ipswich: The Boy dell Press, 1973. XI – 147 p.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. Брокгауз-Ефрон – Энциклопедический словарь / Под ред. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. - СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890-1907.
2. Брокгауз-Ефрон 1993 – Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1993. – 488 с.
3. Гафуров А. Имя и история. – М., 1987. – 221 с.
4. Губинский – Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, социально-политическими терминами, СПб. Изд. В.И. Губинского, 1910. – 368 с
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Современное написание. В 4 томах. Том 4. Р-Я. М.: АСТ, Астрель, 2004. – 1152 с.
6. Епишкин Н.И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. – М.: Научный мир 2010. – 216 с.
7. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3-х томах. – М.: АСТ, Астрель, Харвест, Том 3. Р-Я. 2006. – 976 с.
8. Карнаки – Мусульманские имена. Словарь-справочник. / Сост. Ибн Мирзакарим ал-Карнаки. СПб., 2010. – 448 с.
9. Кретов А.А., Матыцина Л.Н. Морфемно-морфонологический словарь языка А.С. Пушкина / А.А. Кретов, Л.Н. Матыцина. – Воронеж: ЦЧКИ, 1999. – 208 с.
10. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов: [Более 4500 слов и выражений], М., 2006. – 669 с.
11. Михельсон М.И. Толковый словарь иностранных слов, пословиц и поговорок. – М.: АСТ, Транзиткнига, 2005. – 1120 с.
12. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. - 4-е изд., доп. - М.: Азбуковник, 1997. - 944 с.

13. Орленко Л.В. Терминологический словарь одежды. – М., 1996. – 288 с.
14. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. – М., 1996. – 480 с.
15. Поспелов Е.М. Географические названия России: Топонимический словарь. – М.: Астрель, 2008. – 528 с.
16. Поспелов Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь. – М: АСТ. 2001. – 512 с.
17. ПП – Путеводитель по Пушкину. – СПб.: Академический проект, 1997. – 432 с.
18. Пушкин: Школьный энциклопедический словарь / Сост. В.Я. Коровина, В.И. Коровин; под ред. В.И. Коровина. – М.: Просвещение, 1999. – 776 с.
19. Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Под ред. О.Н.Трубачева. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 288 с. («Русская энциклопедия»)
20. Словарь имен, упоминаемых в письмах Пушкина // Пушкин. Письма последних лет. 1834-1837. Л., 1969.
21. СЯП – Словарь языка А.С.Пушкина. В. 4-х т. М.: Азбуковник, 2000. – 1225 с.
22. Современный словарь иностранных слов. 20000 слов. М.: "Русский язык", 1993. -740 с.
23. Толковый словарь иностранных слов / Под ред. Л.П. Крысина. – М: Русский язык, 1998.
24. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. – М.: ИДДК, 2004.
25. Хеффе О., Малахов В.С. Энциклопедический словарь. – М.: Культурная Революция 2009. – 392 с.
26. Частотный словарь языка М.Ю.Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, с.717-774.

27. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. – М., 2001. Т.1. 624 с.; Т.2. 560 с.
28. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке / Е.Н. Шипова. – Алма-Ата: Наука, 1976. – 444 с.